

Елена Анатольевна Погосян, доктор философии Тартуского университета (Эстония). Ученица Ю. М. Лотмана. В 1997 г. защитила докторскую диссертацию на тему «„Восторг“ русской оды и решение темы поэта в русской панегирической литературе (1730—1762)». В настоящее время является доцентом кафедры русской литературы отделения русской и славянской филологии Тартуского университета. Читает курсы по истории древнерусской литературы, истории русской литературы XVIII в., по русскому фольклору, истории России, спецкурсы по истории русской культуры.

Территория культуры: история

Елена Погосян

Петр I — архитектор русской истории

Елена Погосян
Петр I — архитектор русской истории

Территория культуры: история

Елена Погосян

Петр I — архитектор русской истории

Торжественное вступление русских войск в Москву
после Полтавской победы 21 декабря 1709 г.
(Фрагмент гравюры А. Ф. Зубова)

Санкт-Петербург
«Искусство—СПб»
2001

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
П43

Федеральная программа книгоиздания России

This publication was supported by a grant from the American Council of Learned Societies.

Публикация осуществлена при содействии Американского совета научных сообществ.

Оформление *М. Лидиной, С. Пилипенко*

Погосян Е. А.

П43 Петр I — архитектор российской истории. (Серия «Территория культуры»). — Санкт-Петербург: «Искусство—СПб», 2001 г. — 424 с., ил.

ISBN 5-210-01556-4

Петровская эпоха рассмотрена в монографии как период формирования официальной истории и официальной культуры России. Исследуется деятельность Петра I, направленная на создание российской историографии. Рассчитана на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся культурно-историческим прошлым России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

© Издательство «Искусство—СПб», 2001 г.

© Е. А. Погосян, текст, 2001 г.

© М. Лидина, С. Л. Пилипенко, оформление, 2001 г.

ISBN 5-210-01556-4

От автора

Предлагаемая читателю книга посвящена тому, как важнейшие события эпохи Петра Великого, а затем и времен царствования Анны Иоанновны постепенно превращались в сознании современников в исторические. По горячим следам они отмечались придворными торжествами, а затем становились предметом ежегодного «воспоминания» в форме церковных служб, парадных обедов, фейерверков. Только пройдя этот путь, факты недавнего прошлого попадали на страницы исторических сочинений.

Внимание автора сосредоточено не на близких «процессах» и уж тем более не на постепенном превращении историографии в науку в современном понимании этого слова. Нам интересуют, в первую очередь, «субъективный фактор» в формировании официальной историографии: кто, когда и каким образом «пополнил» и «неправил» историю, а порой, как мы увидим, и заранее «пазначал» то или иное событие (например, военное сражение) на день рождения царя или его тезоименитства.

Книга наполнена перечислением и сопоставлением мелких и совсем мелких фактов, на которых историки обычно не задерживаются. Нетерпеливому читателю она может показаться не слишком сюжетной и не вполне концентуальной. Автору, для которого сопоставление дат, событий и названий праздников представляется самым надежным способом не только услышать «шум времени», но и различить голоса «делателей» истории, остается только надеяться, что среди его читателей окажутся и терпеливые.

Введение

Современники Петра I часто и заинтересованно рассуждали о времени. Причины тому можно видеть в актуальной для них реформе календаря или изменившемся ритме жизни. Эти причины, однако, не объясняют, почему авторы такого рода рассуждений постоянно возвращаются к вопросу о годовых праздниках*. Приведем два примера.

1 января 1722 года Феофилакт Лопатинский, видный проповедник и сторонник Петра, произнес «Слово о благодарованном мире». В самом начале своего «Слова» он привел известный парадокс Блаженного Августина: «Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю» [Августин, 327]. Ссылаясь на Августина, Феофилакт писал: «Что есть время, еще никто же меня спросит, кем; еще же спросит толкование его, не кем». Пока не нужно «толковать», что такое время, — поясняет он далее, — оно «мнится быти всем ведомое, последовательне дни, месяцы, и лета». Тем же, кто «вопрошает», пытается толковать, Феофилакт напоминает слова Иисуса Христа, обращенные

* Сразу же следует оговорить, что вслед за источниками первой половины XVIII в. праздники, которые праздновались ежегодно в установленный срок, мы будем называть «годовыми»; годовщины военных побед — «викториальными»; орденские праздники, приходившиеся на день памяти святого патрона ордена, — «кавалерскими»; наконец, праздники, отмечающие рождение, тезоименитство, годовщину бракосочетания или погребения лиц царской семьи — «царскими».

к апостолам: «Несть, рече, ваше разумети времена и лета». Человеку не следует «вопрошать любопытно» и не дано «разуметь» того, что Всевышний «положи в своей власти» [Панегирическая литература, 255]. Этим пассажем о времени Феофилакт начинает свое «Слово» не случайно: ему нужно объяснить слушателям, почему он уклоняется от того, чтобы «толковать» время заключения Ништадтского мира.

Те же слова Блаженного Августина напоминает читателю в 1729 году М-Г/Миллер, составитель «Примечаний на ведомости», первого академического издания, адресованного широкой публике. «Известен есть стих святого Августина. — пишет он, — то есть: что же есть время? Так долго, как меня об оном никто не вопрошает, то знаю я, что оное есть; но ежели мне тому, кто меня об оном вопрошает, оное изъяснить, то я оное не знаю». Время, — и здесь Миллер ссылается на мнение философов и испытателей природы, — «в себе самом ничего не содержит», оно — лишь последовательность событий. Однако из дальнейших рассуждений Миллера следует, что это не совсем так.

«Нам надлежит сие за счастье почитать, — пишет Миллер, — что астрономов и календарщиков довольно число имеется; Боже избави землю и живущих на ней от такого несчастья, чтоб они все померли и от того вящее поменательство, заблуждение и осквернение тех времен, которые Бог святить повелел, произвели» [Примечания к ведомостям, 1—6]. Если бы все «астрономы и календарщики» исчезли, то никто бы не знал в точности, когда отмечать праздники (в первую очередь речь, конечно же, идет о праздниках церковного календаря).

Таким образом оказывается, что время не есть только сама собою складывающаяся последовательность событий: существуют некоторые вехи и их сместить во времени нельзя — они должны приходиться на точно определенные моменты и составлять некоторый хронологический каркас, который заполняется чередой следующих одно за другим событий. Можно поменять способ счета часов на протяжении суток или даже календарь, переместив начало года, — и то и другое было бытовой реальностью для современников Петра. Иное дело праздники — любое их смещение приведет к «осквернению времен».

По сути дела, позиция Феофилакта Лопатинского только внешне противоречит тому, что пишет Миллер. Феофилакт не пускается в рассуждение о религиозных праздниках — их предустановленность является для него бесспорным фактом. Спорным или, точнее, требующим размышления оказывается хронологическая приуроченность к ним событий гражданской истории, вопрос о том, принадлежит ли к дням, «которые Бог святить повелел», празднование, например, годовщины военных побед или заключение мира. И здесь Феофилакт предпочитает уклониться от ответа, не решается «вопрошать любопытно».

Петр I не только полагал себя вправе «вопрошать любопытно» о времени, он, как мы попытаемся показать, считал это обязанностью монарха.

О. Г. Агеева, автор одной из последних монографий, посвященных Петровской эпохе, называет Петра I «спешащий царь». «Образцом человека Нового времени — „человека спешащего“, — пишет она, — был сам царь-реформатор. Тема времени и его нехватки посто-

янно сквозит в его письмах и высказываниях <...>. Примечательна фраза царя в письме к А. Винниусу: „Что трудитесь <...> и то zelo доброе дело и надобно, ибо время яко смерть“» [Агеева 1999, 258—260]. О том же Петр писал Сенату: «Пропущение времени смерти невозвратной подобно» [ПБПВ XI, № 4505].

Но Петр не просто стремился заполнить время делами как можно плотнее, у него были совершенно определенные представления о том, как именно нужно заполнять время, когда начинать важнейшие предприятия, чтобы они были успешными, и когда их праздновать, чтобы можно было надеяться на новый успех. У Петра, несомненно, была своя «стратегия» в обращении со временем. Имперский календарь, построенный Петром, и его исторнографические проекты как раз и дают возможность понять и описать эту «стратегию».

Первым шагом в осмыслении событий Северной войны была для Петра организация торжеств по случаю военных побед. Со временем одни «случайные» торжества по воле монарха становились годовыми, другие теряли свое значение; складывался годовой цикл гражданских праздников. Наконец, в календаре на 1725 год впервые в России был опубликован официально «анобрированный» список годовых гражданских торжеств.

Эта роспись торжеств была не только программой организации придворного быта, у нее была еще одна, крайне важная функция. Выстроив ряд важнейших вихторнальных дней, Петр превратил список торжеств в своего рода конспективную версию официальной истории империи. Годовые гражданские праздники

должны были, по замыслу царя, ежегодно воспроизводить, «оживлять» перед глазами подданных историю его царствования.

Настоящее исследование посвящено двум названным сферам: *придворному календарю и официальной историографии*. Речь, в первую очередь, пойдет о деятельности Петра, направленной в будущее: «построении» такой истории своего царствования, какой она должна была остаться в памяти потомков. Соответственно, мы попытаемся не только описать деятельность монарха и его ближайшего окружения в этом направлении, но и проследить, как сложилась судьба календарных и историографических проектов Петра Великого при его ближайших приемниках.

Простота, с которой Петр I одевался, бережливость царя, отсутствие постоянной свиты и вооруженной охраны, неприязнь к утомительным церемониалам и, наконец, привычка к постоянным переездам — все это давало историкам повод говорить, что Петр, в отличие от других европейских монархов, не содержал двора. Линдси Хаджид, автор книги «Россия при Петре Великом», оспаривая это мнение, пишет: «Последние пять лет правления Петра были ознаменованы не только существенным увеличением законодательной активности, но и бесконечной чередой праздников, маскарадов и балов. Петровский двор по существу мало чем отличался от двора Людовика XIV, служившего образцом для всей Европы» [Hughes 1998, 248].

В том, что у Петра I двор был, современники не сомневались. «Двор царицы так хорош и блестящ, как почти все дворы германские. У царя же, напротив, он чрезвычайно прост: почти вся его свита состоит

из нескольких денщиков», — писал, например, камер-юнкер Берхгольц, прибывший в Россию в свите герцога Голтингского в 1721 году [Берхгольц I, 17]. Приведенный отзыв (а он похож на многие другие) показывает, что с точки зрения современника непосредственное окружение монарха, даже если оно состоит только из денщиков (к тому же «незнатных фамилий»), составляет «свиту», явления же монарха на публике, даже если они кажутся современникам слишком простыми или неуместно эксцентричными, составляют его придворный быт. В таком случае культурные формы, которые вовлечены в организацию публичного быта монарха, от искусства повара, портного и ювелира до панегириста и придворного историографа, будут всегда составлять придворную культуру как самостоятельный институт, независимо от того, насколько искусен повар или панегирист монарха.

Придворную (или официальную) культуру, таким образом, мы будем понимать как культуру, которая возникает и существует только при условии прямого участия в ней монарха. Именно присутствие монарха определяет ее специфику: монарх обладает всей полнотой власти, и потому в сферу, доступную его непосредственному наблюдению и контролю, не может проникнуть «культурный объект», который противоречил бы его намерениям, вкусам или взглядам (будь то текст церковной службы, маскарадный костюм кого-либо из гостей или вновь отпечатанный календарь).

Границы придворной культуры в разное время — в зависимости от воли монарха — могут расширяться или, напротив, резко сужаться: при Петре I в нее входит, например, издательская деятельность (все книги

печатались с ведома царя и часто при его непосредственном участии); при Петре II — охота, игравшая важную роль при дворе Алексея Михайловича, но совершенно заброшенная при Петре I; при Анне, особенно к концу ее царствования, границы придворной культуры резко сужаются до пространства дворца и дворцовых парков.

При определении границ придворной культуры речь должна идти не просто о позиции монарха, но о позиции монарха, которую он готов демонстрировать своим подданным. Ограничения здесь могут касаться не только частного быта или частных мнений монарха. Так, например, в записной книжке Петра сохранилась помета: «Чтоб написать книгу о ханжах и изъять блаженствы [кротость Давидову и проч.], что не так, как они думают; и приплести к требникам, а в предисловии явить то дельцом Ростовского (Дмитрия Ростовского. — *Е. П.*) с товарищи» [Воскресенский, 78]. Петр в данном случае, как мы видим, предпочитает выступать не от своего имени, а от имени церковного иерарха, авторитетного в самых различных слоях русского общества. Как не разглашалось участие правительства в изготовлении идеологических фальсификаций, так, например, не тиражировались в рамках придворной культуры и секретные соглашения или планы военных кампаний.

Предложенное ограничение того круга фактов, которые будут отнесены к придворной культуре, разумеется, условно. Однако оно позволяет ограничить и структурировать материал, к анализу которого мы обратимся.

Культурные реформы в России начала XVIII века, в том числе и глубокие изменения, которые произо-

шли в сфере придворной культуры, были подчинены логике и воле одного человека — Петра I. «Церемониальные инновации Петра», полагает В. М. Живов, можно интерпретировать «как *единый комплекс*, связанный *единым* пропагандируемых идей и переплетением конкретных действий» [Живов, 573]*. Именно такой подход объединяет наиболее плодотворные исследования двух последних десятилетий, посвященные официальной культуре Петровской эпохи. В работах Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Г. П. Гребенюка, В. М. Живова, Ричарда Вортмана Петровская эпоха предстает не причудливым соединением «варварства» и «европейского просвещения», какой она казалась, например, современникам-иностранцам, а воплощением идеологической программы царя. В этой перспективе каждый «историко-культурный объект» [Лотман, Успенский, 202] обретает свое место и свой смысл.

В самое последнее время наметился несколько иной подход к культуре Петровской эпохи. В первую очередь здесь следует назвать работы О. Г. Агеевой, которая уделяет особое внимание эволюции идей и культурных форм при Петре I [Агеева 1991, 1991-а и 1999]¹. Так, например, ей удалось убедительно показать, что «концепция» Петербурга на протяжении первых двадцати лет его существования «не была неподвижной». «Жизнь менялась стремительно, — пишет Агеева, — менялись взгляды и приоритеты в деятельности людей, а следовательно, претерпевала изменения и „программа“ града Петрова». Петербург исходно возводился как торговый центр, и только в 1710-е годы на первый

* Здесь и далее в цитатах курсив мой. — *Е. П.*

план выходит его «репрезентативная функция» [Агеева 1999, 61]. В фокусе исследования Агеевой, таким образом, оказывается не итог, а сам процесс идеологического строительства в Петровскую эпоху.

Именно такой «эволюционный» подход представляется наиболее продуктивным при анализе календаря и историографии, то есть тех сфер придворной культуры, которые особенно тесно связаны с хронологией: для составителя календаря или истории Петра I общая картина царствования видится по-разному, например, в 1708 и в 1722 годах (до Полтавы и после заключения Ништадтского мира).

Придворная культура Петровской эпохи менялась очень быстро, часто нам придется сталкиваться с тенденциями, которые появляются и затем исчезают на протяжении всего нескольких лет. Изменения такого масштаба, как правило, — результат деятельности конкретных лиц. На протяжении первой четверти XVIII века инициатором их, как принято считать, был сам царь.

Ричард Вортман в своей монографии «Сценарии власти» (а он работает именно с тем материалом, к которому нам неоднократно придется обращаться) описывает триумфальное шествие по случаю взятия Азова (оно состоялось в Москве 30 сентября 1696 г.). Это шествие, подчеркивает исследователь, было организовано по личному приказанию Петра, и Петр сам принимал в нем участие. Следовательно, у Ричарда Вортмана есть все основания полагать, что этим триумфом «Петр ввел в употребление новый символический язык и политическую образность, заимствованную из репертуара западного абсолютизма». В другом случае

Ричард Вортман, комментируя картины, украшавшие триумфальную арку, указывает: «Петр считал современную армию» непобедимой силой² и т. д. Вортман, как мы видим, подчеркивает, что украшение триумфальных ворот выражает некоторую официальную позицию, которая, в свою очередь, должна совпадать с позицией монарха. Такая точка зрения совершенно оправдана, если задача, которую ставит перед собой исследователь, состоит в том, чтобы описать итог идеологического строительства на определенном этапе правления Петра I.

Однако та же самая ситуация может быть представлена совсем в иной перспективе: хорошо известно, что во время подготовки триумфальных ворот Петра не было в Москве (он возвращался вместе с армией и прибыл незадолго до шествия); организацией триумфального входа по указанию Петра занимался Андрей Виниус; никаких подробных инструкций по украшению ворот Виниус от царя не получал, о чем свидетельствует его переписка с царем; есть основания полагать, что в сочинении программы для украшения триумфальных ворот принимали участие учителя Славяно-греко-латинской академии. Далее, об оформлении триумфальных ворот нам известно из современного описания, которое, в отличие от ряда позднейших сочинений такого рода, не было напечатано при жизни Петра I. Мы можем только с определенной долей условности полагать, что описание в точности соответствует тому, что было представлено на воротах в день триумфа, а также, что Петр остался доволен украшением ворот и был знаком с описанием.

Украшения ворот, план шествия и описание триумфа, таким образом, были результатом усилий группы людей, которые, по причине отсутствия подробной инструкции, должны были полагаться на свою интуицию, угадывая, что именно царь захочет видеть среди изображений и в какой исторической перспективе следует представить взятие Азова.

Как раз на *конкретных усилиях* не только монарха, но и других *участников идеологического строительства*, которые в своей деятельности выражали свои «субъективные» представления о том, как именно должно было быть понято то или иное событие, мы постараемся сосредоточить основное внимание. Это позволит отойти от представления об анонимности и отчасти «мистическом» надличностном характере официальной культуры.

Конечно, далеко не всегда мы можем установить, кто именно придумал заставку к календарю или составил план торжественной процессии (а если и можем, то для нас останется загадкой, какие именно и насколько подробные инструкции он получил). Но даже если автор и исполнитель того или иного проекта нам неизвестен, мы можем попытаться представить себе, каковы были его интенции в тех или иных конкретных обстоятельствах. Это, в свою очередь, ставит нас перед необходимостью ориентироваться не на широкую, «потенциальную» семантику каждого образа или сюжета, использованных, например, при украшении триумфальных ворот, а на их узкую, «*прикладную*» семантику, на тот конкретный круг значений, который был актуален для исполнителя данного официального заказа. Речь пойдет не о том, как образ или сюжет мог быть

понят (в рамках тех значений, в которых он использовался на протяжении всей Петровской эпохи в целом), а какое из его значений было актуальным именно в данном контексте³.

Так, например, Ричард Вортман пишет, что после Полтавы Петр начинает открыто демонстрировать претензии на императорский статус и богоподобие. «Аналогия, — указывает Вортман, — давала путь для утверждений сходства и даже полного тождества. Петр писал в письме после Полтавской битвы, что „вся неприятельская армия Фавтонов конец восприяла“, представляя себя Зевсом, наказывающим заслушание непокорного сына Геллоса»⁴. Вортман ориентируется в своем толковании на все потенциальные значения сюжета: если армия «восприяла Фавтонов конец», то есть погибла, как когда-то Фавтон, то можно говорить, что сама армия Карла XII сопоставлена у Петра с Фавтоном; в таком случае победивший Фавтона Зевс может быть сопоставлен с победившей шведов русской армией и с самим Петром (причем не только как победитель, но и в других своих качествах). Не исключено, что потенциально сравнение из письма Петра могло быть понято кем-то из современников именно так.

В то же время мы не знаем, насколько далеко простиралась интенция царя: намеревался он сопоставить себя с Зевсом или всего лишь употребил выражение «Фавтонов конец» в значении «плачевный конец». Строки из письма царя были использованы при подготовке фейерверка, посвященного Полтавской победе: на отдельном щите был изображен «Юингер, поражающий Фавтона» с подписью «От возношения низвержение» [Ровинский, 186] (ил. 1). Здесь, как мы видим, запечатлен

И. П. Пикарт (?).

Три транспаранта фейерверка, посвященного победе
при Полтаве, 1 января 1710 г. в Москве

весь сюжет, но поднимать предлагает интерпретировать изображение вполне конкретным образом: как Фаузон погиб от «возношения», так пшведы проиграли сражение из-за чрезмерной гордости и уверенности в своих силах. Никаких специальных указаний на то, что Юпитер представлял Петра, составители программы фейерверка не дают. Но даже если предположить, что изображение Юпитера несло черты портретного сходства с Петром (что, судя по сохранившейся гравюре, не так), то все равно у нас нет оснований полагать, что в глазах устроителей фейерверка Юпитер представлял не торжествующего победителя, а подчеркивал богоподобие Петра.

Ориентация на интенции конкретных участников идеологического строительства, которые имеют смысл именно в данный момент и в данных обстоятельствах, дает возможность учитывать *субъективный фактор* в сложении официальной идеологии и придворной культуры. Именно такой подход представляется наиболее продуктивным при изучении придворного календаря и официальной историографии.

В заключение хотелось бы выразить благодарность профессору Тартуского университета Любови Николаевне Киселевой за постоянное внимание к ходу исследования и плодотворные дискуссии. Совместная работа с профессором Киселевой по теме «Имперский календарь как культурологическая проблема»*

* Киселева Л. Н., Погосян Е. П. Российский имперский календарь как культурологическая проблема // VI World Congress for Central and East European Studies: Divergencies, Convergencies, Uncertainties. Abstracts. 29 July — 3 August 2000. Tampere, Finland. P. 208—209.

послужила важным импульсом для первой части этой работы.

Работа над этой книгой и ее публикация были бы невозможны без поддержки Американского совета научных сообществ. В 1999 году он профинансировал исследовательский проект, результатом работы над которым является настоящая книга, а в 2000 году — ее публикацию. Поддержку Американского совета научных сообществ автор считает большой честью для себя и рассматривает ее как важный стимул в работе над книгой.

Примечания

¹ Не все в работах Агеевой кажется бесспорным. Так, например, она пишет: «Пожалуй, одна из самых интересных проблем, которая занимала автора этой книги, — проблема связи Петербурга и свойственных раннему Новому времени изменений в сознании людей таких базовых категорий картины мира, как пространство, время и т. п. В исследованиях по истории менталитета эти категории принято относить к числу универсальных понятий, образующих в каждой культуре своего рода „модель мира“ (А. Я. Гуревич), и рассматривать их как самостоятельные объекты изучения. Категории пространства и времени <...> основательно рассмотрены уже относительно Западной Европы, однако мало изучены применительно к истории России. При этом основное внимание учеными всегда уделялось древним обществам и средневековью» [Агеева 1999, 10]. К настоящему времени вопрос о возможности реконструкции «картины мира» даже в отношении длительных периодов существования «традиционных» культур, например европейского или русского средневековья, по-прежнему остается спорным [Лурье, 13-18]. Возможность применения подобной методики при анализе Петровской эпохи требует самого подробного теоретического обоснования.

² «Peter announced a new symbolic language and political imagery taken from the repertoire of Western absolutism», «irresistible, superhuman force that Peter attached to a modern army» [Wortman, 42—43].

³ Ведущие проповедники Петровской эпохи с особым вниманием относились к вопросам такой «актуальной» семантики и специально оговаривали свои интенции при построении сложных или нетрадиционных сравнений. Так, Феофан Прокопович в «Слове о власти и чести царской» (1718) в качестве образца для почитания земного царя предлагает «во Иерусалим вход Христов». Смысл своих слов он тут же разъясняет: «Ниже да помыслит кто, аки бо намерение наше есть земного царя *сравнити* небесному. Не буди нам тако безумствовати». Срав-

нение сделано, указывает Феофан, «не в равенство, но в приклад» (т. е. для примера) [Феофан Прокопович, 76—77]. В другом «Слове», прочитанном позднее, в 1722 г., Феофан говорит, что при измине Мазепы Петр пережил искушение «не по равенству, а по подобию Христово» [Панегирическая литература, 275]. Сама идея того, что одно и то же утверждение может иметь различный смысл, наиболее лаконично сформулирована Феофаном в заглавии одного из его сочинений: «Розыск исторический, коих ради вин, и в яковом разуме были и нарицались императоры римстии, как язычестии, так и христианстии, понтифексами или архиереами многобожного закона. А в законе христианском, христианстии государи, могут ли нарицаться епископы и архиереи и в каком разуме». Феофан подчеркивает, что и сравнение, и наименование может выступать в различном «разуме», в зависимости от ситуации. Такова была и позиция Гавриила Бужинского. Так, сетуя, что интенции автора зачастую непонятны читателю или слушателю, он в 1719 г. указывал: «Иные же, не рассуждающе речения метафорического или аллегорического, просто приемлют словеса» [Панегирическая литература, 224].

⁴ «Peter's decisive victory over Charles XII at Poltava in 1709 was a great symbolic divide. He then threw off his restraint and began openly asserting imperial and godly pretensions. Analogy gave way to direct statements of similarity and even equivalence. Peter wrote in a letter after the battle that „an entire army of Phaetons has been defeated“, seeing himself as Zeus subduing the refractory son of Helios» [Wortman, 49].

Часть I ПРИДВОРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ПРИ ПЕТРЕ I

Первый печатный календарь* был издан в России в декабре 1708 года под заглавием: «Календарь или месяцеслов христианский, по старому штилю или исчислению, на лето от воплощения Бога слова 1709, напечатан в Типографии Московской»¹. С 1713 года календари издаются не только в Москве, но и в Петербурге. В московском и петербургском календарях на 1725 год впервые появляется новая рубрика «Торжественные, праздничные и викториальные дни, которые повсегодно празднуемы бывают».

Этот список торжеств был использован Линдси Хендс как один из основных источников для описания того цикла придворных торжеств, который сложился к концу петровского царствования [Hughes 1998, XXIX, 270—279; Hughes 2000**]. Задача, которую ста-

1
103

* В дальнейшем нам придется говорить и о календарях как типе изданий, и о календаре как цикле торжеств. Чтобы избежать путаницы, во втором случае мы будем говорить о «придворном календаре».

** На это исследование нам любезно указала Л. Н. Киселева.

1-1
103

вит перед собой Линдси Хаджес, — не просто описать торжества Петровской эпохи, но установить, чем именно «ритуальный год» при Петре отличался от того, который существовал в России в XVII веке. Для решения этой задачи Линдси Хаджес отдельно реконструирует и «ритуальный год» московского двора в XVII веке, и цикл придворных торжеств конца петровского царствования. В первом случае основным источником для реконструкции служат «Дворцовые разряды», во втором — названный выше список торжеств и походные журналы Петра I. Результаты своей реконструкции Хаджес публикует в приложении к статье [Hughes 2000, 165—168].

Придворный календарь XVII века, указывает Линдси Хаджес, был построен вокруг православного литургического года. Он включал тезоименитства членов царской семьи, дни, посвященные памяти предков царствующего монарха (их тезоименитства и годовщины смерти). Кроме того, в придворном календаре был представлен ряд годовщины военных побед: 23 июня праздновали день иконы Владимирской Божьей Матери (победа Ивана III над татарами в 1480 г.), 28 июля — иконы Смоленской Божьей Матери (возвращение Смоленска в 1514 г.), 19 августа — чудотворной иконы Богоматери Донской (в этот день была одержана победа над Мурат Гиреем в 1591 г.) и 22 октября — иконы Казанской Божьей Матери (чудесное избавление Москвы от поляков в 1612 г.) [Hughes 2000, 150, 158—159].

В начале петровского царствования, как показывает Хаджес, ритуальные обязанности исполнял царь Иван, тогда как Петра в праздничные дни часто не

было в столице. После смерти Ивана в 1696 году и во время «Великого посольства» основные праздники по-прежнему отмечались в Кремле, несмотря на отсутствие монарха. Эта практика была прекращена по смерти патриарха Адриана. К 1700 году, таким образом, старый придворный календарь перестал существовать. На протяжении первых двух десятилетий XVIII века в новый придворный календарь были включены около 30 новых праздников.

Оба списка торжеств, которые сравнивает Линдси Хаджес, как уже было сказано, являются реконструкцией. Остановимся подробнее на втором из них, относящемся к Петровской эпохе. Линдси Хаджес берет за основу для реконструкции список календаря 1725 года, в который были включены только гражданские торжества (неключенные составляет лишь 30 августа, на которое приходилось не только заключение Ништадтского мира, но и перенесение мощей св. Александра Невского). Этот список распространен в двух направлениях.

Во-первых, Линдси Хаджес специально подчеркивает, что новый цикл придворных торжеств, сложившийся при Петре I, не был продуктом прямолинейной секуляризации. Соответственно, она вносит в список три праздника церковного календаря (Водосвятие, Пасха и Рождество), а сведения о викториальных праздниках в ряде случаев дополняет указанием на день памяти святого, который с ним совпадает (св. Самсон в годовщину Полтавы, св. Пантелеймон в годовщину Гангута и Гренгама и св. Матфей в годовщину взятия Нарвы). Для Нотебурга, Лесной и Калиша такого рода сведения не приведены, хотя, например, известно, что в Троицкой церкви в Петербурге в честь победы при Лесной

1-1
103

был освящен придел св. Харитона, память которого праздновали 28 сентября [Агеева 1999, 292].

Во-вторых, список календаря 1725 года дополнен годовщиной Калишской «виктории», днем рождения Елизаветы Петровны (рождения цесаревны Анны и Натальи Линдси ~~Хаджес~~ не вносят), тезоименитством сестры царя Натальи Алексеевны и внучки, дочери царевича Алексея (в списке 1725 г. 26 августа, в день памяти св. Натальи значилось только тезоименитство цесаревны Натальи Петровны).

Сестра царя умерла в 1716 году, дочь Наталья родилась в 1718 году: в один год оба тезоименитства никогда не праздновались. Точно так же годовщина Калиша, которая в 1724 году уже была выведена за пределы списка викториальных дней, никогда не праздновалась в один год с коронацией Екатерины и перенесением мощей св. Александра Невского и т. д. Объектом реконструкции Линдси ~~Хаджес~~, как мы видим, является некоторая система торжеств, которая существовала только в потенции, торжества того или иного года были ее частичной реализацией, так же как и список торжеств в календаре на 1725 год. «На протяжении петровского царствования в состав придворного календаря было включено около тридцати специальных торжеств, однако, — подчеркивает исследовательница, — не все они праздновались с одинаковой пышностью и регулярностью» [Hughes 2000, 152]. На таком же основании построена и реконструкция календаря XVII века. Определенные праздники, как подчеркнуто в комментарии к реконструкции, получали особое значение в то или иное царствование, и не все праздники отмечались ежегодно [Hughes 2000, 165].

О. Г. Агеева, которая также специально рассматривает придворный календарь Петровской эпохи, специально подчеркивает поэтапный характер его формирования. «К концу правления царя-преобразователя, — пишет она, — стало обычным отмечать дни петровских викторий — дни сражения при Лесной (с 1709 г.), Полтавской битвы (с 1710 г.), сражения при Калише (с 1710 г.), взятия Нотебурга-Шлиссельбурга (с 1714 г.), морских баталий — Гангута и Гренгама (с 1715 г. — Гангут), взятия Нарвы (с 1718 г.)» [Агеева 1999, 253].

Эволюция придворного календаря при Петре представлена здесь как процесс «накопления» праздников. Однако, и нам еще придется говорить об этом подробно, тот факт, что праздник отмечался однажды или даже на протяжении ряда лет, не означает, что такая ситуация сохранялась до конца правления Петра I (так, например, годовщины Нарвы, Калиша и Лесной то исчезали из праздничного цикла, то вновь возвращались).

Чтобы описать по возможности детально эволюцию взглядов Петра на то, каким должен быть придворный календарь, использование предложенных Линдси ~~Хаджес~~ и О. Г. Агеевой моделей не будет продуктивным. Нам придется обращаться именно к каждому отдельному годовому циклу торжеств, поскольку, с точки зрения организаторов придворного быта, каждый цикл был «достаточен», то есть полностью отвечал требованиям царя в тот или иной момент времени (в противном случае он должен был быть дополнен или уточнен).

Поэтому мы вновь будем опираться на документальные источники. Сразу же следует подчеркнуть, что для решения поставленной задачи список торжеств, помещенный в календарь 1725 года, может быть рассмот-

рен только как программа, которая должна была вступить в силу уже после публикации. Но Петр умирает в январе 1725 года, и после его смерти придворный календарь неизбежно претерпевает серьезные изменения. Конечно же, этот список повлиял на ритм официально-го быта последующих эпох. Однако в таком составе и в такой последовательности официальные придворные торжества так никогда и не праздновались.

Основная часть придворных торжеств при Петре праздновалась «с молебствием». «Уклонение от совершения особого богослужения, предусмотренного для этих дней, — указывает В. М. Живов, — рассматривалось как тяжкое преступление» [Живов, 539]. Вопрос об этой стороне придворной культуры, так же как и изучение, например, идеологии викториальных служб в их соотношении с панегирической традицией, является крайне интересным и актуальным, но требует отдельного исследования. Конечно, наглухо разделить церковные и гражданские праздники невозможно уже хотя бы потому, что ведущей формой панегирической литературы (литературы, принципиально ориентированной на придворную культуру) при Петре была церковная проповедь. Тем не менее по возможности мы постараемся эти сферы разделять.

Для Петра каждый годовой цикл имеет, как уже говорилось, свое значение. Но можно выделить периоды, на протяжении которых взгляды Петра на смысл и состав придворных торжеств были сравнительно стабильными. Наиболее активно царь занимается организацией торжеств после второго Азовского похода и в начале Северной войны, потом — в 1708—1709 годах и, наконец, возвращается к календарю незадолго до за-

ключения Ништадтского мира. С определенной долей условности можно выделить три больших периода: 1696—1708, 1708—1719 и 1719—1724 годы.

Попробуем проследить, какой была система годовых гражданских торжеств в каждый из периодов. Это, в свою очередь, неизбежно приведет нас к вопросу о том, в какой степени состав годовых гражданских торжеств определял основные историографические схемы, зафиксированные в сочинениях современников Петра I.

Глава I

Торжество по случаю военной победы:

1696—1708 годы

В 1696 году русские войска захватили турецкую крепость Азов. В 1700 году началась война со Швецией, и каждый год приносил сначала небольшие, а потом все более крупные победы. Каждую победу, какой бы незначительной она ни была, Петр стремился отпраздновать с возможной по обстоятельствам пышностью и торжественностью. В период с 1696 по 1708 год довольно много своего времени царь ежегодно посвящает организации торжеств по случаю отдельных побед.

«Сыны адепте не одолеют нас»: взятие Азова

Торжества в честь взятия Азова являются отправным пунктом в сложении придворного календаря и официальной историографии Петровской эпохи.

Первый поход под Азов в 1695 году не принес значительных результатов в силу различных причин, одной из них было позднее начало кампании: генерал Патрик

Гордон привел свои полки к Азову только 27 июня, а через два дня к городу подошел и царь, спускавшийся по Дону с остальными войсками. Дата прибытия Петра не была случайной: в Черкасске, находившемся в одном дне пути от лагеря Гордона, Петр задержался на три дня и прибыл к Азову точно в день своего тезоименитства — 29 июня [Богословский I, 215, 226]. Тезоименитство царя должно было стать символическим началом осады крепости. По прибытии Петр писал Андрею Винниусу в Москву: «Прошлого июня в 29 день, в день святых апостол Петра и Павла, пришли на реку Койсу, верст за десять от Азова, и на молитвах святых апостол, яко на камени, утвердяся, несумненно веруем, яко сыны адские не одолеют нас» [ПБПВ I, № 45].

В следующем 1696 году было решено начать кампанию раньше, войска стали подходить к Черкасску уже с мая, постепенно втягиваясь в строительство фортов и организацию морской блокады крепости. Начало формальной осады Азова было назначено на 8 июня, по этому случаю воевода Шенин, перенесший накануне свою ставку к крепости, «в обозе молебствовал». 8 июня праздновался день перенесения мощей св. Федора Стратилата, на этот же день приходилось тезоименитство царя Федора Алексеевича, старшего брата Петра (царь Федор умер в 1682 г., и 8 июня по нему ежегодно служили панихиду). Однако прямых указаний на то, что Петр выбрал эту дату не только из стратегических соображений, но и с ориентацией на «календарный контекст», в известных нам источниках не сохранилось.

22 июня Патрик Гордон, который вел подробный дневник осады, записал, что солдаты обратились к своим командирам с просьбой насыпать вал вокруг

осажденной крепости [Богословский I, 324]. Это обращение имело, скорее всего, ритуальный характер: осадные сооружения возводились по плану и под надзором опытных военных (уже после начала осады к ним присоединились инженеры, прибывшие специально для этой цели из Вены), и вряд ли просьба солдат могла изменить план осады. Просьба о возведении вала была принесена накануне праздника Владимирской иконы Божьей Матери и победы Ивана III над татарами в 1480 году («стояния на Угре»). Строительство вала началось в праздничный день, вечером 23 июня, и было, таким образом, отнесено к важному в перспективе борьбы с «агарянами» хронологическому рубежу.

К концу июня у Петра появилась надежда, что Азов сдастся в день его тезоименитства. 29 июня в город была пущена стрела с привязанным к ней письмом, в котором осажденным было предложено немедленно сдаться на «хороших условиях». «Его величество, — записал в дневнике Патрик Гордон, — принимает такую меру ради своих имени» [Богословский I, 325—326]. Осажденные капитулировать отказались². Только через двадцать дней, 19 июля, крепость наконец сдалась. Воевода Шенин принял «городовые ключи» и казну, осажденные покинули Азов.

Все, что происходило под Азовом, получало самое подробное отражение в реляциях, которые регулярно отправлялись из армии в Москву. Кроме того, Петр лично писал патриарху Адриану, князю-кесарю Ф. Ю. Ромодановскому, Андрею Винниусу и еще целому ряду лиц.

На время осады пришлось два праздника, которые были специально упомянуты в одной из реляций: «Чет-

вертый бой был июня в 24 день, на рождество Иоанна Предтечи поутру»; «Пятый бой был июня в 29, в день Петра и Павла» [Желябужинский, 289, 290]. Упоминание не было случайным. В конце августа, когда в Азове велись восстановительные работы, реляция сообщала: «В городе из мечети построена церковь Божия, Похвалы Пресвятой Богородицы; Предтечи Иоанна Крестителя велено починить, да вновь из мечети велено построить церковь верховных апостолов Петра и Павла» [Желябужинский, 295]. Первые два храма были отстроены и освящены с большой торжественностью и при пушечной пальбе еще до отъезда Петра из Азова [Богословский I, 338—339].

Освящение церкви Похвалы Богородицы было назначено на 8 августа. «Турецкая мечеть была готова, — записал Гордон в своем дневнике, — и доведена до крыши. Она была с большой торжественностью освящена, и в ней было совершено первое христианское богослужение, во время которого троекратно палили большие орудия вокруг города, с галер и голасов, а также в лагере. Я отправился туда, чтобы принести поздравление его величеству» [Богословский I, 339]. Для освящения церкви Петр выбрал день, который имел для него особое значение: 8 августа 1689 года Петр, получив известие об угрозе нападения стрельцов, бежал из Преображенского и укрылся в Троице-Сергиевой лавре. Чудесное избавление царя от грозившей ему опасности стало и фактическим началом его правления.

Второй из освященных еще в присутствии Петра азовских храмов был возведен во имя Иоанна Предтечи. Иоанн Предтеча был святым покровителем недавно

(в январе 1696 г.) умершего брата и соправителя Петра царя Иоанна Алексеевича³. Но особое значение праздника рождества Иоанна Предтечи для всех участников осады определялось, как мы видели, тем, что в Азове существовал посвященный этому святому храм, а война с Портой осмыслялась в том числе и как освобождение от «агарян» христианских святынь. Освящение вновь отстроенного храма было назначено на день памяти Михаила Федоровича (он умер 13 августа 1645 г.). Возможно, хотя прямых указаний на это не сохранилось, Петр выбрал и этот день намеренно.

20 июля, сразу после взятия крепости, Петр отправляет в Москву письма с известием о победе. «Благословил господь Бог оружие Ваше государское, — писал царь Ф. Ю. Ромодановскому, — поспе же вчерашнего дня молитвою и счастьем вашим, государским, азовцы, видя конечную тесноту, сдались» [ПБПВ I, № 112]. Петр использует здесь понятие «государское счастье» по отношению к Ф. Ю. Ромодановскому (номинальному правителю государства во время отсутствия Петра и шутовскому «кесарю»), однако эта же, традиционная в придворном обиходе XVII века, идиома широко использовалась как в официальных документах начала петровского царствования⁴, так и в записках современников. В донесениях из-под осажденного Азова находим: «милостью Божиею и его *государским счастьем* турецких людей на море побили»; «милостию великого Бога и его *государским счастьем* Азов осадили накрепко, и в шанцах засели»; «милостию всемогущего Бога и его *государским счастьем* ратные люди с того боя татар сбили» [Желябужинский, 288]; «милостию Божию, а вашим *государским счастьем*, бусурманская

гордость поуспмирилась и ворота на Черное море стали отверсты» [ПДС, 6] и др.

Петр «строит» свою первую победу, выбирая дату того или иного события в ряду праздников церковного календаря. Но особое значение приобретают для него под Азовом именно царские дни, которые представляли историю династии и правление самого Петра: исход осады, то есть его «государское счастье», определен в том числе и правильно выбранным календарным контекстом военной кампании.

19 июля, день, когда осажденная крепость канитулировала, приходился на воскресенье. В письме патриарху Адриану Петр подчеркивал, что Азов слался «в день воскресения Христова» [ПБПВ I, № 111]. В письмах Т. Н. Стрешневу и Андрею Виннусу царь сообщал о взятии крепости, используя слова апостола Павла: «Ныне со святым Павлом радуйтесь всегда о Господе, и паки реку: радуйтесь! Ныне же радость наша исполнися, понеже Господь Бог двалетние труды и крови наши милостию своею награди!» [ПБПВ I, № 113, 114]⁵. Эта тема не получит развития при организации торжеств в честь взятия Азова, однако позднее, в 1710-е годы, Петр к ней вернется.

Уже 20 июля, как только турки покинули крепость, состоялось празднование победы в Азове: за благодарственным молебном последовал пир, который сопровождался пушечной пальбой. Патрик Гордон записал: «Мы были на радостном пиру у генералиссимуса, где не шадил ни напитков, ни пороку»; переводчик Вульф сообщал из-под Азова: «Галеры наши установлены стрелом под город Азов и учинена с них купно с войсками, также и в обозе, во всех шанцах и крепостях,

на стругах везде трижды заздравная радостная стрельба» [Богословский I, 333—334].

Победа отмечалась и в Москве. Патриарх, как сообщают Виннус, по получении от Петра известия о взятии крепости, «пролезил на абие повеле в большой колокол благовестить» [ПБПВ I, 598]. Сразу по получении письма патриарх совершил благодарственный молебен. «В соборной апостольской церкви, — пишет в своих «Записках» И. А. Желябужнинский, который в это время находился в столице, — святейший патриарх и со всеми властями молебствовали, <...> народу было множество, и после молебна бояре патриарху здравствовали» [Желябужнинский, 292]. Празднованием победы в Москве, как мы видим, распоряжается на этом этапе патриарх, он же принимает поздравления по случаю победы.

Наконец, 21 августа Петр отправляется «из походу государева» к Москве. Накануне он пишет Андрею Виннусу: «Еще о некотором деле предлагаю. Понеже писано есть: достоин есть делатель мзды своея, того для мно, яко удобно к восприятию господина генералиссимуса и протчих господ <...> триумфальными портами почтити⁶; месту же мно к сему удобнее на мосту чрез Москву реку устроенном, или где лучше. Сие же пишу, не яко рча» [ПБПВ I, № 122]. Виннус отвечал Петру 8 сентября: «Изволили мне, холоду своему, указать поспроить во лзду трудившихся <...> врата триумфальные. И собрав мастеровых людей и всякие государь погребы, учали строить <...> прежде сентября 18 дня поспеть не можно <...> А чтоб, государь, тот въезд был не молчалив⁷, пристойно ль быть пушечной или мелкого ружья стрельбы, а над ворота триумфаль-

ными трубачам с литавры» [ПБПВ I, 562]. В ответ на это послание Петр указывал Винниусу: «Изволь изгот-
вить к стрельбе все пушки с довольным порохом и *при-
ставить доброго человека, кой бы того дни сам к нам
выехал и просился о стрельбе*» [ПБПВ I, № 123].

Переписка показывает, какие моменты в организа-
ции этой новой формы торжества представлялись Пет-
ру особенно важными. Во-первых, Петр хотел видеть
в строительстве триумфальных ворот не волю монар-
ха, а инициативу подданных. Винниусу о строительстве
ворот царь пишет «не яко уча», то есть надеясь на
его самостоятельность и расторопность⁸, а о пушечной
пальбе во время триумфального шествия должен про-
сить царя «добрый человек». Эти пожелания Петра
легли в основу распространившейся с начала Северной
войны практики возведения ворот от имени «корпора-
ций» (учителей академии, купечества, духовенства) или
частных лиц (Меншиков, именитый человек Строганов).

Во-вторых, в переписке с Винниусом Петр заранее не
планирует какую-либо специальную дату для торжест-
венного входа в Москву. Дата определяется скоростью
работ («прежде сентября 18 дня поспеть не можно») и
временем подхода войск в Москву. «28 прибыл в Ко-
ломенское его величество, — записывал Патрик Гор-
дон. — При моем свидании с ним *было решено, что
наш вход состоится в среду*. Поэтому Преображенско-
му полку были посланы приказы спешить день и ночь»
[Богословский I, 344]. Окончательная дата, как мы
видим, не была установлена еще за два дня до входа
войск в Москву. Очевидно, что царь не видел никакого
символического значения в дате триумфа (важными
были именно хронологические рамки реальной осады).

Наконец, Петр не дает Винниусу никаких инструк-
ций по украшению ворот, а Винниус, в свою очередь,
не находит нужным спрашивать об этом монарха.
К сожалению, мы очень мало знаем о том, кто отбирал
сюжеты для рисунков, сочинял надписи и вирши к ним.
Известно лишь, что строительство ворот было по-
ручено мастеру Ивану Салганову «с товарищи» [Ва-
сильев, 16]. Сюжеты, надписи и вирши, скорее всего,
были сочинены учителями Славяно-греко-латинской
академии, в дальнейшем (по крайней мере, в 1700-х гг.)
именно они исполняли поручения такого рода.

Графических изображений ворот не сохранилось
[Борзин, 150]. О том, как они выглядели, можно
судить только по современным описаниям [Поход
боярина Шенна, 179—182; Желябужинский, 296—297].
Ворота были построены на Каменном мосту через
Москву-реку. На фронте помещалось изображение
двуглавого орла с державой и скипетром в лапах.
Фронтон был украшен военными трофеями и фигу-
рой Славы, под ними были помещены две надписи:
«Достойн делатель мзды своея» (слова из письма царя
к Винниусу) и «Бог с нами, никто же на ны, никогда
же бываемое».

Правая сторона ворот (по ходу процессии) была
посвящена победам на море. Фронтон поддерживала
статуя Геркулеса с надписью «Геркулесовою крепо-
стью». Перед ней располагалась пирамида, на кото-
рой было написано: «В похвалу прехрабрых *воев мор-
ских*». От Геркулеса к перилам моста было протяну-
то полотно, на нем был изображен «бой морской
с галер»; надпись гласила: «На море *турки поражены*,
оставя Москве добычу, корабли их сожжены». Слева

была поставлена статуя Марса с надписью «Марсовою храбростью». Надпись на пирамиде перед ней гласила: «Москва агарян побеждает, на многие версты прехрабро прогоняет». На полотне, помещенном между воротами и перилами моста, был изображен «Воинских людей бой с татарами и приступ к Азову». По своду арки было написано: «Приидох, Видех, Победих». От нее в обе стороны спускались шпалеры «Победа царя Константина над нечестивым царем Максентином римским» и «Возврат с победы царя Константина».

Кроме того, были сочинены вирши. Те, которые Виниус читал при приближении адмирала Лефорта (вместе с ним шел и «командор» Петр), говорили о роли флота и победе над турками (т. е. варьировали тематику оформления правой стороны ворот). Вирши Лефорту начинались словами:

Генерал, адмирал! морских всех сил глава,
Пришел, зрел, победил прегордого врага.

Слова на своде арки, таким образом, были обращены к Лефорту. Вирши, обращенные к воеводе Шеншу, соответственно, были своеобразным комментарием к изображениям левой стороны ворот.

Виниус, как мы видим, постарался в точности исполнить поручение Петра: слова из письма царя («достойн делатель мзды своея») стали главной организующей идеей при оформлении триумфальных ворот. «Делатели» были разделены Виниусом на «воев морских» и «воинских людей» (сухопутные войска). В особую заслугу тем, кто сражался на море, ставилась победа над турецким флотом, на суше — над татарской

конницей. Наконец, помещенные в центре шпалеры связывали сюжеты борьбы с турками на море и татарами на суше в один — борьбы с агарянами, врагами «креста Господня».

Лично для Петра, как мы видели из его письма, посланных из-под Азова, тематика «борьбы с агарянами» не была актуальной. Точнее, она была своего рода нейтральным идеологическим фоном, заранее определенным самим характером победы. Так, дьяку Украинцеву, который ведал всей дипломатической перепиской, не требовалось специального предписания царя, чтобы, сообщая российским резидентам при европейских дворах о взятии Азова, говорить о борьбе с «агарянами» и «врагами креста». Русский резидент в Варшаве, по получении известий из Москвы, сообщая о взятии Азова польскому сенату в следующих выражениях: «Теперь <...> да знаете вашего милостливого оборонителя <...> он *знаменем креста* господня, яко истинный Петр, *оттирает двери до потерянного и обещанного христианам Иерусалима*» [Соловьев XIV, 536]⁹. Примеры можно умножить [ПДС, 295—296, 318 и др.].

Исследователи указывали, что ворота были «диковиными для русского человека» [Гребенюк, 13]; что «везде были видны непонятные для народа эмблемы и аллегории» [Ровинский, 179—180]. Точнее, видимо, было бы говорить о том, что зрители относились к рисункам ворот избирательно, пропуская¹⁰ непонятное и непривычное. Так, И. А. Желябужский записал: «На Каменном мосту Всесвятском на башне сделана *оказа* Азовского взятия, и их панам *персуну* написаны *животисным* письмом, также на холстине

левкашено живописным же письмом, как что было под Азовом» [Желябужинский, 296—297]. Мы не видим ни изумления наблюдателя, ни трудностей с терминологией при описании триумфальных ворот («оказа» — изображение, план осады, «персуны» — портреты, «левкашено живописным письмом» — написано красками). Говоря же о самой торжественной процессии, автор «Записок» подчеркивает ее традиционный характер: «И как боярин будет против ворот, что сделана оказа на Каменном мосту, и в то время с башни Бениус (Виниус. — *Е. П.*) ему, боярину поздравляя, говорил в трубу громогласно, *по обыкlosti, как водится*. А в то время на башнях была стрельба пушечная, также и трубачи государевы трубили <...> который полк выпалит, тот полковник и поклонится» [Желябужинский, 297—298].

Торжественные обеды с участием царя и раздача наград за участие во второй Азовской кампании продолжались с октября по февраль. Своеобразным финалом стал праздник, устроенный царем на Масленицу 1697 года, 12 февраля был сожжен фейерверк, посвященный взятию Азова¹¹. Это было «театральное представление с движущимися фигурами. Двуглавый орел пускал горящие стрелы в турецкий полумесяц». По указанию царя этот фейерверк был гравирован Шхонебеком [Алексеева, 15, 17].

На следующий день была разыграна осада Азова. «Февраля в 13 день, — записывал Желябужинский, — в субботу на сырной неделе, у Красного села, на пруде сделан был город Азов, башни, и ворота, и каланчи нарядные, а государь изволил тешиться» [Желябужинский, 48].

После этого праздника начинался Великий пост, последние приготовления перед новой летней кампанией против Турции и отъездом «Великого посольства». Торжества по случаю взятия Азова закончились.

Как мы пытались показать, Петр с особым вниманием относился к календарному контексту событий самой осады Азова и восстановительных мероприятий, которые должны были закрепить владение крепостью. Этот аспект идеологического строительства, несомненно, имел для Петра «бытийное» значение: от него зависел исход осады и будущие успехи в войне с Турцией. В то же время, Петр вовсе не заботился о том, чтобы эта сфера его деятельности под Азовом получила отражение при организации торжеств.

У публичных торжеств были, по мнению царя, иные, совершенно определенные функции. Во-первых, торжества в честь взятия Азова должны были стать формой чествования победителей (триумф прославлял «труды» и «подвиги» участников осады). Во-вторых, они должны были разъяснять ход событий (как, например, картины на триумфальных воротах или масленичная потеха, где было инсценировано взятие крепости) и их международное значение (как фейерверк в Красном селе).

Петр не считал нужным заботиться о времени торжеств в честь взятия Азова, они, в отличие от самих событий осады, не были привязаны к памятным датам церковного или царского календаря. Единственным календарным рубежом, который оказался актуальным при организации торжеств, была Масленица — традиционное время потех разного рода.

«Совершить» год «порядком»: годовое гражданское
торжество первых лет Северной войны

В первые годы Северной войны официальная культура, как мы увидим, предстанет значительно более монолитной, а дата торжества будет и выбираться, и осмысляться Петром со значительно большим вниманием, чем дата самой военной победы.

Две первые сколько-нибудь значительные победы над шведами были отмечены триумфальными шествиями. Победа при Ряпиной мызе в начале сентября 1701 года была отпразднована торжественным входом в Печерский монастырь. «Наперед, — записывал Желябужнинский, — везли полон, за полоном везли знамена, за знаменами пушки, за пушками ехали полки ратных людей <...> А в то время у Печерскаго монастыря на всех раскатах и на башнях распущены были знамена, также и во всех полках около Печерскаго монастыря, и на радости была стрельба пушечная» [Желябужнинский, 81—82]. Победа 29 декабря 1701 года у мызы Эрестфер праздновалась во Пскове 4 января 1702 года. Торжественное шествие во Псков знаменовало и окончание военной кампании. Описание торжества сохранилось у того же Желябужнинского: «А как боярин Борис Петрович [Шереметев] с полками пришел из похода Свейского, <...> везли 16 знамен Шведских; а за полковником везли 8 пушек, 11 телег с припасами полковыми и барабанами; а взятого их полковника везли в санях; а ротмистр их взятый ехал на лошади; а за ними вели взятых их языков 151 человек; а за ними шли наших полков солдаты; а после того ехал боярин Борис Петрович с конницею».

За городом навстречу процессии «вышел псковский митрополит Иосиф с живоносными крестами, и со святыми иконами, и со всем освященным собором». Шереметев, сняв «бронь служилую», «слушал молебного пения», после чего был «банкет» [Желябужнинский, 83—84].

Победа у мызы Эрестфер была отпразднована в Москве 11 января (известия были получены Петром 6 января). На Красной площади царь приказал выстроить «хоромы» для банкета, а перед хоромами расположить фигуры фейерверка [Желябужнинский, 84]. Сохранились изображения центральных щитов фейерверка, гравированных по указанию царя Шхонебеком (пл. 2), и подробнейшее описание всей «огненной потехи» в записках голландского путешественника Корнелия де Бруна [Брун, 56—57].

Основной темой фейерверка был перелом в ходе военных действий: после поражения под Нарвой последовала, наконец, победа. На центральном щите были изображены Фортуна и Сатурн, а между ними в венке помещена надпись «Богу благодарение»: волей Всевышнего по прошествии времени переменилась фортуна («счастье государево»), и русские, после первого поражения, побеждают шведов. Два другие щита варьировали ту же идею. На одном был изображен дуб с прорастающей ветвью, надпись над рисунком гласила: «Обновляет надежду» (Бог обновляет надежду россиян на победу). На втором щите был помещен бобер, подгрызающий ствол дерева, и над ним значилось: «Исторгнет его, егда продолжат будет» (Россия, напося Швеции пусть мелкие, но регулярные поражения, со временем сможет ее победить).

ние Нового года сопровождалось «огненными потехами» — фейерверками. В подготовке фейерверков Петр принимал непосредственное участие. Сохранились планы фейерверков, написанные рукой царя, он лично заботился об их гравировании. Именно гравюры фейерверков, а не триумфальных ворот Петр включал в состав мемориальных изданий разного рода.

Центральным событием кампании 1702 года стало *взятие 12 октября шведской крепости Нотебург*. 4 декабря состоялся торжественный вход войск в Москву. 1 января был сожжен фейерверк, посвященный победам всего года (изображение и ворот, и фейерверка, как обычно, по указанию царя было гравировано Шхонбеком).

В письмах Петра уже в первые дни после взятия крепости складывается ряд важных идеологем.

Во-первых, Петр подчеркивает в письмах, что взятие крепости имеет чудесный характер. Так, 13 октября Петр писал И. А. Мусину-Пушкину: «Хотя и бывали у нас дела, однако сие кроме всякого мнения человеческого учинено, *но токмо единому Богу в славу сие чудо причесть*». Об этом же Петр пишет, например, Ф. М. Апраксину: «Истинно вашей милости объявляю, что чрез всякое мнение человеческое сие учинено, *и только единому Богу в честь и чуду причислить*» [ПБПВ II, № 460, 463].

Во-вторых, события военной кампании Петр рассматривает как некоторый замкнутый «сюжет», а взятие крепости становится высшим достижением года, приходится на «конец онаго». Андрею Стрельсу царь пишет: «Господь Бог *сей год милосердивым порядком совершил*, ибо по 2-х знатных полевых викториях [и про-

чих паходках] ныне, *на конец онаго*, сею изрядною и неприступною крепостию одарити изволил» [ПБПВ II, № 464]. Эти слова Петра особенно показательны потому, что Новый год еще довольно далеко, и они не могли быть сировоцированы приближающимся праздником, речь идет именно о конце кампании.

На этом же первом этапе осмысления победы формируется и представление о том, что Нотебург есть ключ-город, отмыкающий выход к морю. Сразу «по взятии» город был переименован в Шлиссельбург [ПБПВ II, № 472]. Петр, однако, использует в письмах как название «Нотебург», так и «Шлиссельбург» (в письме Шереметеву от 14 октября использованы, например, оба названия — ПБПВ II, № 466).

Именно в первые дни складывается и каламбур о разгрызенном орехе, который становится своеобразным «девизом» взятия Нотебурга (как впоследствии слова «небывалое бывает» станут девизом для Ниеншанца, «чем наказал, тем и исцелил» — для Нарвы и др.). Андрею Стрельсу Петр писал: «Правда, хотя и зело жесток *сей орех был*, однако, слава Богу, разгрызли, но не без тягости, ибо многие наши меденые зубы от того испортились»; А. А. Виннису: «Правда, что зело жесток *сей орех был*, однако, слава Богу, счастливо разгрызет» [ПБПВ II, № 464, 462]. Этот каламбур, возможно в силу его игрового, а не идеологического характера, при подготовке торжеств использован не будет.

Второй этап в осмыслении Петром этой победы приходится на самый конец года. 27 декабря 1702 года был издан «Юрнал или подневная роспись, что в минувшую осаду, под крепостью Нотебургом, чинилось с 26-го числа в 1702 году». Здесь в отчете о за-

хваченных пушках было специально подчеркнуто, что «из них одна лита при *деде царя Иоанна Василевича*» (слова эти были вписаны рукой Петра в корректурный экземпляр) [Пекарский 1862, II, 67]. Показательно, что отсылка здесь двойная: пушка отлита дедом Ивана Грозного — Иваном III, но упомянут не Иван III, который был «победителем агарян», а именно Иван Грозный, как предшественник Петра в войне за Ливонию.

В «Объяснительном тексте к чертежу осады Нотебурга», который Петр составил в конце декабря (видимо, одновременно с работой над «Юриалом»), указывалось: «Чрез помочь Божию, *отечественная крепость возвращена*, которая была в неправедных неприятельских руках [1610] 92» [ПБПВ II, № 472] (т. е. была утрачена в 1610 г. и находилась в руках шведов 92 года). На гравюре Шхонебека эти слова появились в слегка измененном виде: «Таковым образом чрез помощь Божию отечественная сия крепость возвращена, которая была в неправедливых неприятельских руках 90 лет» [Памятники русской культуры, № 656]. Петр, как мы видим, стремился подчеркнуть, что завершает борьбу за прибалтийские территории, которая была начата еще Иваном Грозным и привела к особенно чувствительным территориальным утратам в годы Смутного времени. Тема возвращения «отечественных» территорий и городов не получила отражения в фейерверке: в конце декабря все приготовления к фейерверку были в стадии завершения. Но уже в следующем году, как мы увидим, именно эта тема будет подробнейшим образом разработана при подготовке публичных торжеств.

Взятие Нотебурга было для Петра завершением и другого «сюжета» (другой цепочки событий). Так,

на одной из гравюр Шхонебека Петр был изображен в римском одеянии на триумфальной колеснице, а «взятые города, *Азов и Орешек*, представленные в аллегорических фигурах», поклонялись царю [Пекарский 1862, II, 245]. Азов был первой военной победой Петра, а Орешек — итоговой и на конец 1702 года самой крупной.

Время триумфального входа войск в Москву, как и в 1696 году, не было назначено заранее и определялось скоростью движения войск, которые задерживались из-за многочисленного «полона». Кроме доставки пленных (а с ними и трофейных пушек и знамен), Петр лично заботился о доставке необходимых для триумфального шествия лошадей. О доставке лошадей он пишет Т. Н. Стрешневу и прибавляет: «На всех сих чтоб были шоры не парядные, только б возницы были в платье парочитом французском или венгерском» [ПБПВ II, № 476, 478].

Сразу же отметим, что царь и впоследствии лично занимается организацией именно самого шествия (выбором полков и командиров для участия в нем, доставкой пленных, трофейного оружия и знамен, подбором лошадей, подготовкой новой амуниции для участников), а также приглашением иностранных посланников, путешественников и мастеров в качестве зрителей. Устройством самих триумфальных ворот занимаются жители столицы.

Тем не менее украшения триумфальных сооружений должны были, как можно полагать, пройти царскую цензуру: описание ворот составляли и публиковали заранее, и, по крайней мере в одном случае, Петр собственноручно правил такое описание (как он пра-

вил практически всю печатную продукцию вплоть до конца своего правления¹²). 10 декабря 1703 года царь писал Ф. А. Головину: «Послал я к вашей милости книгу: *Толк о воротах, выправя*. Если в чем за скоро-стию не так, исправте и велите печатать, чтоб до праздни-ка вышла из дела» [ПБПВ II, № 609].

1 января 1703 года был сожжен новогодний фейер-верк. Его картины отчасти варьировали старые темы, отчасти развивали новые — именно те, которые, как можно судить по письмам Петра, царю казались в тот момент особенно важными. Сохранилось изображение четырех щитов этого фейерверка (ил. 3—6). На глав-ном были изображены, как и за год до того, Сатурн и Фортуна, но теперь они держат план осады Нотебур-га. Практически повторяет тему предшествующего года и щит, на котором был изображен барс, несущий лав-ровую ветвь, с подписью «Победа любит прилежание» (барс заменил бобра, по идее обеих картин очень близ-ки). Наконец, изображение корабля с надписью «Жела-ния его исполняются» в определенном смысле продол-жает старую тему возродившихся надежд на победу. То есть в целом фейерверк должен был показать, что фортуна по-прежнему благоприятствует русским и по истечении года они, не теряя надежды и не оставляя усилий в борьбе со шведами, добились новых успехов.

К новым следует отнести две темы. Первая имеет характер «курнозного» известия, то есть известия, ко-торое должно было удовлетворить любознательность публики. На главном щите над Сатурном и Фортуной было помещено изображение изобретателя пороха Бер-тольда Шварца («Вартгольт Шварт»), над головой ко-торого Марс и Паллада держат лавровый венок. Это

3—6. Четыре
транспаранта
фейерверка 1 января
1703 г. в Москве
в честь взятия
Нотебурга

БѢЗЪ ЗАСТѢ БЛАГОДАРЕНІЕ ОСЕМЬ
ПРСОШЕНЫЕ

3. Две
аллегорические
фигуры (Время
и Фортуна)
с планом штурма
Нотебурга

4. Двуликий Янус

ПОБѢДА ЛЮБИТЪ ПРИЛѢЖАНІЕ

5. Барс с лавровой ветвью

ЖЕЛАНИЯ ЕГО ИСПОЛНЯЕТСЯ

6. Парусный корабль

изображение в несколько неожиданной перспективе связывает военные действия (где порох необходим для победы над врагом) и торжества в их честь (где порох не используют для выражения радости по случаю победы — и посредством фейерверков, и посредством пушечной пальбы).

Вторая была представлена изображением двуликого Януса¹³ с ключом в правой и замком в левой руке. Лик старца, обращенный в прошлое, смотрит на руку с ключом (т. е. Шлиссельбург, который захвачен в прошлом году). Лик юноши, обращенный в будущее, смотрит на замок, то есть те крепости, которые следует захватить в следующем году и ключ к завоеванию которых уже в руках русского царя. Здесь, как и в случае с изображением изобретателя пороха, «военная» и «праздничная» тематика представлены одним и тем же изображением (Янус знаменует Новый год и связывает прошлые военные успехи с будущими).

Мы видим, что Петр полагает необходимым использовать при оформлении фейерверка, то есть сделать достоянием широкой публики, далеко не все, о чем он пишет в частных письмах (если переписка монарха в принципе может иметь частный характер). Так, фейерверк не отразил (как не отражали публичные зрелища и ранее) его размышлений о роли Промысла в русских победах и их чудесном характере: публичное торжество имеет для Петра в 1700-х годах чисто гражданский характер.

Самой крупной победой 1703 года стало *взятие крепости Новые Капцы* (Нисенпанц, впоследствии Шлотбург) и захват двух шведских судов в устье Невы в первых числах мая. В письмах, написанных непосредствен-

но после названных событий, Петр формулирует ряд идеологем; отдельные из них, как и в случае с Нотебургом, будут использованы при подготовке торжеств в конце года.

Письмо царя местоблюстителю патриаршего престола Стефану Яворскому носит характер формального сообщения о победе, это сообщение дает официальную интерпретацию событий и требует публичного оглашения. «Объявляю вашему архiereйству. — пишет Петр, — что ныне всемогущественнейший Господь Бог *заключительное сие место* нам даровал и *морской наш штандарт во образ креста святого Андрея исправил*. Воистинно и *то не без дива*». Исправлением морского штандарта Петр называет здесь свою первую «морскую» победу над шведами. Об этом же он пишет, например, Ф. М. Апраксину: «Ничто иное могу писать, как только слава, слава, слава Богу за *исправление нашего штандарта*, которое дело так при Его помощи легко исправлено» [ПБПВ II, № 517, 519].

В нескольких письмах Петр повторяет и слова из письма Стефану Яворскому о «заключительном месте». А. И. Иванову царь, например, писал: «Объявляю вашей милости, что ныне всемогущественнейший Господь Бог *заключительное сие место* нам даровал» [ПБПВ II, № 520]. Тихон Стрешнев, которому Петр писал о том же, отвечал: «Господь Бог вручил тебе, Государю, *заклучительное место, город Канцы*: пристань морская, *врата отворенныя*, путь морской» [ПБПВ II, 534]. Слово «заклучительный» определенно понято здесь как «завершающий»: захват Ниеншанца завершает борьбу за выход к морю. В ответе Б. И. Прозоровского, который истолковал слова Петра несколько иначе,

захваченная крепость прямо названа «замком»: «Господь Бог тебе, государю, *даровал замок* и морской штандарт» [ПБПВ II, 536]. Слово «заклучительный», таким образом, прямо отсылает к изображению Януса с ключом и замком (Ниеншанц — это тот замок, который Петр открыл городом-ключом, то есть Шлиссельбургом). Для Петра оба значения были или, по крайней мере, стали к Новому году одинаково актуальными.

Наконец, Петр называет захват кораблей «*никогда бываемой* викторией» [ПБПВ II, № 520], подчеркивая ее необычайный характер. Эти слова были уже использованы, как мы помним, в украшении триумфальных ворот 1696 года («*никогда же бываемое*»). В ответах на письма царя из-под Ниеншанца варьируется и эта тема. Так, Иван Бутурлин пишет: «Не токмо разумом, но и собою сделал, *чего еще и летописцы не повеству ют*, еще б лодками бить и взять корабли» [ПБПВ II, 537]. Ему вторит Федор Салтыков: «Каковыя дела даже до днесь на сих местах от нашего народа Ненту-нусу *никогда не явлены были*» [ПБПВ II, 536—537].

О праздновании во вновь захваченной крепости впоследствии рассказывал барон Генрих фон Гюйссен или Гизен (как его называли в России), современник событий и автор одного из ранних сочинений, посвященных истории Петра. «Учинено было, — пишет Гизен, — (Победодавцу) молебное благодарение, в которое время расставлены были по городовому валу Преображенский и Семеновский полки, а Генеральства Репнина полки поставлены на большом старом валу вокруг. И по благодарственной песне <...> трижды из всего пушечного снаряда и из мелкого ружья была стрельба» [Гизен I, 337—338].

В письме Алексея Салтыкова царю помещен отчет о праздновании в Москве: «Мая 11-го числа, митрополит с прочими архиереи в соборе <...> молебствовали, и при оном благодарении всенародное множество было, а иные и в соборную церковь не вместились, и у всех церковных дверей множество народа стояли» [ПБПВ II, 534].

11 ноября состоялся торжественный вход войск в Москву. В «Ведомостях» было помещено сообщение об этом событии: «Его царское пресветлое величество по разных на сухом пути и на море победах над шведами и по взятии крепостей Шлотбурга, Ямбурга и Корпюря возвратился к Москве и в пришествии ЕЦВ* великий был в Москве *триумф*, и устроены были *прои ворота триумфальные* со многими украшениями» [ВПВ I, 223].

Описание ворот, построенных силами Славяно-греко-латинской академии, было опубликовано 10 ноября, накануне триумфа под заглавием: «Торжественная врата, вводящая в храм бессмертной славы <...> от ново-созданого <...> в царствующем великом граде Москве *учительного собрания*». Эту книгу Петр, как уже было указано, правил собственноручно 10 декабря, в тот же день она была передана в типографию и отпечатана. Отметим, что в заглавии этого издания специально указано, что ворота построены учителями академии.

Триумфальное шествие 1703 года отличалось от предшествующих не только великолепием и разнообра-

* Здесь и далее: ЕВ — его величество, ЦВ — царское величество, ЕЦВ — его царское величество, ЕИВ — его императорское величество.

зом украшений, но и тем, что в нем принимали активное участие ученики московских школ, но не только они. Так, Гизен сообщает: «И на тех триумфальных воротах играла музыка на органах и на иных разных инструментах, и говорили пред ним государем артиллерийские школьные ученики поздравительные рации. В Воскресенских и в первых триумфальных воротах, говорил <...> Стефан митрополит Рязанский и Муромский речь; а Греческой школы ученики, которые у Икононого ряду, говорили ему великому государю и государю царевичу поздравительные о победе разные орации. А в других воротах, что у Мясницких ворот, стояли по обе стороны из математических новоучиненных школ ученики с 400 человек с зелеными вайами и ветвями и разными инструментами наук математических; и говорили те ученики <...> такие ж поздравительные орации» [Гизен I, 372—373]. В дальнейшем эта тенденция будет усиливаться. На следующий год у триумфальных ворот царя приветствовали не только ученики, но и «девицы», которые «пели разные арии» [Гизен I, 489—490].

Как и по взятии Азова, наибольшим интересом зрителей пользовались «оказы», то есть планы, объяснявшие ход сражений и военных действий в целом. Так, по словам Гизена, «карты Ижерские, намалеванные со всеми взятыми городами, на воротах, построенных от духовенства, привлекали очи народа». Особенно же занимала публику надпись к «оказам», взятая «из книги I Маккавейской, гл. 15. ст. 33 и 34»: «Ниже чуждую землю прияхом, ниже чуждая одержажом, но наследие отец наших, от враг же наших в некое время неправедно удержася. Мы же время нмуне воз-

прияхом наследие отец наших» [Гизен I, 373]. Здесь, как мы видим, развивается тема, которую Петр впервые сформулировал в конце предыдущего года, — возвращение утраченных ранее русских территорий.

При праздновании Нового года, как обычно, был сожжен фейерверк, посвященный главным военным победам. Он изображен на гравюре Шхонебека. Как и описание триумфальных ворот, подпись к гравюре подчеркивает, кто именно является инициатором этого зрелища: фейерверк «великого и хитрого огненного дела» запален «по изволению ЕЦВ».

Фейерверк был действительно «великим и хитрым огненным делом». Он состоял из нескольких действий. Сначала был зажжен гигантский двуглавый орел, державший на крыльях и в когтях карты трех морей — «Русское в севере, Азовское в юге, Хвалынское в востоке». К нему на колеснице приблизился Нептун и вручил ему карту Балтийского моря (ил. 7). Затем попеременно были сожжены еще три композиции, состоявшие из «великих фонарей», на которых были помещены разнообразные эмблемы. Остановимся на основных темах этого фейерверка.

Картины этой «огненной потехи» в большинстве случаев варьируют тематику, которая стала уже традиционной для новогодних фейерверков.

Во-первых, к ним следует отнести круг изображений, которые представляли значение Нового года как особого типа торжества. Так, на гравюре, где были собраны изображения «фонарей» (картин фейерверка, подсвеченных с задней стороны), находим изображение Януса. Шхонебек, однако, поместил его отдельно от других картин: лик Януса венчает всю композицию.

Поэтому не совсем ясно, был ли Янус использован в самом фейерверке или является только элементом композиции самой гравюры (ил. 8).

Кроме Януса на смысл праздника в целом указывают и две другие картины. На одной изображен земной шар со знаком Козерога на нем и подписью «Он начинает *счастливое лето*». На второй — часы и подпись «От весу онаго движение», то есть движение стрелок (времени) происходит от тяжести гирь («от весу»). Значение второго изображения не ясно, но можно предпо-

7. Фейерверк 1 января 1704 г. в Москве по случаю взятия Канев в 1703 г. Финал фейерверка

ложить, что оно синонимично традиционной новогодней композиции — Сатурну, изображенному рядом с Фортуной. Эта композиция также присутствовала среди картин фейерверка 1 января 1704 года (ил. 9). Под ногами Фортуны в этом фейерверке, как и в предшествующих, был изображен шар, который указывал на непостоянство счастья: тот, кто был наверху, мог со временем (а движение времени в этой композиции было представлено фигурой Сатурна) оказаться внизу. Положение гири в часах также меняется со временем. С другой стороны, это изображение могло подчерки-

8. Четырнадцать аллегорических картин фейерверка

вать именно роль усилия в повороте событий от несчастья к «счастью». Тема усилия была реализована и в другом изображении этого фейерверка — картине с кузнецами и подписью: «Потребен труд вовремя».

Во-вторых, с уже традиционной для новогоднего фейерверка тематикой следует связать три картины, толкующие ход военных действий против Швеции. На первой было представлено дерево с обломанными ветвями и подписью: «Росту после уязвления моего». Она определено была соотнесена с изображением фейерверка, посвященного Эрестферу, но там был пенек всего лишь с одной веткой, теперь же было изображено

9. Три фонтаня с аллегорическими картинами

дерево с пышной кроной. Вновь была использована и картина с парусным кораблем. Но если в повогоднем фейерверке 1703 года подишь к ней гласила «Желания его исполняются», то теперь она была заменена на «Желание его исполнилось». Для того чтобы зрители заметили эти изменения, на одном из фонарей были объединены оба неходных изображения — проросший пень и парусный корабль с оригинальной (восходящей к Эрестфери) надписью — «Обновление надежды».

Наряду с новыми интерпретациями старых картин, в фейерверке 1 января 1704 года появляется и принципиально новая тематика. Во-первых, Петр здесь определенно заявляет о своей готовности, по завоевании Ингрии и выхода к Балтийскому морю, прекратить войну и заключить мир со Швецией. Так, на одном из фонарей был изображен меч, перевитый ветвью оливы, с надписью: «Аз к миру и к войне». На другом — солнце над молодой рощей и подишь: «Зима уже мимо иде».

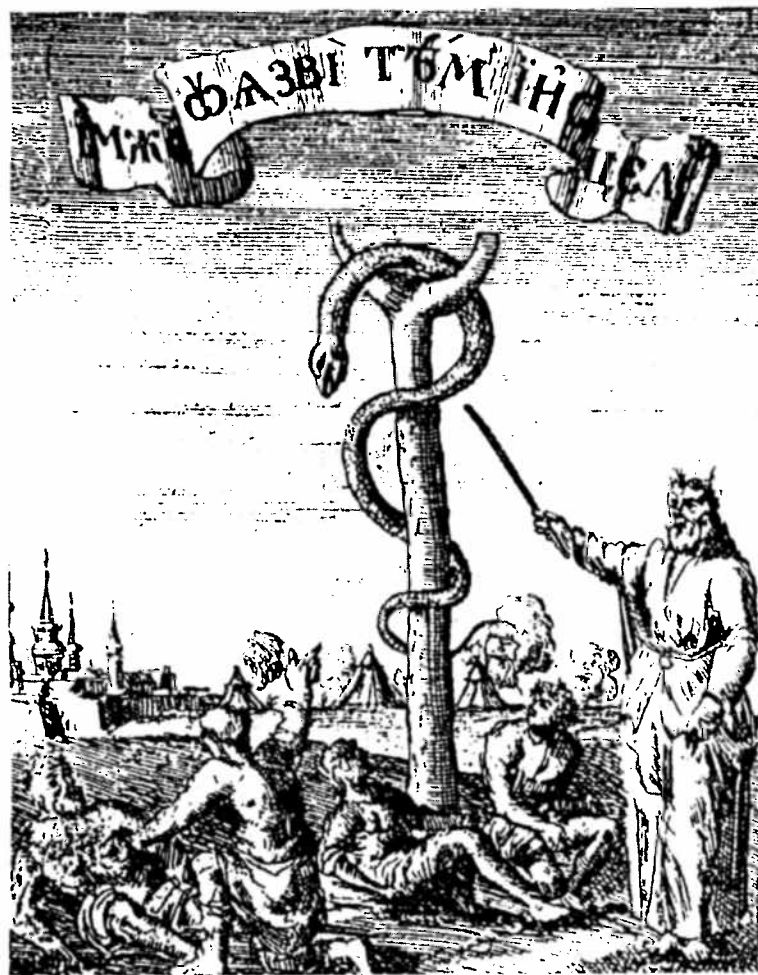
Получила в фейерверке отражение и та роль Андреевского «штандарта» в захвате шведских фрегатов, о которой Петр писал из-под Ниеншанца. Центральным изображением второго действия фейерверка был двуглавый орел с четырьмя морями и Андреевским крестом на груди и надписью «Сим чрез Единого» («сеи» здесь — Андреевский крест; см. пл. 10).

Военные успехи 1703 года Петр, как мы видим, рассматривал как вероятное завершение войны. Поэтому празднование Нового 1704 года было задумано Петром как итоговое торжество, которое должно было объединить тематику всех предшествовавших фейерверков.

Этой же цели должно было служить и мемориальное издание, посвященное важнейшим победам 1701—

10—12. Три транспаранта фейерверка 1 января 1705 г. в Москве в честь побед 1704 г. (взятие Дерпта, Нарвы, сражение на реке Амовже). 10. Рука со шпагой

11. Медный змий

12. Спелая пшеница и серп

1703 годов. «Из переписки Шхонебека в начале ноября 1703 г., — указывает М. Алексеева, — мы узнаем, что было задумано издание особой „Триумфальной книги“; 9 ноября Ф. А. Головин распорядился: „для печатания книги триумфальной сделать в оружейной палате 12 досок медных“. В расчете на „Триумфальную книгу“ Шхонебек подробно на восьми листах с текстами изобразил фейерверк 1 января 1704 г.» [Алексеева, 38]. Это издание не было осуществлено. Довольно быстро Петру становится ясно, что Карл XII вовсе не склонен прекращать войну.

Кампания 1704 года была не менее успешной, чем предыдущая: были взяты Дерпт и Нарва, одержан ряд важных побед. 19 декабря 1704 года состоялся торжественный въезд Петра в Москву, где «иждивением» жителей столицы были сооружены теперь уже семь триумфальных ворот. Как всегда были изданы описания ворот [Панегирическая литература, 53], гравированы планы осады городов [Пекарский 1862, II, № 662, 663; Памятники русской культуры, № 662, 663] и изображение новогоднего фейерверка (ил. 10—12).

В 1705—1707 годах ритм торжеств остается прежним, однако Петр в определенном смысле потерял к ним интерес: царь по-прежнему празднует Новый год, но менее пышно, и, что особенно показательно, в эти годы прекращается издание «триумфальных» гравюр и описаний торжеств. Причиной этому, возможно, было перенесение военных действий за пределы тех территорий, которые Петр считал «отечественными». Показательно, что, как только военные действия открылись в Малороссии, деятельность Петра по организации торжеств и подготовке мемориальных изданий возобновилась.

«Улучшить время в государстве своем»: концепция новогоднего торжества

Новый год до петровской реформы праздновали, как известно, 1 сентября. На этот день приходился, как указывает И. Забелин, один из самых пышных «царских выходов» года. Во все время «молебного пения на летопривоженье» на площади перед Успенским собором Кремля стояли стрельцы «ратным строем со знаменами, с барабанами и с ружьем, в цветном платье». После службы следовало «действие многолетнего здравия». Государя поздравлял патриарх, затем духовные власти, бояре и светские сановники. Вслед за тем «государя поздравляла вся площадь, все стрелецкие полки, бывшие „на стойке“ при этом действе, и все множество народа, весь мир — все в одно мгновение ударяли челом в землю и многолетствовали царскому величеству. <...> Это был *праздник царский*, в собственном смысле государственный и гражданский. Поэтому первое место здесь принадлежало особе государя» [Забелин, 383].

Детальная роспись действия «летопривоженья» сохранилась в «Уставе Московских святейших Патриархов» (описан распорядок всех богослужений, совершавшихся в Успенском соборе Кремля, с 1667 по 1692 г.). Здесь же находим и слова «здравствования», с которыми патриарх традиционно обращался к царю. Речь патриарха начиналась с пожелания, чтобы Господь умножил «лет живота» монарха. Далее, однако, тематика речи патриарха выходит за рамки, очерченные Забелиным. «И даровал бы, — читаем мы далее в речи патриарха, — Господь Бог вам великому государю и христо-

любивому вашему воинству свыше победу и крепость и храбрость и одоление на все видимые враги, и возвысил Господь Бог вашу царскую десницу над бусурманством и над латинством и над всеми шоплеменными языки» [Устав московских патриархов, 2—7]. Новый год, таким образом, был не только «государственным и гражданским праздником», но и праздником, посвященным царю как вождю «христоролюбивого воинства».

До реформы календаря Петр достаточно регулярно принимал участие в праздновании «позволения» 1 сентября¹⁴ (другие дни царских выходов он, как правило, пропускал [Hughes 2000, 151—152]). Осенью 1699 года Петр кардинальным образом реформирует празднование Нового года, перенеся его на 1 января. Однако, как мы видели, Новый год сохраняет традиционный статус государственного и военного торжества.

Интересные разночтения находим в двух источниках, где описаны события 1 января 1700 года. В «Дворцовых разрядах» ход торжеств выглядит как традиционное «позволение» 1 сентября: «Генваря в первый день в понедельник, в соборной церкви <...> после литургии было *молебное пение* <...> А после молебного пения по указу великого государя на Красной площади были *солдатские полки и стояли ратным ополчением* и была стрельба из пушек и из мелкого ружья» [Дворцовые разряды, III]. В «Походном журнале» Петра подчеркнуты, напротив, новшества: «По окончании ж сего 1699 г. определено торжество Нового года, для которого торжества в Москве была в соборной Успенской церкви по литургии отправлена *проповедь чрез архiereя Стефана* при благодарственном молебном пении по обычаю новому лету; потом была *тремякратная пушеч-*

ная стрельба и *фейерверки*; на Красной площади и в знатных местах сделаны были *ворота наподобие триумфальных*» [Журнал 1700, 7—8]. Составитель записей для «Дворцовых разрядов» отбирает среди событий 1 января 1700 года то, что на его взгляд имеет ритуальный характер, а не является несущественным дополнением к традиционному церемониалу. Для составителя «Походного журнала» именно дополнения имеют актуальный и ритуальный смысл.

В первые годы войны со Швецией Петр, как показывают сохранившиеся свидетельства, отмечает царские дни без всякой пышности и не окружает их гражданским церемониалом (как это было в случае военных побед и Нового года).

История постановки панегирической пьесы «Царство мира»¹⁵ может служить иллюстрацией к тому, как Петр отнесился в рассматриваемый период к попыткам, например, московских учителей организовать торжества по случаю одного из царских дней. Пьеса была сочинена и поставлена по инициативе и силами учителей и учеников Славяно-греко-латинской академии к тезоименитству царя 1702 года. Программа пьесы уже 21 июня, то есть за неделю до праздника, была издана в Московской типографии. 29 июня, в день тезоименитства Петра, состоялось представление, но во время представления царя в Москве не было.

По взятии Нотебурга, как мы знаем, в Москве готовилось триумфальное шествие и празднование Нового года. 24 октября Яган Куншт, «начальный комединг ЕВ», получил из Посольского приказа указание: «В скорости, как можно, новую комедию о победе и о вручении крепости Орсенка великому государю соста-

вить, и, елико тебе к тому надобно, на письме подать» [Быкова, Гуревич 1955, 89]. Как можно судить по сохранившейся программе пьесы, «комедии» было поручено написать и поставить учителям академии. Вместо создания «новой комедии» была предпринята переделка «Царства мира», которую и опубликовали в январе 1703 года под заглавием «Торжество мира православнаго <...> на день ангела его царского пресветлого величества усироенное, по торжественном же его от брани возвращении; в день поклонения честным святого апостола Петра веригам». Пьеса была представлена 16 января 1703 года. День поклонения веригам апостола Петра, который приходился на 16 января, как мы видим, выступает здесь в функции своего рода зимнего тезоименитства царя.

Основная часть пьесы была по-прежнему посвящена деяниям Апостола Петра, наряду с ним по-прежнему действовали четыре части света, Любовь земная, Любовь небесная и ряд других аллегорических персонажей. Однако в новом варианте пьесы эта часть спрессована в два действия, тогда как заново написанное третье действие посвящено современным событиям (выведены «луна таврикийская», «лев шведский», «орел великоросский» и «российский Марс») [Пьесы школьных театров, 200—206]. В таком виде «Царство мира» получило новое звучание. Пьеса теперь была не просто посвящена рассказу из жизни святого патрона царя, в котором можно было увидеть аллюзии на современные события, ее действие было непосредственно связано с победами Петра I, что ставило ее в один ряд с другими панегирическими сочинениями и представлениями «новогоднего» цикла.

Приоритетом для Петра, как мы видели, было празднование Нового года. Именно оно становится центром, к которому царь стремится отнести не только торжества в честь военных побед всего года, но и тезоименитство, то есть царский праздник.

Взгляды царя на роль и значение новогодних торжеств активно влияли на исторические опыты его современников. Примером этого может служить «Журнал государя Петра I», который был составлен бароном Гизеном по указанию царя¹⁶. Гизен работал над этим сочинением приблизительно с 1712 по 1715 год. Хронологически это сочинение относится уже к следующему периоду в становлении придворного календаря, однако концептуально оно ориентировано на позицию царя именно интересующего нас сейчас периода.

Сочинения Гизена и его роль в формировании ряда важных черт официальной культуры Петровской эпохи требуют специального исследования¹⁷. Остановимся здесь лишь на некоторых важных для нашей темы особенностях его позиции как автора исторического сочинения.

Само заглавие «Журнал государя Петра I» значимо. Оно восходит к походным и путевым журналам царя, которые были переданы Гизену. К 1714 году относится записка Петра: «Журналы все отдать Гизену» [Устрялов I, XXX]. Как и в «Походных журналах» царя, повествование у Гизена строится погодно. Рассказ о событиях каждого года является замкнутым и самостоятельным повествованием. В ряде случаев Гизен дает в начале года отдельную его характеристику: такие характеристики даны за 1697, 1700, 1701, 1708, 1709 и 1710 годы. В сочинении Гизена такой

тип повествования не является простым следованием источнику.

Гизен специально останавливается на реформе календаря и, в полном соответствии с указами Петра 1699 года¹⁸, подчеркивает в этой реформе именно ориентацию на европейскую традицию. «Его Величество, — пишет Гизен, — за благо изобрел ввести в обычай европейский календарь, исчисляя лета от рождества Христова, обаче по старому штилю Юлианскому, как то ныне есть в Швеции и в Англии, и то для соображения с прочими христианскими землями <...> начали торжествовать новый год в начале настоящего века в первый день генваря с поучением к народу о том и с иными церемониями, сопровождаемыми пушечною стрельбою, фейерверками и иллюминациями» [Гизен I, 120].

Однако в указах Петра о праздновании нового века было спорное положение, и Гизен считает необходимым его разъяснить. Петр, как мы помним, объявил, что 1 января начинается не только новый 1700 год, но и новый век. По «общему древнему мнению <...> истари писцов так духовных, как светских всех вер», новый век, подчеркивает Гизен, в самом деле начинается в 1700 году. Обратим внимание, как осторожно Гизен отводит возможные возражения, указывая на широкое распространение именно такого мнения среди духовных и светских авторов *всех вер*: никто из читателей не должен связывать спорное положение в указе Петра ни с предпочтением светской культуры, ни с иноконфессиональным влиянием. Петр, объявляя начало нового века в 1700 году, следует этому «древнему» мнению.

Однако, продолжает Гизен, существует и другая точка зрения. «Новые времясловцы, восхотевшие спорить рациями», полагают, что «лето 1700 есть только окончание XVII века; а в лето же 1701 начинается новый век, который именуют XVIII». Свою личную позицию Гизен отводит на второй план, предпочитает «не вмениваться в оную распрю»: ни от его «раций», ни от «раций» кого-либо другого истина не зависит, абстрактное решение вопроса о новом веке не имеет практического значения.

Принципиальными Гизен полагает доводы совсем иного порядка: выбор верного отсчета времени может быть подсказан только реальным ходом истории государства. «Можем основательно и правдиво сказать, — пишет он, — что еже касается до орудий ЦВ и Империи Российской, то с сим летом 1701-м начался новый век, и счастливая эпоха завоеваний и побед одержанных мужеством и мудрым вождением ЕЦВ над неприятелями». Петр, разъясняет читателю Гизен, сделал ошибку в выборе начала «эпохи» (как сделал, например, ошибку при осаде Нарвы в 1700 г.), но реальное движение истории корректирует ошибку монарха: начало нового века следовало положить в 1701 году. Отметим, что уже в этом рассуждении отразилось представление Гизена о том, что «эпохи» движутся «от лета до лета»: «От сего века оное благополучие последовало и продолжено без престаия лета от лета, даже до 1715 году всегда бо находятся или баталии выиграны, или взятие городов, либо завоевание целых областей над Швецією; а иногда в одном годе все то случалось» [Гизен I, 229—230].

Рассуждение Гизена о начале нового века не является случайным по отношению к концепции его сочи-

нения в целом. Еще ранее, описывая реформы осени 1699 года, совпавшие по времени с реформой календаря, Гизен совершенно определенно характеризует намерения царя. «Из сего видно, — пишет он, — что ЕЦВ не удовольствовался *переменить только летоисчисление*; но еще старался *улучшить время* в государстве своем, и *ввести добрый и счастливый век*» [Гизен I, 122].

Сам год становится у Гизена своего рода «рамкой», которая определяет начало и конец события: событие или цепочка событий начинается в январе и должно к декабрю быть закончено. «Если бы приходящая стужа, — пишет, например, Гизен о ходе военных действий в 1704 году, — и *позднее время* нас не удержало, то бы тот шанец взяли, только лучше рассудили завоеванную крепость до зимы укрепить, нежели *при позднем времени года нечто новое начать*». В другом случае Гизен говорит о «счастливом заключении» года [Гизен I, 316, 318].

Гизен, таким образом, подчиняет свое повествование той системе понятий, которая сложилась в отношении придворного календаря в первые годы Северной войны.

Придворный календарь всегда представляет собой ряд знаменательных для истории государства или династии дней, которые требуют регулярного (как правило, ежегодного) «вспоминания». Существуют два основных типа такого рода календарей (сейчас мы не останавливаемся на происхождении, а также их отношении к церковному и традиционному аграрному календарю).

Календари первого типа построены вокруг представления о том, что сама дата события не является

случайной. В таком случае, с одной стороны, особое значение получает отнесение самого события к определенной, заранее выбранной дате. Выбор даты, в свою очередь, приводит к актуализации календарного контекста (как правило, контекста церковных праздников). С другой стороны, годовое «вспоминание» в таком случае приходится именно на тот день, когда событие имело место.

Петр, как мы пытались показать, строит осаду Азова именно в контексте церковного и царского календарей. Годовое воспоминание азовского взятия не сложилось: в начале 1697 года царь отправился в заграничное путешествие, а по возвращении он уже планирует новую войну и азовские победы не кажутся более такими значительными. Отнес бы его Петр ко дню взятия Азова в случае, если бы эта победа сохранила свое значение, сказать трудно.

Второй тип придворного календаря имеет «сезонный» характер, когда в году существует один или несколько праздничных дней или даже периодов. Именно в эти заранее установленные дни празднуются не только основные события года, но происходит потом и ежегодное воспоминание наиболее значительных из них. С момента перенесения начала года на 1 января именно Новый год Петр рассматривает как единственный годовой гражданский праздник.

Ориентация царя на этот тип придворного календаря в первые годы Северной войны полностью соответствует и тому, что календарный контекст отдельного события перестает интересовать Петра, а даты своих военных побед он не рассматривает более как значимый фактор идеологического строительства. В зна-

чительно большей степени царя занимает построение «исторических сюжетов», то есть цепочек связанных между собой событий, последним звеном в которых является та или иная «виктория». Так, Нотебург был для Петра завершением того плана, осуществление которого было начато взятием Азова (сначала завоеван выход в Черное, потом в Балтийское море); Ниспинанц завершал завоевание Ингрии; поражение под Нарвой вело к взятию этой крепости; наконец, неудачи Ивана Грозного в конце концов должны были привести к завоеваниям Петра, а потеря Орешка в 1610 году — к его возвращению в 1702 году.

Одной из причин таких значительных изменений в отношении царя к официальному календарю могло быть желание противопоставить гражданские торжества традиционной системе церковных праздников. Даже если причина была именно в этом, то такая своеобразная «секуляризация» оставалась значимым фактором развития придворной культуры совсем недолго.

Глава 2

Годовое воспоминание военной победы: становление традиции (1708—1724)

Многое в отношении Петра к государственному торжеству показательно меняется начиная с 1708 года. Уже сам факт издания осенью 1708 года первого календаря указывает на наличие новых тенденций в сфере официальной культуры.

Празднование Нового года в Москве и Петербурге

Около 1708 года Петр определенно переосмысляет празднование Нового года. Письма царя показывают, что он переживает теперь Новый год как важный символический рубеж: обращает особое внимание на то, какие известия он получил в первый день Нового года, написание же первого письма года рассматривает как значимое событие.

Так, 2 января 1708 года Петр пишет Меншикову: «Сим же новым годом, вчера начавшимся, вашей милости поздравляю, и во имя Господне сие число в первых к вам пишу». А через неделю, 8 января, в письме Ф. М. Апраксину снова вспоминает новый год: «От господина Меншикова изрядная повизна, что наши казаки в начале сего году партию польскую <...> разбили, и больше 300 порубили, и знамена побрали. И сего повизною в настоящем году поздравляю, и дабы Господь Бог окончить тако счастливо благоволил» [ПБПВ VII, № 2135, 2141]. 1 января 1711 года в письме Сенату царь подчеркивает: «Сего дня подлинную мы получили ведомость из датского обоза, что пред несколькими временем под Висмаром знатный урон неприятелю учинен <...> и тако сего викториєю, слава Богу, здесь сей год начался (а у вас тако ж надлежит триумфовать) торжествовать. А я за счастье себе ставлю, что сего году первое письмо случилось сие писать. Боже дай милость свою впрод» [ПБПВ XII-1, № 5003].

В московском календаре на 1713 год — в петербургском ее нет — помещена статья «О начале года, чего ради онае на первое число генваря учреждено». «Король Нума, — читаем здесь, — таковое учреждение

учинил, чтобы год с генваря начинался, которому бы после февраль и прочие месяцы чиновне последовали. Причину, яже его к сему расположению принудила, легко можно уразумети, понеже во сие время вскоре пред генварем *любезное солнце в свой низайший вращательный пункт достигнет*, и по малу пакн повыше выходити начинает, тогда дни начинают продолжаться, тогда сок в древеса вступит вспять, тогда *всякое естество сих тайно зачинает воздвизатися* и по малу пакн разбудатися и веселее быть. Мы же, христиане, далече вящую причину имамы год начинать с генваря, размышляюще, яко нам *в сие время солнце правды Иисус Христос возсия с небес*, и приа человеческое естество своим благодатным рождеством, и нас тем чада Божия сотворил, ибо *в первое число генваря праздник св. обрезания Христова празднуем*, ему же да будет за сие слава и благодарение во веки, аминь» [Календарь на 1713 (М.)]¹⁹.

Аргументация перенесения начала года на 1 января здесь совсем иная, чем в указах 1699 года. Причину календарных изменений в указе 1699 года, как мы помним, Петр объяснял, во-первых, примером европейских (в том числе православных) народов, во-вторых, простотой счета (в счете от Сотворения мира существует «рознь»). Совсем иные аргументы приведены в календаре на 1713 год. Здесь речь уже идет о том, что начало года не есть некоторая условная, произвольно выбранная дата. Начало нового года совпадает с началом ежегодного обновления природы («естество сих тайно зачинает воздвизатися») и следует Рождеству («в сие время солнце правды Иисус Христос возсия с небес»). То есть праздник, который был для Петра торжеством

военных побед, получает в этой публикации религиозное и онтологическое толкование.

Кроме того, в календарной статье подчеркнута важность «св. обрезания Христова», которое приходилось на 1 января. Этот праздник в связи с Новым годом упоминает и Петр в письме Меншикову 2 января 1708 года: «За поздравление вам сугубо благодарствую и прошу Господа, *дабы крови своей ради, при обрезании излиянной*, даровал *начаток* сего лета купно и с *концом* *не только лета, но дела нашего*» [ПБПВ VII, № 2135]. Петр подчеркивает в письме, что праздник Обрезания не только сопрягает начало и конец года, но знаменует и хронологическую границу, потенциальный «конец» более длительных периодов (в данном случае — конец «дела нашего», т. е. войны со шведами).

На 1 января приходился не только праздник Обрезания, но и день памяти св. Василия Великого. Как показывают записи в «Уставе Московских святейших Патриархов» за 1667—1692 года, в Успенском соборе Кремля, где хранился перет св. Василия Великого, центральным событием 1 января было именно «целование перета» [Устав московских патриархов, 148—150]. Особый статус церковного праздника как факта дворцового и политического быта определялся в указанный период царскими выходами и выходами патриарха разной степени торжественности: существовала особая иерархия выходов, которая только отчасти совпадала с иерархией праздников в рамках церковного календаря. 1 января выходы патриарха имели место не каждый год, цари же на протяжении указанного периода не упоминаются ни разу. То есть праздники 1 января не имели в XVII веке особого политического статуса²⁰.

Петр, перенеся Новый год на 1 января, ежегодно принимает личное участие в праздновании: для него этот день был торжеством военных побед года. Но церковные праздники, приходившиеся на 1 января, в первую очередь Обрезание, получили особое значение и стали для Петра важным символическим контекстом Нового года только к концу 1700-х годов.

Особенностью новогодних торжеств в рассматриваемый период было то, что часть из них проходила в Москве, часть — в Петербурге. Сохранившиеся свидетельства дают возможность говорить о том, что петербургские торжества отличались от московских.

В 1708—1724 годах Петр в четырех случаях по воле обстоятельств не праздновал Нового года ни в старой, ни в новой столице. В 1709 году царь находился в Сумах и был занят подготовкой летней кампании. 1 января 1718 года Петр был на пути из Петербурга в Москву: П. А. Толстой вез царевича Алексея в Россию, и Петр выехал им навстречу. В двух случаях он встречал Новый год за границей (в 1713 г. в Мекленбурге, в 1717 г. — в Амстердаме). Заметим, что Петр, который во время пребывания за границей с подчеркнутым вниманием относился к празднованию царских дней, не празднует здесь Нового года: Новый год наступал в Европе на 11 дней раньше, а подчеркнутое противопоставление русского календаря европейскому не казалось, видимо, царю уместным.

В Москве Петр празднует наступление 1710, 1722 и 1723 годов: Полтава, заключение Ништадтского мира и взятие Дербента он решает «торжествовать» зимой и в старой столице. Во всех остальных случаях празднование Нового года было отнесено в Петербург (1711—1712, 1714—1716, 1719—1721, 1724—1725).

Московские новогодние торжества 1710 и 1723 годов сохраняли семантику предшествовавшего периода — они были посвящены важнейшим военным событиям уходящего года. В полном соответствии со сложившимся порядком празднования военных побед в Москве, торжества начинались триумфальным шествием, а их кульминацией был новогодний фейерверк.

Триумфальный вход в Москву в ознаменование *Полтавской победы* был назначен на 21 декабря. (Он приходился на 1 января по григорианскому календарю. Была ли эта дата намеренно выбрана Петром, судить трудно, но для иностранцев, проживающих в Москве, триумфальное шествие отмечало начало нового года. Так, Юст Юль записал, что «год начался» для него «отрадным зрелищем» — триумфальным шествием русских войск [Юст Юль II, 50]). К этой дате было возведено семь триумфальных ворот (как и ранее, они были построены на средства и от имени подданных Петра). Описание триумфальных ворот было составлено архимандритом Симонова монастыря Иосифом Туробойским под заглавием «Политиколезная апофеосис <...>» и напечатано к 21 декабря. Как и в 1704 году, описание было составлено таким образом, чтобы служить своеобразным путеводителем для зрителей триумфа. И. Ф. Зубов гравировал триумфальные ворота, построенные Меншиковым, «именитым человеком Строгановым» и учителями академии [Памятники русской культуры, № 729—731].

Само шествие также было гравировано А. Ф. Зубовым. Сохранилось два варианта изображений, одно гравировано в 1710, второе — в июне 1711 года. Первый вариант Зубова, как полагает М. Алексеева, «не

был одобрен Петром» [Алексеева, 118]. Второй вариант отличается от него, во-первых, отсутствием панорамы Москвы на заднем плане, во-вторых, верховая фигура Петра в центре композиции (на гравюре 1710 г. в центр поставлены одни из триумфальных ворот, а Петр изображен слева от них).

Подпись к гравюре с изображением триумфального шествия начиналась словами: «Изъявление триумфального входа ЕЦВ в Москву 1709 декабря в 21 день. Вводящего шведских пленных <...> кунно с их артиллериею, знамена и прочим, двух батальи, то есть прошлого 1708 сентября в 28 день при Лесном <...> и в нынешнем 1709 годах с королем шведским Карлом XII при Полтаве» [Алексеева, 118]. То есть триумфальное шествие было посвящено двум крупным победам.

1 января после службы все приглашенные к царскому столу отправились в специально подготовленную залу, где празднование продолжалось целый день, а вечером был сожжен фейерверк. Петр, как обычно, принимал в подготовке фейерверка самое непосредственное участие (голубые и зеленые огни для фейерверка были «изобретены» самим царем) [Юст Юль II, 62]. Петр же лично составил описание центрального плана «огненной потехи» для гравюры этого фейерверка:

«Фейерверк по Полтавской баталии, бывший в Москве в 1710 году в 1 день генваря.

А. Гора каменная, являющая Шведское государство.

В. Лев, выходящей из-за оной горы, являл армию шведскую.

С. Столп с короною являл государство польское, к которому приближился лев и оный

нагнул, являя победу над тем государством [и изгнание короля] и насильное возведение на тот престол бунтовщика Лещинского.

Д. Другой столб с короною, являющей государство российское, к которому лев приближился с намерением таким же, как и к первому.

Е. Потом явился орел для защищения оного столпа, являющий армию российскую, и оного лева перуном (или огненными стрелами) разшиб с великим громом. Потом и первой столп паки прям стал, являя избавление Польше [и возвращение короны королю] Августу чрез оружие российское» [ПБПВ IX, № 3561].

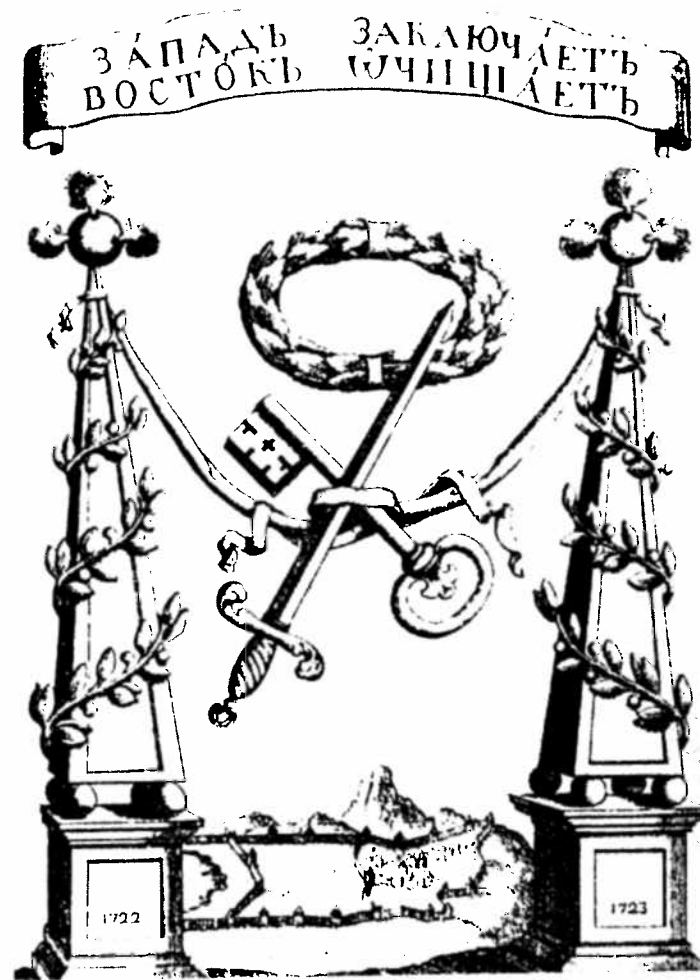
Фейерверк, в соответствии с традициями, сложившимися в предшествующий период, на эмблематическом языке пересказывает «сюжет», завершением которого становится Полтава. Показательно, что Петр не упоминает в своих записях другие щиты этого фейерверка: «Юнтер поражающий Фазтона: „от возношения низвержение“ и лев, висящий на цепи; над подушкой: „да знаешь правительствовать“» [Ровинский, 186] (см. ил. 1). Эти изображения не имеют отношения к общему «сюжету» 1709 года, они принадлежат кругу «карикатур, намалеванных к осмеянию шведов» [Юст Юль II, 52], и потому в описание фейерверка, составленное лично Петром, не попадают.

Причину того, что Петр с особым интересом относится именно к главному плану фейерверка, указывает Юст Юль. «Аллегория эта, — пишет он, — была заимствована царем с рисунка одной серебряной медали, выбитой по распоряжению Шведского короля. Царь показывал ее мне <...> на ней представлен лев и два

увенчанных короною столба; один из них лев схватил лапою и переломил пополам, при чем корона с него упала; второй столб он схватил другою лапою и сильно наклонил. Это должно было означать, что король Шведский отнял у короля Польского корону, а царя поставил в безвыходное положение» [Юст Юль II, 62]. Петр лично и со всею подробностью описывает план фейерверка со львом и орлом и потому, что это был ответ Карлу XII, и он должен был быть сформулирован в полном соответствии с интенциями царя.

18 декабря 1722 года состоялся торжественный въезд в Москву по взятии Дербента. 1 января, как указывает «Походный журнал», «ЕИВ изволил слушать литургию в церкви Трех Святителей: Василия Велико-го, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, у Земляного города, что у Триумфальных ворот; и отслушав литургию, изволил быть в церкви, что вверху (Успенский собор. — Е. П.), и слушал казанья и благодарного молебна. Потом кушали их величества, також <...> и все наши и чужестранные министры, також генералитет и штаб и обер-офицеры гвардии. А в 8-м часу пополудни был фейерверк <...> а пред началом сего фейерверка, абрисы оного ЕВ сам раздавал» [Журнал 1723, 1]²¹.

Фейерверк относился к покорению Дербента. Между двух обелисков (на одном значилось «1722», на другом — «1723») были помещены перекрещенные ключ и меч, увитые лаврами. Над ними была помещена надпись: «Запад заключает, восток очищает» (ил. 13). Ключ, возможно, указывал на заключенный на западе мир («заключенные» двери храма Януса, который был представлен, например, в фейерверке по случаю заклю-

13. Транспарант фейерверка 1 января 1723 г. в Москве по случаю взятия Дербента. 1722

чения мира в 1721 г.). Меч должен был знаменовать продолжение войны на востоке [Фейерверки и иллюминации, № 16]²².

Таким образом, Москва до последней победы петровского царствования сохраняет статус столицы, в которой на Новый год отправляются крупнейшие военные триумфы. Ход новогодних торжеств, как и характер фейерверков, в Москве на протяжении всего царствования Петра практически не меняется, и Новый год сохраняет значение хронологического рубежа, который отмечает конец военной кампании или более длительного периода военных действий. Особенно показательны в этой связи фейерверк 1 января 1723 года, изображения которого представляют обе войны, которые Россия вела при Петре на западе и востоке.

В 1722 году Новый год совпал с продолжающимися торжествами по случаю заключения Ништадтского мира. 1 января царь находился в Москве, но вопреки сложившейся традиции Новый год был отпразднован без какой-либо торжественности. Весь ход праздника описан в «Походном журнале» словами: «Кушали в Ответной палате» [Журнал 1722, 1]. Описание этого дня, составленное Берхгольцем, отразило общее настроение всех, приглашенных к царскому столу. Сразу после обеда царь уехал, «не сказав никому ни слова». Через некоторое время был подан знак расходиться, и на вопрос «Отчего так рано?» Меншиков отвечал: «Так приказал ЕВ император во избежание какого-либо несчастья, легко могущего произойти в темноте от разбойников, или от множества саней на улицах, если придется поздно ехать домой». Такой ранний разъезд вызвал удивление гостей: они были уверены, что празд-

ник будет продолжаться по заведенному сценарию [Берхгольц II, 15].

Нарушение традиции (уже в том, что не было новогоднего фейерверка) можно объяснить «внешними», не имеющими прямого отношения к идеологии гражданского торжества, причинами. Главной из них, вероятно, была обшая плотность торжеств (празднование мира началось уже в начале сентября и продолжалось всю осень); начало торжеств в Москве было назначено на 28 января, и Петр, возможно, решил отпраздновать Новый год как можно скромнее. Кроме того, современники отмечали, что Петр был крайне занят приготовлениями к новой войне.

Но на тот факт, что именно на Новый 1722 год не был сожжен традиционный фейерверк, можно посмотреть и с другой стороны: это был первый после реформы календаря Новый год, когда в стране не было войны. Как торжество военных побед, Новый год в такой ситуации терял всякий смысл.

Празднование Нового года в Петербурге впервые состоялось в 1711 году. Пушкин писал о нем в «Истории Петра»: «Петр обедал у кн. Меншикова; вечером, при фейерверке, освещены два щита, на одном изображена звезда с надписью: „Господи, покажи нам пути твоя“, т. е. Господи, покажи нам дорогу в Турцию²³, на другом — столб с ключом и шпагой, с надписью: „Иде же Правда, там и помощь божия“. Однако Бог помог не нам» [Пушкин, 137]. Новогодний фейерверк, как мы видим, посвящен военным обстоятельствам. Но обычно Новый год был торжеством, которое связывает прошлые победы с будущими (как, например, в 1705 г., когда ипподромное поле было изобра-

жено с подписью «Боже како благослови возвращение, тако соверши пожатие» [Ровинский, 184]; см. ил. 13). В 1711 году фейерверк не столько является формой благодарения Всевышнему за уже полученные победы, сколько просьбой о будущих.

Но главное его отличие в другом. Московские фейерверки не несли «локальных» черт, то есть тема Москвы как столицы в их оформлении (как и в оформлении, например, триумфальных ворот) отсутствовала. Мы помним, что, когда А. Ф. Зубов поместил на заднем плане своей гравюры, изображавшей триумфальный вход войск в Москву в декабре 1709 года, панораму древней столицы, Петр был недополен. Теперь ситуация меняется. «Столб с ключом и пинагой» представлял герб Петербурга: «К началу 1710-х годов с городом и Ингерманландской губернией как его территориальный знак ассоциировалось изображение скрещенных ключа и меча, помещенных на колонне, завершаемой короной. Ключ и меч — символы апостолов Петра и Павла (Петр является хранителем ключа от рая, Павел был казнен мечом). Эта пиктограмма была изображена в 1712 г. на знамени Невского полка <...> Она же была изображена и на личной печати Петра I» [Агеева 1999, 66]. Заметим, что интересующая нас эмблема была позаимствована из книги «Символы и Эмблемата» (вышла в 1705 г. в Амстердаме). Под номером 543 здесь помещена эмблема «Столб на море, с мечом и ключом» с девизом «Где правда и вера, ту и сила пребудет» (не совсем точно этот девиз был, как мы видели, воспроизведен в фейерверке 1711 г.).

В оформлении московского фейерверка 1723 года, посвященного взятию Дербента, мы видели ту же эмб-

лему — ключ и меч. Проникновение «петербургской» эмблематики в московские фейерверки, которые традиционно строились на базе общегосударственной символики, может быть интерпретировано как обретение Петербургом нового, более универсального статуса национальной столицы. Хотя, конечно же, следует помнить, что подпись «Запад заключает, восток очищает» интерпретировала эмблему совсем в ином ключе.

К Новому 1712 году вновь ожидали прибытия Петра в Петербург, «перед дворцом Меншикова на льду Невы был организован фейерверк. При этом заранее было издано его описание <...> и выполнена гравюра» [Алексеева, 120, 122]. План фейерверка, как и в 1711 году, был крайне прост (ил. 14). Врата указывали на возвращение царя из похода, на них была помещена надпись «Богу благодарение за счастливое прибытие». Левая сторона ворот была посвящена примирению с Портой: Порту представлял храм св. Софии, на примирение указывала надпись «Небо с сею утешило». Справа был помещен лев (Швеция) и над ним надпись «На сего всею силою». Самый первый план изображал Петропавловскую крепость и на ее стене читалось: «Бог укрепи камень сей» (т. е. крепость и новую столицу) и «На счастливое шествие сему» (то есть «камню» — Петру). Петербург вновь был представлен в оформлении фейерверка наряду с военной тематикой.

6 января 1712 года Петр отправился осматривать новую типографию, и здесь в его присутствии было набрано и отпечатано панегирическое стихотворение Михаила Аврамова, директора типографии. Стихотворение начинается описанием Ингрии — провинции, которая возвращена Петром России (хотя сама идея

поместить Ингрию за пределами России задает некоторое противопоставление этих двух территорий):

Слава Богу обогатившему великую *Россию*,
Ему же [Петру] хвала посетившему славную *Ингрию*...

Далее автор перечисляет главные военные победы Петра (от Азова до Полтавы) и обращается к прославлению Прутского похода:

Достохвально же внутри Азии за шествие да будет
И азийская держава того во веки не забудет...

Последняя часть рассказывает о строительстве Петербурга:

14. А. Ф. Zubov. Фейерверк 1 января 1712 г.

И во Ингрии прекрасное место возлюбив,
Во свое имя преславную крепость сотворил...

[Быкова, Гуревич 1955, 125—126]

Тематический репертуар стихотворения точно следует новогодиному фейерверку: рассказ о военных победах года соположен здесь краткой истории Петербурга. Кроме того, в соответствии с традицией новогодних фейерверков, Аврамов конспективно пересказывает «сюжет» петровских военных побед, каким он видится в начале 1712 года: поход в Азию (Азов) — победы над Швецией, которые венчает Полтава, — новый поход в Азию.

В дальнейшем складывается устойчивый «сценарий» новогодних торжеств в Петербурге. В 1714 году царь, «отслушав обедню у церкви Троицкой, изволил кушать с прочими у Себя в Дому; а в вечеру изволил гулять по улицам со всеми министрами» [Журнал 1714, 1]. В 1715 году — «слушал обедню у Троицы, и после обедни палили для Нового году с фортеции из пушек; кушал у себя, а после обеда гуляли по улицам» [Журнал 1715, 33]. В 1716 году Петр болел, и празднование Нового года не включало «гуляния»: «Их величества слушали обедню у Троицы и были у князя» [Журнал 1716, 59].

«Походные журналы», как правило, специально отмечали фейерверки, часто включали их описание. В 1714—1716 годах о новогодних фейерверках в Петербурге они ничего не говорят. Возможно, фейерверки в эти годы не имели места или, что не менее симптоматично, Петр не заботился о том, чтобы изображения фейерверков были гравированы и отпечатаны. Заме-

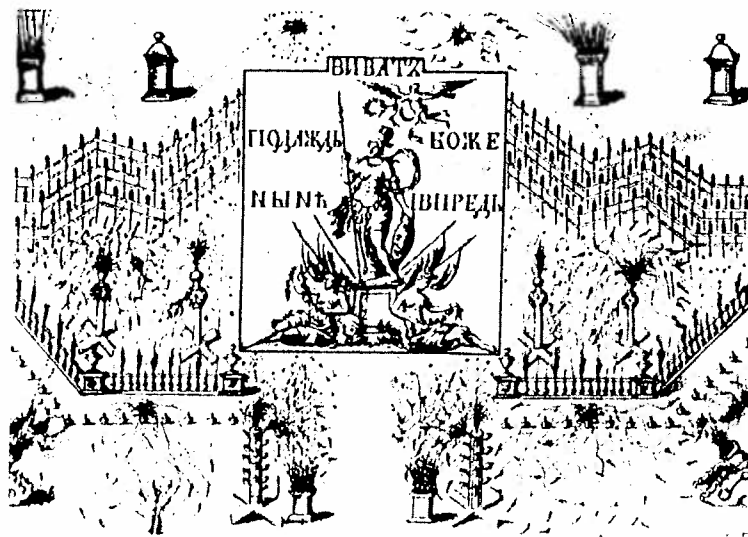
пившее же (или потеснившее) их «гулянье» по улицам новой столицы определенно указывает, что Новый год в Петербурге посвящен в том числе и самой новой столице.

Особенно ярко семантика Нового года как петербургского торжества проявилась в 1719 году. Конец 1718 года был ознаменован казнями сторонников царевича (последние казни были назначены на 9 декабря). Новый 1719 год Петр праздновал «с необычайной торжественностью»: в 1718 году было покончено с внутригосударственными настроеннями, а на наступающий 1719 год приходилась десятая годовщина Полтавы.

Сохранилось два подробных описания торжеств 1 января 1719 года. «Его Величество, — пишет ганноверский резидент в России Х. Ф. Вебер, — по отелушании божественной литургии, при пунечной пальбе, отправился в дом Сената, где князь Меншиков давал роскошный обед. За столом пилось здоровье и провозглашалось желание, чтобы этот 1719 год для ЕВ был также счастлив и замечателен, как и 1709-й год. Праздник заключился наконец блистательным фейерверком, который представлял двух великанов, поддерживавших столпы царства, и Фортуны, сидящую на змие. Между разными глубокомысленными изречениями ЕВ, на этом празднике замечательно следующее: царь уподобил себя патриарху Ною, который с негодованием взирал до сих пор на древний русский мир, теперь же он возымел надежду, с помощью учрежденных вновь коллегий, привести свое государство в новое, лучшее состояние» [Вебер, 1664]. Французский консул де Лави подтверждает слова Вебера вплоть до деталей: «Замечено, что на

последнем празднике ЕЦВ провозгласил тост за то, чтобы 1719 г. был также замечателен и счастлив, как и год 1709, навеки памятный битвой под Полтавой. Затем он сравнил себя с Ноем; обозревая с горестью старый русский мир, он выразил надежду, что посредством учреждения нескольких советов и коллегий ему удастся придать новый вид этому миру» [ДФП 1884, 8].

В 1719 году «петербургский» Новый год, таким образом, становится праздником, посвященным превращению «старого русского мира» в «новый». Стоит сразу же заметить, что, хотя Петр сравнивает себя с Ноем, петербургские наводнения оставались для Петра за рамками этой идеологической конструкции.

15. Фейерверк под девизом «Виват». 1720-е гг.

В 1720 году празднование проходило вполне традиционно: «Их Величества слушали литургию у Троицы, кушали в аудиенц-каморе. И под вечер был фейерверк; на нем была статуя на горе, подпись „Помощию ничто успеют“» [Журнал 1720, 1]. «На празднике, — доносил своему правительству французский посланник, — выдавался великолепный фейерверк, представлявший скалу посреди моря, на которой возвышалась фигура Правосудия, как ее обыкновенно изображают: с весами в одной руке и с мечем в другой; Царь приказал выгравировать несколько экземпляров этой картины и роздал их лицам, которым желал выказать благоволение. При этом он сам объяснил эмблему, сказав, что сердце его верно, как эти весы, что он никогда никого не обманывал (намек на его союзников), и что если другие принимают меры, противные их собственным обязательствам, то меч, которым вооружена фигура, сумеет защитить его» [ДФП 1884, 79]. По уже сложившейся традиции, в фейерверке отражена актуальная политическая тематика, но «базовая конструкция» (скала — камень посреди бурного моря, которая представляла Петра и его новую столицу) повторяет образы фейерверка 1711 и 1712 годов*.

Смысл новогодних торжеств — «идеология праздника» — на протяжении петровского царствования, как мы видели, меняется. В 1700-е годы Новый год празднуется в Москве и имеет значение единственного

* Мы не останавливаемся подробно на новогодних торжествах 1721 г., поскольку в целом они не отличались от предшествующих петербургских [Журнал 1721, 15] (ил. 15). Описание же фейерверка, который был сожжен 1 января, не сохранилось.

годового гражданского торжества, хронологического рубежа, к которому стягивается празднование военных побед года. Это значение Новый год сохраняет и позднее: в тех немногих случаях, когда Петр уже после 1709 года решает праздновать этот день в Москве, весь ход торжеств строится в соответствии с традицией, сложившейся в начале войны со Швецией.

На рубеже 1700—1710-х годов Петр переосмысляет значение этого праздника: Новый год сохраняет статус важной для политического быта страны хронологической границы, но уже не границы военных кампаний или более длительных периодов в ведении военных действий, а рубежа, который имеет и онтологический смысл. Петр рассматривает его теперь в контексте церковного календаря, и Новый год, в его теперь уже петербургском изводе, постепенно получает значение торжества в честь преображения старого «русского мира» в новый. Однако после 1724 года, когда по указанию царя и при его участии будет составлен и опубликован список гражданских праздников, обязательных к «торжествованию», и эта семантика будет отнесена к праздникам царского цикла.

В 1725 году в Петербурге был сожжен последний новогодний фейерверк петровского царствования. На центральном щите был изображен «летающий Сатурн с крылатыми часами на голове, косою в левой руке и рогом изобилия в правой». Надпись гласила: «Боже благослови. Генваря 1. 1725» [Памятники русской культуры, № 756]²⁴. Новый год, как можно судить по этому фейерверку, имеет теперь для царя только одно значение: 1 января празднуется собственно Новый год.

Годовщина взятия Шлиссельбурга:
«начало нашего авантюра»

О победах начала Северной войны в 1708—1719 годах Петр вспоминает только от случая к случаю. В 1712 году, например, «Ведомости» от 24 сентября сообщают о праздновании годовщины взятия Нарвы: из Грифсвалда сообщается о прибытии Петра к датскому флоту, о том, что царь с небольшим отрядом копичи (1500 человек) «розвела пошел», и о сражении при том со шведами. И далее: «20 числа поспеже воспоминания день был о взятии Нарвы, того году его царское величество славно трактовал» [ВПВ II, 134; даты даны по новому стилю]. Петр, как мы видим, находится при датском флоте: как это было и в случаях «торжествования» царских дней во время заграничных путешествий, празднование Нарвы в 1712 году говорит не об особом значении именно этой победы для царя, а указывает, что Петр использовал свое пребывание при датском флоте для пропаганды побед России. В 1714 году Петр вновь празднует взятие Нарвы, но это десятая годовщина победы: «Торжествовали в доме светлейшего князя» [Журнал 1714, 157].

В отличие от других побед, хотя и не ежегодно, Петр вспоминает в письмах и празднует взятие Шлиссельбурга. В 1704 году из «Походного журнала» царя мы узнаем, что Петр был 11 октября в «Шлютенбурхе» («на корабле пришли»), однако никаких сведений о праздновании журнал не сохранил [Журнал 1704, 8]. В 1708 году 11 октября Петр писал Ф. М. Апраксину: «Поздравляю вас с сим днем»; о том же он пишет Меншикову: «При сем поздравляю вам сим торжественным

днем, которым Бог *начало счастья* намему даровал» [ПБПВ VIII, № 2711, 2712]. Меншиков, отвечая на письмо Петра, с готовностью воспроизводит формулировку царя: «Благодарствую намей милости за поздравление прошедним торжественным днем, которым Бог *начало счастья* намему даровал, дабы он де, Господь Бог, подобным тому началу *окончанием намее счастья даровать изволил*» [ПБПВ, VIII, 794—795]. Обращаем внимание на устойчивость формулировок в этих письмах: взятие крепости в соответствии с традицией, сложившейся в предшествующий период, описано в категориях «счастья» (но уже не государева, а «нашего») и «начала» — «конца» хронологического периода.

О праздновании годовщины взятия крепости сообщают и «Походные журналы» Петра. В 1714 году 11 октября «ЕВ был в токарне и был в Адмиралтействе, из пушек стрельба из города, и кушали у ЕВ гости, взяли нынешнее число Шлютенбурх» [Журнал 1714, 136]. В 1715 году Петр 9 октября «приехал в Шлютенбурх», 10-го — «гулял по фортеции», а 11-го, как указывает «Походный журнал», «взят Шлютенбурх, пошел 13-й год; ЕВ кушал со всеми» [Журнал 1715, 71].

На основании некоторых формулировок в письмах Петра Екатерины можно предположить, что взятие Шлиссельбурга имело для царя исключительное значение. В 1712 году Петр пишет Екатерине из Карлсбада: «Поздравляем сим днем — *началом нашего авантюра*» [ПБПВ XII-2, № 5601]. 11 октября 1718 года Петр вновь возвращается к этой же теме: «Поздравляю вам сим счастливым днем, в котором русская нога в ваших землях *фут* взяла, и сим ключем много замков отперто» [ПРГ, 85-86]. Намеки Петра определенно имеют эроти-

ческий характер, при этом Екатерина, как уроженка Прибалтики, представляет противостоящую сторону («ваши земли»), а супружеские отношения в царской семье спроецированы на военные действия.

О самом начале отношений Петра и Екатерины нам известно очень мало. Если следовать версии, по которой Екатерина была взята в плен 24 августа 1702 года [Семевский, 82], а 26 сентября, как мы помним, началась осада Нотебурга, то можно на основании писем Петра предположить, что эти отношения («начало нашего авантюра») начались именно во время осады крепости. Такое предположение подтверждается датой одного из ранних писем Екатерины Петру: Екатерина начинает письмо благодарностью «за презент» и «три письма», жалуется, что «скучила без милости твоей» и напоминает о своей беременности («срок стал уже»; вскоре Екатерина родила Петру сына Павла) [Семевский, 333—334]. Письмо написано 11 октября 1703 года, то есть в годовщину взятия крепости — Екатерина считала нужным напомнить о себе царю именно в этот день²⁵.

Вполне вероятно, что особое внимание, которое Петр уделял годовщине взятия Шлиссельбурга, определялось не только военным значением этой победы, но и личными обстоятельствами жизни монарха: 11 октября «на акорт» была взята будущая императрица Екатерина.

День рождения царя, «устроителя» флота

Приблизительно с 1707—1708 годов становится все более заметным важный процесс в формировании официального календаря: Петр в одних случаях определенно ищет, в других — сознательно планирует совпа-

дения разовых событий гражданской и военной истории с церковными или годовыми царскими праздниками. Эта тенденция существовала и ранее: мы видели, что во время Азовских походов Петр с особым вниманием следил за соотношением событий осады, праздников церковного и царского календаря. С начала же войны со Швецией, как мы помним, она практически сходит на нет.

Роль церковных праздников в процессе формирования имперского календаря требует специального исследования. Здесь же остановимся подробнее на совпадении разовых гражданских торжеств и царских праздников.

Царские праздники по своей природе являются праздниками годовыми: они существуют на фоне церковного календаря и сливаются с празднованием дня памяти того или иного святого. Именно они становятся календарными вехами, вокруг которых Петр начинает строить годовую гражданский календарь.

Одной из дат, «притягивающих» события и торжества различного характера, было 30 мая — день рождения Петра²⁶. Довольно долго день рождения царя сохраняет характер частного торжества. Так, 30 мая 1701 года в «Походном журнале» была сделана запись: «Веселились довольно» [Журнал 1701, 6]; 30 мая 1705 года «день рождения ЕВ отправлен в Преображенском на его дворе» [Журнал 1705, 3].

Уже в этот период день рождения, видимо, осмыслился царем как день «счастливый» (в соответствии с традиционными представлениями о «счастье государеве»). Так, именно 30 мая в 1704 году все пехотные полки, пришедшие из Санкт-Петербурга и Шлиссель-

бурга «убрався, строем перешли за Нарову реку чрез учиненный мост <...> дабы заключить весь проход от-всюду в Нарву» [Журнал 1704, 30]: в день рождения царя была начата осада Нарвы.

В 1707 году Петр празднует день рождения 1 июня, на которое в этом году приходился праздник Пятидесятницы [ВПВ I, 396]. В этот день царь находился «при полках у Вислы». В честь праздника к царскому столу были приглашены «все генералы и министры» и в их числе «пововыезжие министр датчанин Урбик да генерал Гольц». «В тот же день, — сообщает «Походный журнал», — дан диплом от ЦВ князю <...> Меншикову на княжение Ижерское» [Журнал 1707, 2—3]. Кроме объединения праздников Пятидесятницы и дня рождения Петра, обратим внимание на тот факт, что именно к этому дню Петр приурочил подписание грамоты о княжеском достоинстве Меншикова: традиция раздачи чинов, титулов и орденов в дни царских праздников сохраняется на многие десятилетия.

В следующем 1708 году Петр писал Меншикову 31 мая о праздновании своего дня рождения: «Вчерашнего дня при доброй компании слава Богу, мы веселились; и как про ваше здоровье, так и прочих генералов [в армии с вами пребывающих] довольно были <...> При сем *поздравляю* вас чином капитана морского, который вчерашнего дня здесь во флоте объявили» [ПБПВ VII, № 2416]. Меншиков отвечал царю: «Я получил и присланный от вашей милости презент, то есть три штуки убору конского принял, за который милости вашей благодарствую» [ПБПВ VII, 847]. Кроме «чина капитана морского», Меншиков, как мы видим, получает в день рождения царя «презент». Но в целом

30 мая в 1708 году не было крупным публичным торжеством — Петр празднует его «при доброй компании». Большой размах торжеств в 1707 году определялся, скорее всего, совпадением дня рождения царя с большим церковным праздником.

В 1710 году день рождения царя совпал с подготовкой осады Выборга. 29 мая 1710 года Петр пишет Ф. М. Апраксину под Выборг: «Я бы zelo счастлив был, когда б завтрашний день начали стрелять» [ПБПВ X, № 3765]; Петр хотел, чтобы начало осады пришлось на его день рождения. Апраксин отвечал Петру: «Стрелять начали сего дня 1 числа, после полудни 6 часов. А умещали, государь, для того: <...> отравлен был со объявлением в Выборх, дабы оную крепость отдали, <...> майор Лингман» [ПБПВ X, 601]. Апраксин надеялся, что крепость сдастся в день рождения монарха, и хотел ускорить этот процесс путем переговоров.

Актуализация этого царского дня как торжества, выходящего за пределы частного обихода монарха, была отмечена освещением в 1710 году в Петербурге деревянной церкви Исаакя Долманского, память которого праздновалась в день рождения Петра [Агеева 1999, 292—293]. Церковь была заложена рядом с Адмиралтейством. «По левую руку от верфи, — указывал современник, — находится *адмиралтейская* церковь, в которую двор ходит на церковную службу. Она сделана из дерева и мала» [Августин Никитин, 99—100]. Обратим внимание на то, что церковь эта одновременно была посвящена дню рождения царя и считалась адмиралтейской и придворной.

В 1711 году на 30 мая было назначено начало кампании против Порты. В «Ведомостях» в статье «О по-

ведении бывшем в армии ЕЦВ мая с 30 числа, 1711» сообщалось: «30 дня мая генерал фельдмаршал Шереметев перешел Днестр» [ВПВ II, 116]. На этот факт указывает и запись в «Походном журнале»: «В 30 день мая, то есть в день рождения ЕЦВ, кушали все, как его королевское величество, так и прочие польские гетманы и сенаторы, у ЕЦВ. <...> Того ж 30 дня получена ведомость, что фельдмаршал Шереметев с конными полками *реку Днестр перешел счастливо*» [Журнал 1711, 12].

Наконец, к 1716 году день 30 мая окончательно превратился в публичное торжество. Об этом свидетельствует, например, запись «Походного журнала»: «В сей день рождения ЕЦВ публичного банкета не было, за тем что дохтуры при употреблении тех вод вина пить всем заказали» [Журнал 1716, 25]²⁷; нормой празднования к этому времени уже был публичный банкет, и составитель «Журнала» специально подчеркивает ее нарушение.

Особое значение день рождения царя получает уже после заключения мира: в 1723 году на 30 мая Петр назначил торжественную встречу ботика в Санкт-Петербурге.

Еще в процессе подготовки «Устава морского» в 1719 году Петр своей рукой изложил в предисловии историю ботика. Алексей Михайлович, указывает царь, был склонен к заведению флота: «О том всем известно, и не только на земле, но и на море покушался (которое дело так у нас странно было, что едва слышали о нем), как-то из осады города Риги и из строения двух кораблей в Дединове на Каспийском море видеть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на нас же

бремя воля Вышнего Правителя возложить изволила, то оставляем непостижимым судьбам Его». И далее Петр переходит непосредственно к рассказу о ботике: «Странным образом от вышеупомянутого начинания, яко от семени, нынешнее морское дело произошло, таким образом: когда намерено делать кораблеплавание на Каспийском море, тогда вывезен из Голландии капитан Давыд Бутлер с компаниею мастеровых и матросов, которые, сделав корабль именем Орел²⁸ и яхту или галлот, и сплыли в Астрахань; но в то время забунтовал Разин и, яко противник всякаго добра, оные разорил, капитана убил, а прочие ушли в Персиду, а оттоль в Индейскую компанию. А двое из них, лекарь Иван Тормонт и корабельный плотник и констатель Кастерс Брант, по усмирении бунта, возвратились к Москве» [Устрялов II, 397—398]. В Москве Брант чинит для Петра «утлый бот», с которого начинается история русского флота.

Полностью этот текст не вошел в окончательный вариант предисловия. Тем более показательно, что рассуждение о «непостижимости судеб» осталось. Так, в «Объявлении к Морскому уставу» (1720) читаем, что морское дело России «прежде сего начинаемо было, а именно, при блаженной и вечно достойной памяти отца нашего, для мореплавания на Каспийском море, но тогда чего ради тому не исполниться, и на нас же бремя воля Всевышнего правителя возложить изволила, то оставляем непостижимым судьбам Его» [Воскресенский, 74].

Эти же слова послужили темой для оформления фронтисписа для «Книги устав морской» работы Питера Пикарта: в центре композиции был изображен

ботик и младенец на его борту, над ботиком в окружении лучей — треугольник («предведения Божие»), а рядом с младенцем — Сатурн с косой и песочными часами на голове (время) (ил. 16, ср. ил. 17)²⁹. Под изображением помещено стихотворение:

Предведение Божие нам открывает:
еже время пополни его исполняет:
Никим чаешное бывает:
еже промысл Божий содевает:
Понеже мысли и пути его так от нас отдалены
яко разстоянием от земли до небес суть сравнены.

К этой же теме, наконец, обращается Феофан Прокопович в «Слове похвальном о флоте Росенійском» (произнесено «при присутствии царского <...> величества» 8 сентября 1720 г., во время торжеств в честь Гангутской победы). Именно Феофан высказывает публично идею сохранить ботик в качестве мемориалии. «А кто же не скажет, — обращался он к слушателям, — что малыи ботик против флота есть, аки *зерно против древа*? А от того зерна возрасли сия великая, дивная, крылатая, оруженосная *древеса*». Обратим внимание, что образ зерна, из которого вырастает флот, восходит к предисловию Петра, но там «семенем» является не ботик, а начинания Алексея. У Прокоповича из ботика-«зерна» вырастают корабли-«древеса».

И далее Феофан продолжает: «О ботик, позлащенья достойный! Тицился неции нескать на горах Араратских доски *ковчега Ноева*; мой бы совет был *ботик сей блюсти и храни*ти в сокровищах на незабвенную память последнему роду» [Панегрическая литература, 236].

16. П. Никарт. Фронтиспис книги «Устав морской»

Таким образом, еще в 1720 году Петр формулирует ряд положений, относящихся к истории ботика и его роли в создании русского флота (эти положения, как мы видели, сразу же получили развитие в рамках придворной культуры). Строительство флота Петр рассматривает как особую миссию, которая была возложе-

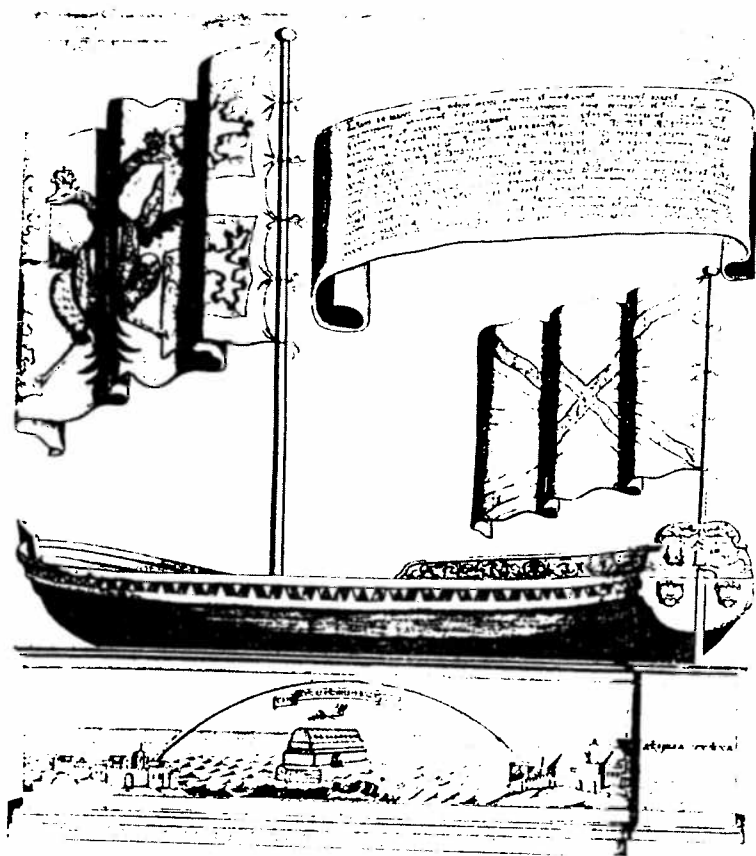

17. Ротное знамя лейб-гвардии Преображенского полка. 1700

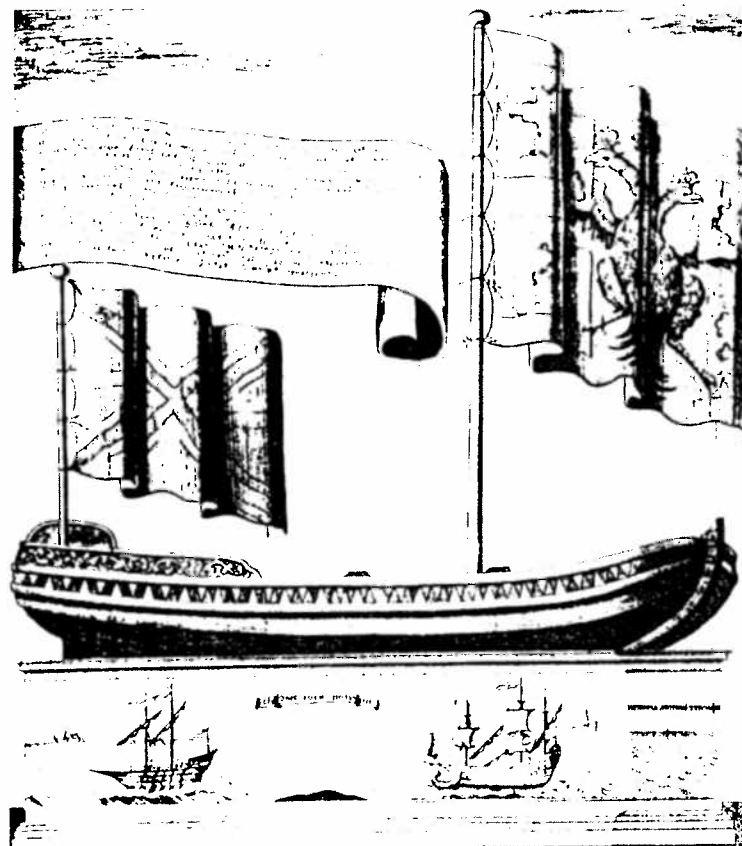
на Всевышним лично на него (ни попытки Михаила Федоровича, для которого был привезен бот, ни планы Алексея не увенчались успехом). Эта идея Божественного завета и личной миссии Петра давала возможность Феофану Прокоповичу сопоставить ботик с Ноевым ковчегом.

Не случайно, однако, и у Петра, и у Прокоповича появляется в связи с рождением флота и другой образ — зерно и вырастающее из него дерево. Дерево было распространенным символом российской государственности в XVII веке. Возможно, и ботик (зерно, из которого вырастет дерево) для Петра становится своеобразным символом начала новой государственности. Мы помним, что Петр на праздновании Нового 1719 года в Петербурге сравнивал себя с Ноем: из новой столицы в первый день нового года по новому календарю он «обозревал с горестью *старый русский мир*» и мечтал «придать *новый вид* этому миру» [ДФП 1884, 8]³⁰.

Торжества, связанные с ботиком, начались в Москве³¹. Еще в начале 1722 года, как мы помним, ботик «был установлен в Москве на площади перед Успенским собором на особом украшенном картинами постаменте». 6 февраля Петр указал: «Бот <...> срисовать с двух сторон со всем подобием и выгравировать и напечатать многие листы» [Алексеева, 96, 86—87]. Гравюры были исполнены И. Ф. Зубовым. На первой из них внизу между двух крепостей (вероятно, между Петербургом и Стокгольмом) изображен ковчег; над ковчегом голубь с веткой и радуга (ил. 18). На другой — море, вдали две крепости, на первом плане корабль и галера (ил. 19)³². На листе над первым изображением

18. И. Ф. Зубов. Бот Петра I.
1722

19. И. Ф. Зубов. Бот Петра I.
1722

написано «Сей божественный вестник» (т. е. ботик, он же — ковчег и голубь одновременно); над вторым — «От Бога сим токмо получен» (т. е. флот получен благодаря ботику); сбоку на первом листе — «Детская утеха»; на втором — «Принесла мужески триумф». История флота здесь, как и на фронтисписе морского устава, где в ботике помещен младенец, соположена взрослению самого царя.

В конце мая «дедушка русского флота» отправился в новую столицу. 29 мая Петр на боте торжественно прибыл в Александро-Невский монастырь. В день рождения царя состоялась торжественная встреча ботика в Петербурге. В «Походном журнале» Петра за май 1723 года читаем: «Их величества и все министры слушали заутреню в Невском монастыре; и по утру к обедне изволили прибыть с ботиком и со всем буерным флотом, в 11-м часу пополудни, в Санктпетербурх, и была литургия у Троицы, палили из города и с крепости Адмиралтейской кругом трижды и были на площади солдаты гвардии, где також из мелкого ружья палили беглым огнем трижды ж. После литургии кушали в Сенате <...> и был фейерверк на воде» [Журнал 1723, 15].

Забегая вперед, укажем, что второй этап церемониала, «освящение» ботика, был назначен, по всей видимости, на 9 августа — годовщину взятия Нарвы (хотя, возможно, это было 8 августа — день «чудесного» спасения Петра от стрельцов). «Походный журнал» сообщает, что 7 августа «буерной флот и с ботом старшим пришел к Котлину острову; и учинено учреждение о встрече бота флотом». Однако с 8 по 10 августа были «великие ветры, для которых невоз-

можно было управить встречн ботику». И только 11 августа «отправляли вход ботика в Кроншлот» [Журнал 1723, 19].

«Ботик, — рассказывает Бассевич, — снаружи обили медью для предохранения дерева его от гниения, а маленькую мачту его украсили большим императорским флагом. <...> Таким образом маленькое судно обошло вокруг флота, для того, как говорил император, чтоб добрый дедушка мог принять изъявление почтения от всех прекрасных впуков, обязанных ему своим существованием; и когда в этом обходе оно подымалось вверх по реке, монарх греб сам с помощью одного лишь князя Меншикова. <...> Празднество кончилось помещением ботика в гавани, в углу почетного места, назначенного для линейных кораблей; а шесть недель спустя его вытащили на сушу и торжественно перенесли в крепость, где поставили на хранение как государственную святыню» [Бассевич, 169].

День рождения царя, таким образом, оказался объединен в этих торжествах с рождением флота. Не случайно появляется и характеристика ботика «дедушка русского флота» (напомним, что бот принадлежал делу Петра Михайлу Федоровичу). В письмах Петр неоднократно писал о флоте как о семье — иногда это семья адмирала, иногда — его собственная. Так, например, в письме Ф. М. Апраксину 10 июня 1713 года царь пишет: «На завтра ссмотрел *покупные корабли*, которые нашел подлинно достойны звания *приемушей*, ибо подлинно столь отстоят от *наших кораблей*, как *отцу приемли от радиного*, ибо гораздо малы пред нашими, хотя и пушек столько ж число, да не таких, ни таким про-

стором» [ПБПВ XIII, № 6038]. В письме Екатерины Петру 31 июля 1719 года, где речь идет о прибытии корабля «Гангут», вновь встречаем то же уподобление: «Понеже здесь прежде обносился слух, что *Ивана Михайловича сын Ангут* отступает к нам, чему я ни мало не верила, а ныне оный счастливо сюда прибыл, — я разсуждаю, что там *ему без своего брата* было тошно и не хотел там один действия показывать; для того *прибыл к брату своему Лесному*, с которым ныне совокупились и стоят в одном месте, которых я своими глазами видела и воистинно радостно на них смотреть!» [Собрание писем, 112]. Братья, конечно, не только корабли «Гангут» и «Лесной», Екатерина намекает и на отношения прямого родства между двумя важными победами.

Попытки Петра «назначить» на день рождения важные начинания в войне со шведами, что, конечно же, имело прямое отношение к концепции «счастья государева», не привели к совпадению этого царского дня со значительной военной победой. Однако к концу царствования Петра 30 мая получает совсем иной смысл: оно становится днем рождения царя, которому суждено выполнить уникальную миссию — построить российский флот.

Полтава — торжество «русского воскресенья»

На конец июня при Петре приходилось сразу два царских дня: 25 июня 1682 года состоялось коронование царей Петра и Иоанна, а на 29 июня Петр отмечал свое тезоименитство.

Коронация была включена в круг царских праздников только в 1721 году, и к ней мы обратимся ниже.

Тезоименитство, напротив, было традиционным царским праздником и с начала петровского царствования имело особый статус: независимо от того, находился царь в этот день в Москве или нет, оно обязательно праздновалось в столице. Так, 15 июля 1696 года Петр пишет Ромодановскому из-под Азова: «Письма твои государския <...> мне отданы из которых в другом объявить изволил, что *в день святых апостол Петра и Павла* изволил стрелять из пушек и из ружья, также пожаловав начальным людям и солдатам, за которую вану неоплатную милость многократно благодарствую». Ему же царь отвечал 31 августа 1697 года из Амстердама: «Письмо твое государское отдано, за которое, а нече *в день святых апостол незапланированную учиненную милость*, многократно челом бую» [ПБПВ I, № 106, 181]³³. Летом 1699 года Петр отправился под Азов, и тезоименитство, как в 1695—1696 годах, отмечалось без него в Москве. 28 июня, по словам Корба, «москвитяне навечерие св. апостолов Петра и Павла отправляли с большой торжественностью. *Царевич назначил* общественные молитвы с крестным ходом о сохранении всепресветлейшего родителя». Торжества продолжались 29 июня [Корб, 152].

Дополнительное значение этот царский праздник приобретает после основания Петербурга, как день памяти святого патрона нового города. Уже в 1703 году, то есть в год основания Петербурга, Петр празднует свое тезоименитство именно здесь: «*Праздник апостолов Петра и Павла*, ЕЦВ изволил торжествовать с набожеством и веселием звычайным в вышепомянутой Санктпетербургской крепости» [Гизен I, 343].

Однако обстоятельства ведения войны не позволяли Петру выбирать место торжеств по случаю тезоименитства. В 1704 году Петр оказывается в этот день под Нарвой. Из «Походного журнала» мы узнаем, что 29 июня «сказано <...> полковнику Рену <...> за его многие храбрости и верные службы, в генерал-майоры к коннице» [Журнал 1704, 54]. Гизен добавляет: «Весь двор, послы и посланники, генералы и офицеры трактваны были торжественно в шатрах» [Гизен I, 413]. В 1705 году Петр празднует тезоименитство в Полоцке. «Июня 29-го числа, в день верховных апостолов Петра и Павла, — сообщает «Походный журнал», — праздновали в Полоцку, на особливом острове реки Двины, против города Полоцка, в наметах, с пушечною стрельбою, на котором банкете и поляки, гетман Огинской и прочие были» [Журнал 1705, 5]. В 1707 году Петр находился в Люблине, где отпраздновал день своих именин «со многою изрядною помпою» [ВПВ I, 399].

Но особое значение день тезоименитства царя должен был получить в 1709 году. «В исторической литературе считается установленным, — указывают комментаторы 9 тома «Писем и бумаг императора Петра Великого», — что генеральное сражение под Полтавой произошло на 2 дня раньше, чем намечал это Петр I. При этом большинство военных историков сходятся на том, что Петр, назначая генеральное сражение на 29 июня, имел в виду закончить к этому времени постройку редутов на поле боя и усилить армию ожидавшейся калмыцкой конницей. <...> В Дневнике военных действий под Полтавой имеется между прочим указание на то, что „от обеих сторон было соглашение за паролем“ о дне генерального сражения — 29 июня»

[ПБПВ IX, 983—984]. Карл начал сражение на два дня раньше, чем того хотелось Петру, и тезоименитство царя не стало днем самой важной победы в войне против Швеции.

Полтавская победа уже 27 июня получает в письмах Петра ряд ярких характеристик. С одной стороны, Петр, как и ранее (в случае со Шлиссельбургом и Лесной), видит в этой новой победе конец войны — окончательное поражение Карла. «Донесим вам о зело превеликой и неначасмой виктории, — писал Петр целому ряду лиц, — которую господь Бог нам через неописанную храбрость наших солдат даровать изволил с малою войск наших кровино <...> И единым словом сказать: вся неприятельская армия *Фазтонов конец* восприяла (а о короле еще не можем ведать, с нами ль или с отцы нашими обретается)». В письме Ф. М. Апраксину было добавлено: «Ныне уже совершенный камень во основание С.-Петербурга положен» — земли Ингрии Петр считает теперь окончательно оставшимися за Россией [ПБПВ IX, № 3252, 3259].

На первом этапе осмысления Полтавы актуальным для Петра является и тот факт, что победа пришла на день памяти св. Самсона. «Понеже Полтавская баталия учинилась в день преподобного Самсона Странноприимца, — пишет Гизен, — знатного в жизни святых в том, что он странных охотно принимал, то говорено тогда, что ЕВ, последуя реченному святому, принял к себе великое число иностранных и дал квартир или живот и жилище в областях своих толиким побежденным своим неприятелям». А «для лучшего еще сохранения памяти» Петр даст указание «на боевом поле близко города Полтавы, воздвигнуть столп с над-

писанием о прошедшем и создать церковь в честь реченному святому Самсону» [Гизен II, 121, 123]³⁴. Приближенные Петра следовали примеру царя в подражании св. Самсону. Гагарин, например, выставил в Москве перед своим домом бочки с вином и кушанье для народа и пленных шведов [Гизен II, 125].

В 1712 году 29 июня царь пишет Меншикову из Риги: «Притом *поздравляю вас прошедшим торжеством дня святого Самсона и сегодняшним святым апостол*, желая, дабы господь Бог хотя половиною такого счастья ныне благословил, как тогда». Тогда же Петр пишет Шереметеву: «Поздравляем вас и всем при вас войску прошедшим *торжеством дня святого Самсона*, прося господя, дабы ныне хотя половину оного счастья даровал» [ПБПВ XII—I, № 5316, 5317].

Но в целом этот церковный календарный контекст не становится для Петра доминирующим в осмыслении Полтавы: после 1712 года он отходит на задний план.

Отметим здесь сразу же, что Петр уже в первые годы после Полтавы связывает празднование своего тезоименитства с годовщиной Полтавы, возникает новый праздничный «сезон», когда торжества следуют одно за другим. Кроме того, царь подчеркивает свою надежду на то, что «счастье» Полтавской победы повторится и теперь, в 1712 году (рассуждения такого рода появлялись ранее именно в «новогоднем» контексте).

Основные торжества по случаю Полтавской победы были отнесены, в полном соответствии со сложившейся традицией, к Новому году³⁵. Но уже начиная с 1710 года Петр регулярно празднует годовщину Полтавы именно 27 июня.

В 1710 году празднование Полтавы проходило в Петербурге. «Для этого празднества, — пишет Юст Юль, — сделаны были большие приготовления. <...> Царь сам вышел к Преображенскому полку, построеному за крепостью и отдал приказание, чтобы Преображенский и Семеновский расположились кругом на площади у собора». Когда обедня кончилась, царь со всей свитой вышел на площадь перед собором. Здесь была воздвигнута пирамида, на которой висело «59 взятых в Выборге знамен и штандартов». Перед выстроеными полками и собравшимися на площади жителями Петербурга Феофилакт Лопатинский произнес проповедь, а за ней последовала праздничная пушечная стрельба. Празднование закончилось «пиром», а вечером «на воде на двух связанных плотах» был сожжен «небольшой, но красивый фейерверк». В этот день на царя была та самая шляпа, которая была пробита пулей во время Полтавского сражения [Юст Юль, III, 8—9]. Насколько можно судить, это был первый «летний» фейерверк (если не считать юношеских упражнений царя). До этого фейерверки сжигались на Масленицу или на Новый год. Отметим также, что вместе с Полтавой Петр отпраздновал в 1710 году и взятие Выборга.

В 1711 году Петр праздновал годовщину Полтавы во время Прутского похода. Из письма Петра Меншикову 30 июня 1711 года мы видим, что тезоименитство вновь праздновалось вместе с Полтавой: «Мы четвертого дни по *благодарении за прошлое* и прошение о будущем веселились гораздо, також и *именников здоровья не забыли*» [ПБПВ XI—I, № 4544]. В письме, как мы видим, вновь появляется «новогодняя» формула:

праздник имеет значение той границы, которая отделяет прошлое от будущего.

Накануне торжеств в 1711 году состоялся приезд в русский лагерь сил «Господаря волоеского Кантемира» и представителя Мултянской земли Фомы Контакузина «с объявлением своей и всего Мултянского народа верности». Тогда же Петр произвел смотр войск и «отправлено всенощное пение», а 27 июня — «святая литургия и благодарственный молебен за дарованную от Бога <...> под Полтавою прошлого 1709 году викторию» [Журнал 1711, 50—51]. На следующий день было начато наведение моста через Прут. К празднованию Полтавы, как мы видим, Петр приурочил и важные политические акции, и начало нового этапа военных действий.

В последующие семь лет Полтава по-прежнему празднуется регулярно. В 1712 году Петр отмечает 27 июня в Риге: «Походный журнал» сообщает о «банжете», во время которого гости могли наблюдать, как «гуляли по реке Двине матросы с <...> торговых кораблей парусами на ботах» [Журнал 1712, 17]. В 1713 году на 27 июня был назначен торжественный вход в Петербург Персидского посла «с подарками», среди подарков был и живой слон [Журнал 1713, 32] (ил. 20). Празднование Полтавы в 1714 году проходило в Ревеле: «кушать» Петр «в городе изволил у бургомистров ревельских» [Журнал 1714, 61]. В 1715 году 27 июня в Петербурге был спущен корабль «Москва», «и на оном изволил господин вице-адмирал веселиться» [Журнал 1715, 17]; в 1716 году Петр праздновал Полтаву в Ростке [Журнал 1716, 27]; в 1717 году — «в Шна», недалеко от Льежа, где «в вечеру был фейрверк небольшой, на котором сделано было: из каменной горы

20. П. Шкарт. Вход персидского посольства в Москву. 1713

рука, хотящая взять корону лежащую, но она другая рука сверху из облака мечем пресекла и корону взять не допустила» [Журнал 1717, 23]. Сюжет фейерверка, как мы видим, повторял в общих чертах «огненную потеху» 1 января 1710 года. Наконец, в 1718 году состоялось печально известное празднование Полтавы — оно проходило на следующий день после смерти царевича Алексея Петровича. («Смерть эта, — пишет, например, французский посланник, — не помешала отпраздновать на следующий день с обычным торжеством годовщину Полтавской битвы, знаменитого поражения шведов, послужившего началом их упадка и величия Царя; по этому случаю в почтовом доме был великолепный обед и бал» [ДФП 1881, 355]).

Как мы видели, годовщину Полтавы Петр празднует регулярно, однако устойчивой «идеологией» этой годовщины к 1718 году так и не сложилось: в одних случаях она оказывалась объединена с празднованием тезоименитства царя, в других — с торжеством по случаю военной победы или событиями дипломатического быта. Главной особенностью празднования Полтавы и следующего за ней тезоименитства было то, что этот праздничный «сезон» строился во многом по модели Нового года.

На 1719 год приходилась десятая годовщина Полтавской победы. В конце июня — начале июля Петр обменялся с Екатериной несколькими письмами, которые отражают размышления Петра, связанные с десятилетием Полтавы.

22 июня 1719 года Петр пишет Екатерине: «Объявляю вам, что мы сего дня отсель пойдем в путь свой, праздники надеемся взять в Августе, в земле обетован-

ной» [ПРГ, 89]. Любопытно уже то, что Петр решает праздновать десятую годовщину Полтавы в том месте, где 27 июня 1714 года русский флот одержал крупную победу над шведами (обратим внимание, что на 1719 г. приходилось и пятилетие битвы при Гангуте). Такое объединение двух памятных дат показывает, что 27 июня получает значение, выходящее за рамки годовщины одной из побед, пусть даже самой крупной. Эта тенденция проявилась уже при праздновании первой годовщины Полтавы, когда к 27 июня, как мы помним, были отнесены торжества по случаю взятия Выборга.

Не менее любопытно и то, что Петр называет Гангут «землей обетованной». Эту тему подхватывает и Екатерина: «Дай, Боже! и вам *во обетованной земле* со всею вашею компаниею порадоватся» [ПРГ, 93—94].

На письмо же царя от 22 июня Екатерина отвечала: «И при сем *поздравляю предбудущим днем Полтавской баталии, то есть началом нашего спасения*, где довольно было вашего труда, и впредь того сердечно желаю и *наки поздравляю днем вашего тезоименитства*» [ПРГ, 91]. Здесь Екатерина, во-первых, объединяет Полтаву и тезоименитство (с чем мы уже сталкивались ранее), во-вторых, следуя Петру, называет Полтаву «началом нашего спасения».

27 июня 1719 года Петр поздравляет Екатерину с годовщиной Полтавы: «Поздравляю, друг мой, вам сим днем — *русским нашим воскресеньем*. Дай Боже! что в девятом началось, в девятой-бы-надесять благой конец возирился». На это письмо Екатерина отвечает 29 июня — в день тезоименитства: «Ныне наставшим оным *дражайшим тезоименитством* вас, дорогова моего батюшка, *наки поздравляю* <...> Мы и третьего

дня, то есть в *русское воскресенье* здесь были довольны»; и через несколько дней придет еще одно письмо: «Милостливое ваше писанье 27 дня от Ангута, в *день русского воскресенья* отправленное чрез сержанта Шорстова, я получила» [ПРГ, 92, 93—94, 97].

Мы видим, что вслед за словами Петра об «Ангуте, земле обетованной» в переписке появляются две специфические характеристики Полтавской победы: сначала «начало нашего спасения» (и все, что началось тогда, должно в 1719 г. «воспринять конец»), затем — «день русского воскресенья».

«Русским воскресеньем» назвал Петр годовщину Полтавы и в письме Екатерине 1717 года: «Поздравляю тебя сим торжественным *днем русского воскресенья*; только сожалею, что розня празднуем, также и позавтешний день святых апостол — старика твоего именины и шишечкины (т. е. царевича Петра Петровича. — *Е. П.*)» [ПРГ, 71—72].

Своего рода комментарий к словам царя о «русском воскресеньи» находим в «Слове благодарственном» Гавриила Бужинского. Оно было произнесено 27 июня 1719 года «при Ангуте», то есть во время празднования десятой годовщины Полтавы, о котором Петр и писал Екатерине.

Гавриил был обер-перомонахом русского флота. Роль его как проповедника резко возрастает с середины 1710-х годов, когда Петр ведет активные военные действия на море. С этого времени Гавриил играет центральную роль в организации торжеств по случаю морских побед.

В самом начале своего сочинения Гавриил вводит тему гражданского годового торжества как такового.

«Сей день, — читаем в «Слове», — его же никоеже ни когда не покрывает забвение <...> его же *празднеством торжествования* и мамы Господеве от рода в род». «Знамение» или образец такого торжества, по Гавриилу, «обретается» в Священном писании: «Моисей <...> иже прошед со всем Израилем море Чермное, врага же своего со всевоинством узрев потоняема, *торжественную воспевање песнь* Богу, сотворшему дивная чудеса в море Чермнем, таже первейший в *воспоминание* своего избавления *установи праздник Пасху* повсегодно *торжествования*» [Панегирическая литература, 245]. Гавриил подчеркивает, что праздник Пасхи является годовщиной военной победы. Пример этот кажется автору настолько важным, что он в том же «Слове» обращается к нему второй раз: «Воспева сынове Израилеви *победную песнь*, пронесши Чермное море, и колико безчисленных побед восприняти сподобинася!» Петра Гавриил называет «вторым Моисеем», который победил гордого «Свейскаго фараона»³⁶. И потому «снй день», то есть годовщину Полтавы, Петр «от рода в роды в воспоминание явленного благодеяния Божия узакони быти» [Панегирическая литература, 251, 245], то есть празднует ежегодно, чтобы эта победа не была забыта.

Следующий этап рассуждения Гавриила построен вокруг слов из послания апостола Павла (1 Кор. 15: 56). Эти слова Гавриил использовал как эпитафию («тему») для всего «Слова». При этом он «обрезал» слова из послания таким образом, чтобы их можно отнести ко всякой победе, в том числе и военной: «Богу благодарение, *давшему нам победу* Господом нашим Иисус Христом» (напомним, что Павел говорит в послании о победе над смертью). Однако после сопоставления

Полтавской победы с ветхозаветным праздником Пасхи Гавриил возвращает слушателя к словам Павла в их исходном значении: победа над смертью, то есть христианский праздник Пасхи³⁷.

Годовое воспоминание военной победы, даже самой крупной, не было чем-то бесспорным ни для современников Петра, ни для него самого. Полтава, главная победа в русско-шведской войне, становится для Петра «русским воскресеньем»: она, как и ветхозаветный праздник Пасхи, является годовщиной военной победы и получает статус события, достойного включения в церковный календарь. Именно потому Полтава получает право стать самостоятельным годовым праздником.

Глава 3

Годовой круг официальных торжеств при дворе Петра I

К 1719 году годовщина Полтавской битвы становится новым центром гражданского календаря, отчасти дублируя, а отчасти замещая Новый год. Именно с этого времени начинает формироваться гражданский календарь, центром которого станет череда июньских торжеств: коронация — годовщина Полтавы — тезоименитство.

Юбилейный 1719 год

1719 год для Петра был годом юбилейных торжеств: кроме десятой годовщины Полтавы, в 1719 году исполнялось пять лет победе при мысе Гангут и пятнадцать — взятию Нарвы. Царь хотел (и об этом он

говорил в своей «новогодней» речи), «чтобы этот 1719 год <...> был также счастлив и замечателен, как и 1709» [Вебер, 1664].

Конец января и февраль Петр провел на Марциальных водах. На обратном пути в Петербург, на Петровских заводах он получил «ведомость о смерти короля шведского» [Журнал 1719, 117]. По возвращении в столицу Петр объявил траур по Карлу XII: 8 марта «надели черное платье по королю шведском»; 9 и 10 марта в знак печали Петр посещает похороны («Похороны Леблоновы» и «Крефтовы»). В начале апреля умирает фельдмаршал граф Б. П. Шереметев, и 10-го состоялось его погребение [Журнал 1719, 118].

Погребение Шереметева не стало последней печальной процессией этой весны. 25 апреля умер наследник престола царевич Петр Петрович³⁸. 26 апреля состоялось его погребение. «В 5-м часу, — указывает «Походный журнал», — вынесли гроб из палат, тогда начали палить из пушек редко и редко до Почтового двора; потом поставили на баржу и отвезли в монастырь Невской. Провожал ЕЦВ один с министрами, и одна рота гренадеров и все офицеры гвардии. И привезши в монастырь, внесли в церковь и, отпев, погребли в том же месте, где гроб царевны Натальи Алексеевны» [Журнал 1719, 119].

Начало 1719 года, вопреки надеждам Петра, вовсе не было «счастливым». Тем не менее придворный календарь в этот юбилейный год был особенно насыщен.

Цикл торжеств в 1719 году начинается день рождения монарха. 30 мая, как сообщает «Походный журнал», «спустили корабль Исакий. И сего числа получена ведомость: взяты 3 корабля» [Журнал 1719, 129]. Спуск

корабля, названного в честь Исаакия Долмацкого, определенно готовился и заранее был специально отнесен Петром к этому дню. Труднее сказать, самому Петру или кому-то из его окружения принадлежала инициатива объявить именно в день рождения царя об успешном сражении, которое состоялось неделей ранее (24 мая).

Кроме того, день рождения царя был кануном летней кампании: на следующий день «флагманские галеры», на одной из которых находился Петр, при пушечной стрельбе вышли из Петербурга и «идучи мимо крепости Петербургской, салютовали штандарту, которой тогда на болверке был поставлен, и им також с крепости ответствовано» [Журнал 1719, 25]. Первое торжество сезона, как мы видим, является началом летней кампании.

Все лето (до 30 августа) Петр провел на флоте: обратим внимание, что на летнюю кампанию царем было выделено ровно три летних месяца. Во время летней кампании царь лично, своей рукой делал записи в одном из «Походных журналов» (первая запись относится к 9 июня, последняя — к 21 августа). Здесь отмечено только празднование трех военных побед: Полтавы, Гангута и Нарвы. По случаю тезоименитства, которое также было отпраздновано Петром во время летней кампании, запись сделана не была [Журнал 1719, 46]*. На каждый месяц летней кампании приходится, таким образом, один праздник в честь годовщины военной победы, каждая из годовщин является

* Далее мы будем обращаться к записям других «Журналов» этого года, в которых помещены более пространные, чем у Петра, описания торжеств.

юбилейной. Все три юбилея Петр решает праздновать на флоте.

О праздновании при мысе Гангут годовщины Полтавы («русского воскресенья») речь уже шла выше. Показательно, что «Ведомости» специально о праздновании Полтавы в Петербурге не пишут (из письма Екатерины Петру мы знаем только, что сама царица праздновала — «в русское воскресенье здесь были довольны» [ПРГ, 94]).

Зато в «Ведомостях» был помещен самый подробный рассказ о торжествах по случаю тезоименитства царя, которые состоялись в Петербурге. «Реляция» о торжествах тезоименитства открывается общим вступлением, из которого читатель узнает, что тезоименитство Петра «исправлялося <...> духовным и политическим ордером». К празднованию по «духовному ордеру» отнесены: «Молеbstво всенародное, всеночное неение, служба Божия, или безкровная жертвы припошение: предика, или казание. Во всех сих трудился митрополит рязанский Стефан». В проповеди находим переклички с «новогодней» речью царя. «Он, — пишет о Петре Стефан Яворский, — второй Ное явился в своем государстве» [ВПВ II, 254, 256].

Затем следует описание празднования «по ордеру политическому»: «Вышедше из церкви, радость всенародная с громкою пушечною стрельбою, пирование и транеза царская, всякое изобилие в брашнах и питиях имушая с сладкогласным неением, трубами и музыкнею». Гражданское («по политическому ордеру») торжество должно, как указывал Стефан, услаждать «все чувства» участников праздника: зрение, «ухание», «слышание», «вкушение» и осязание. Особую роль

здесь играет сам «новопрестольный град» — «место дивное сугуболичное, водным и земным позором очи на себя влекущее» [ВПВ II, 258].

Разделение торжеств «по духовному» и «по политическому ордеру» в этой статье еще раз показывает, что вопрос о самостоятельном характере гражданского праздника является актуальным для Петра и его ближайшего окружения в 1719 году: 27 июня Гавриил Бужинский рассуждал о том, почему Полтаву должно «воспомянать» ежегодно, буквально через несколько дней Стефан Яворский³⁹ в «Ведомостях» говорит о праздновании тезоименитства «по политическому ордеру».

Описание тезоименитства в «Ведомостях» было заключено рассказом о «дивном» и «сугуболичном» Петербурге, что, по всей вероятности, не случайно. Пышное празднование тезоименитства царя именно в новой столице имело место, как мы помним, уже в 1703 году, непосредственно после основания города: день святых апостолов Петра и Павла был посвящен не только монарху, но и городу, который Петр построил, по словам М. Аврамова, «во свое имя» [Быкова, Гуревич 1955, 125].

На 27 июля приходилась пятая годовщина морской победы при мысе Гангут. 26 июля 1719 года Екатерина поздравляла Петра «взавтрашним днем, то есть виктории в 714 году», когда Всевышний «оружие наше благословил, что даровал вам камарата своей в то время саржи (звания. — Е. П.) и нескольких неприятельских судов <...> а нам бы оной взавтрешней день, по отдавании ему победодавцу благодарения такне-ж получить ведомости» [ПРГ, 107—108]. Обратим внимание на то,

что исходно «новогодняя» тема теперь может быть отнесена ко всякому годовому военному празднику, не только к Полтаве: он должен принести повторение счастливого события.

Пленение царем равного по званию было, напротив, устойчивой характеристикой именно Гангута, так об этой победе Екатерина писала и ранее. В 1715 году она поздравляла царя со «взятием камарата вашего». В 1718 году высказывала просьбу — «будучи шоутбейнахтом, взяли шоутбейнахта, а ныне б по своему чину привезли к нам равночинца вице-адмирала» [ПРГ, 155, 77—78].

Петр праздновал Гангут в 1715 и 1716 годах⁴⁰ (в 1717 году, как мы помним, Петр был за границей, летом 1718 года царь был занят следствием по делу царевича Алексея). Однако торжества 1719 года, как и в случае с Полтавой, имели особый размах. «Сей день воспомянания баталии, которая была у Ангута в 1714-м году того ради для *триумфу* выведены были галеры из гавана и поставлены во флот в пол месяца. И в десятом часу съехались к нам на корабль все министры, и генералы, и флагманы и офицеры морские и обоих полков гвардии, и в 11-м часу были часы у нас на корабле, потом говорил орацию для сего дня обер-церомонах Феодорович, и потом был благодарственный молебен, и по молебне распустили все флаги и вымпелы на всех кораблях и галерах для украшения, и стреляли из пушек <...> и потом остались обежать у ЕВ один флагманы <...> и веселились изрядно» [Журнал 1719, 82—83].

«Ведомости» сообщают, что 27 июля в Петербурге царица тоже праздновала годовщину победы при

Гангуте: за «молебным пением» следовала пушечная стрельба, ассамблея в саду и фейерверк [ВПВ II, 276—277]. А 31 июля Екатерина писала Петру о прибытии в Петербург корабля «Гангут», который был «отпущен» к ней царем [ПРГ, 112], что, видимо, было частью торжеств по случаю пятой годовщины победы.

Тот факт, что Петр празднует годовщины побед на море, а Екатерина на земле, можно сопоставить с сюжетом конклюдии, гравированной в 1715 году А. Ф. Зубовым и П. Пикартом на текст Ивана Кременецкого (секретаря Меншикова). Конклюдия называлась «Пресветлому царскому Богом сопряженному союзу» (ил. 21). На первом плане конклюдии изображены Петр и Екатерина. Петр стоит на палубе корабля, вокруг которого плещутся и трубят в раковины тритоны, в руках царя Андреевский крест. На берегу, на ступенях храма, двери которого широко растворены (возможно, это храм Януса, распахнутые двери которого знаменуют войну со Швецией), стоит Екатерина за руку со св. Екатериной. Союз Петра и Екатерины («царский Богом сопряженный союз») спроецирован здесь на распространенный аллегорический сюжет «Союз Земли и Воды»: Екатерина торжествует во вновь приобретенных областях, уроженкой которых она является, Петр — на море.

За Гангутом последовала пятнадцатая годовщина Нарвы. Петр праздновал эту годовщину только в редких случаях⁴¹. Под 9 августа 1719 года «Походный журнал» сообщает: «Праздник воспоминания Нарвского взятия. По отпении литургии, был молебен благодарный и казание; потом приехали на корабль ЕЦВ фллагманы, и генералы и министры, и распушены были все

21. А. Ф. Зубов, П. Пикарт.
Конклюдия «Пресветлому царскому Богом
сопряженному союзу». 1715

флаги и вымпелы на всех кораблях для украшения; потом с нашего корабля палили из 15-ти пушек, потом со всех кораблей и с батарей один раз, и потом оные у ЕЦВ на корабле обедали и разъехались» [Журнал 1719, 93—94]. «Ведомости» об этом празднике не сообщают.

Все летние годовщины (Полтава, Гангут и Нарва) праздновались во флоте по более или менее стандартному сценарию: после молебна и проповеди флот распускал «все флаги и вымпелы» для украшения, потом начиналась праздничная пальба из пушек, заканчивалась торжества обедом, за которым «изрядно веселились».

Конец кампании 1719 года был ознаменован торжественным входом Петра в новую столицу 30 августа: «По утру в 10-м часу ЕЦВ из Катеринофа с галерами прибыл к Питербургу: наперед шел господин адмирал со своею галерою, за ним ЕЦВ со своею галерою, имея свой вице-адмиральский флаг <...> и когда шли мимо крепостей Адмиралтейской и Питербургской, тогда оным флагманам палили и от них також ответствовали. И пришед, стали на якорь против церкви; потом, приехав на берег, слушали обедню и по обедне было молебное пение Богу с благодарением за все дела, которые в сей компании учинены» [Журнал 1719, 96]. О торжественном входе Петра в Петербург 30 августа сообщают и «Ведомости», добавляя, что галеры Петра и Апраксина «во весь день стояли на Неве реке на якорях, против пристани убраны разных цветов флагами, а ночью были на них разные люминанции». Праздники продолжались более недели [ВРВ II, 311—312, 324].

Мы видим, что не только придворный быт, с его разделением на «петербургский» (центр которого со-

ставляет царя) и «походный» (который строится вокруг Петра), но и сама военная кампания 1719 года выстроена Петром по заранее предусмотренному плану и крайне «церемониальна».

Между тем торжества 1719 года продолжались. 28 сентября Петр празднует «день Левенгауптской баталии, что была под Лесным». После молебна «стреляли со всего города из пушек». На этот раз обедали в «галерее в слововой алее», а напротив был поставлен «пиведкой» фрегат, украшенный флагами, с которого палили, «когда про здоровье пили». Вечером был сожжен фейерверк, «а фигура была: статуя человеческая в латах, на тумбе, в одной руке держава, а другою оперлась на якорь, с подписью: „Милость Божия с нами“» [Журнал 1719, 104].

В начале октября Петр отправляется в Шлиссельбург. «Походный журнал» сообщает, что 10 октября Петр «был в городе у всенощного пения», а 11-го праздновали годовщину взятия «Шлюссенбурга»: «Все были у обедни, и была процессия хождением кругом всего города по стенам». За «хождением» последовала проповедь, «потом обедали в казармах все и ходили по всем болваркам, и веселились и стреляли из пушек» [Журнал 1719, 105].

Хождение по стенам города в XVII веке было частью ежегодных торжеств, посвященных освобождению Москвы в 1612 году. «22 октября, — пишет И. И. Забелин, — государь сопровождал крестный ход, установленный в память избавления Москвы от польского плена в 1612 г. помощью и молитвами преч. Богородицы иконы Казанския <...> После литургии этот крестный ход, разделившись на части, следовал

также и вокруг по стенам трех городов Москвы, вокруг Кремля, Китай и Белого города. <...> Такое хождение святыни по городам продолжалось около трех часов. Кроме Московской святыни, т. е. богородичных икон Московской, Петровской, что писал св. Петр митрополит, и Моления о народе, в этих крестных ходах носимы были мощи, по Кремлю рука апостола Андрея и по Китаю глава Иоанна Златоуста» [Забелин, 384—385].

В 1703 году Петр дважды обращается к ритуалу обхода города: сначала в пародийном ключе, потом вполне серьезно. 3 февраля 1703 года Петр пишет Меншикову о своем посещении крепости «Ораненбург» (эта небольшая крепость была построена Меншиковым на пожалованных ему землях недалеко от Рязани). «Мы по слову вашему. — читаем в письме царя, — здесь, слава Богу, веселились довольно, не оставя ни единого места. Город <...> именовали купно с башнями и воротами, о чем послан и чертеж при сем письме. А при благословении пили на 1 вино, на 2 сек, на 3 репское, на 4 пиво, на 5 мед, у ворот репское, о чем довольнее донесет доноситель сего письма» [ПБПВ II, № 489]. «Башни» были наименованы «Видение», «Слышание», «Обоняние», «Вкусение», «Осязание», ворота получили название «Московских», «Воронежских» и «Шлиссельбургских».

В том же 1703 году «Октября 1-го, то есть в день Покрова Богородицы, ЦВ во оную Санкт-Петербургскую крепость изволил иметь торжественный вход, и было освящение града Санкт-Петербурга и хождение с животворящими крестами по стене града и крошение святою водою» [Беспятых 1991, 260].

Говорить о точном значении, которое Петр придавал ритуалу обхода стен Шлиссельбурга, на основании сохранившихся свидетельств довольно трудно. Здесь могли играть роль, по крайней мере, два ряда ассоциаций. Во-первых, этот ритуал мог иметь семантику «крещения города» (как в случае с «Ораненбургом»): мы не знаем, имели ли место какие-либо специальные ритуалы, когда Нотебург был переименован в Шлиссельбург (если они были, то именно такой церемониал мог стать формой годового воспоминания этой победы). Во-вторых, описанный ритуал мог подчеркивать, что взятие Шлиссельбурга выступает в значении первой победы, начала «счастья», как освобождение от поляков в 1612 году привело к утверждению новой династии. Для нашей темы важнее, что Петр в 1719 году активно ищет новые ритуальные формы годового гражданского торжества⁴².

«Ведомости» кратко сообщали об отъезде Петра в Шлиссельбург и предстоящих торжествах годовщины взятия крепости [ВПВ II, 339]. Значительно подробнее здесь были освещены события 12 октября (Петр в столицу еще не вернулся). «Здесь в церкви святыя Троицы, — читаем в «Ведомостях», — отпраздновалось торжество рождения великого князя Петра Алексеевича, которому исполнилось от рождения 4 года. По том в 4 часу по полудни в новопостроенных Галереях была великая ассамблея, и весь день даже до полуночи была пушечная стрельба, и иллюминации, и шведский фрегат на реке был убран разными флагами, которое все отпраздновано было указом ЕВ государыни царицы Екатерины Алексеевны». Царица на торжествах «изволила присутствовать своею особою» [ВПВ II, 339]. Во время ассамблеи

«юный князь вошел в бальную залу с двенадцатью гренадерами, остановил танцы и произвел учение своим солдатам» [ДФП 1884, 62—63]⁴³.

Вслед за Шлиссельбургом и днем рождения Петра Алексеевича 18 октября 1719 года «праздновали Калишской баталии; после обедни стреляли из пушек с города и обедали у светлейшего князя; потом была экзерция на буерах» [Журнал 1719, 107]. Петр лично не участвовал в Калишской баталии; обычно годовщину Калиша он не отмечал, а отмечал ее Меншиков, которому принадлежала честь этой победы. В своих письмах царю время от времени Меншиков напоминал об этом событии. Упоминание годовщины Калиша находим в «Походном журнале» за 1714 год: «ЕВ был у Головкина, и кушал у князя <...> нынешнее число баталия Калишская» [Журнал 1714, 137]. Включение Калиша в круг побед, праздновавшихся в 1719 году, говорит о стремлении царя максимально расширить список «викториальных» дней.

За Калишем следовало тезоименитство Екатерины 24 ноября: «Во вторник, согласно обычаю, праздновали день св. Екатерины, именины Ея Величества Царицы» [ДФП 1884, 66]. Именины Екатерины публично праздновались, по крайней мере, с 1713 года, когда в «Походном журнале» была сделана запись: «Было тезоименитство Государыни <...> кушали в Доме ЦВ и веселились довольно. И во всем Петербурге у всех хором в окнах горели свечи, також перед каждым воротами были огни во всю ночь» [Журнал 1713, 51—52]. Но, скорее всего, первое публичное празднование имело место уже в 1712 году (бракосочетание Петра и Екатерины состоялось 9 февраля 1712 г.). В зависи-

мости от обстоятельств эта дата праздновалась более или менее торжественно.

30 ноября Петр ежегодно праздновал день св. апостола Андрея Первозванного и «торжество кавалеров российских»: в этот день царь навещал кавалеров ордена. Так, например, в 1712 году 30 ноября царь находился в Темплине, где встречался с Августом. Во время банкета «их величества разменялись своими кавалериями», а потом «гуляли по всем кавалерам» [Журнал 1712, 46, 66]. В 1719 же году под 30 ноября находим лишь запись «Нева стала в 9-м часу по утру» [Журнал 1719, 123]: видимо, и сам царь, и его приближенные устали от бесконечной череды праздников, и этот день уже специально не отмечался.

Заметим здесь же, что после годовщины Шлиссельбурга и дня рождения внука Петра, известия о событиях в Петербурге перестают появляться в «Ведомостях» (коротко сообщается лишь, что 15 ноября спущен корабль «Сокол» [ВГВ II, 355]). К концу года, таким образом, торжества этого юбилейного года постепенно сходят на нет.

В 1719 году появляется, как мы видим, новое для официальной культуры явление: в «Ведомости» регулярно вносятся не только военные реляции и дипломатические известия, но и подробные отчеты о придворных праздниках.

Наряду с такими отчетами в 1719 году в «Ведомостях» появляется и ряд любопытных публикаций иного рода. Так, 25 августа здесь было напечатано пространное рассуждение, которое рассказывало о процветании страны в целом. «По повелительным от ЕЦВ указом, — начинается эта публикация, — здесь всякие вновь про-

изведенные дела благополучно обращаются. А именно. В государстве обретающиеся металлы и минералы *весьма изрядно выходят*, и уже многие богатые руды явились, чего ради и чужестранных рудоконных мастеров призывать указано, и из русской нации к тому понятнейших выбирают». Далее сообщается о расширении производства шерстяных и шелковых материй, селитры, пороха, чулок, лент, пушек, ружей и пистолетов, а также о вовлечении в процесс мануфактурного производства все большего количества «русских людей» [ВПВ II, 303—304]. «По указу» царя, как мы видим, «обращаются» не только мануфактуры: приходят в движение, «выходят» металлы и минералы, «богатые руды» — «являются». Создается впечатление, что не только подданные Петра, но и «натура» трудится на благо государства.

Сходная тенденция видна в сообщениях «Ведомостей» и ранее, в июльских и августовских публикациях. Так, например, «Ведомости» сообщали: «И здешние всенародной пользы дела, по начинанию ЕЦВ в отправлениях не косят, и <...> здешние министры прилежное старание имеют» [ВПВ II, 265]; «мудрые ЕЦВ *самонерсонные неусыпные управления*, и прилежание верных его рабов, исполняющих повеления его» ведут «к пользе всего государства» [ВПВ II, 273].

В отсутствие царя все дела в Петербурге «совершаются» по указам царицы. В сообщении от 20 июля, после реляции об успешных военных действиях, «Ведомости» пишут: «ЕВ государыня царица *изволила объявить высоким своим указом* Стефану митрополиту Рязанскому и Муромскому, чтоб во всех церквях Богу молились, о счастливом окончании сея кампании» [ВПВ II, 270, 273].

В панегриках Петровской эпохи царя принято было изображать «делателем», активным участником каждого задуманного проекта. В «Ведомостях» лета — осени 1719 года Петр является в совсем ином качестве: он издает указы. Более того, Петр издает указы и осуществляет свое «самонерсонное неусыпное управление» из-за пределов пространства, которое «Ведомости» определяют как «здесь», в новой столице («здесь в церкви Святыя Троицы отправление...»).

Важно подчеркнуть и другое. Как мы уже видели, летом и осенью 1719 года «Ведомости» сообщают не только о перемещениях царя и торжествах, в которых тот участвует, но и о том, как было отпраздновано то или иное событие в отсутствие Петра: официальный, в том числе и связанный с отпразднованием государственных торжеств, быт получает самостоятельный, не зависящий от присутствия или отсутствия монарха характер (также, как и течение всех остальных дел).

Мы помним, что регулярно в отсутствие Петра праздновалось тезоименитство (причем по указу того, кто представлял Петра в его отсутствие — им мог быть князь-кесарь или царевич Алексей). Тезоименитство оказывается центральным петербургским праздником и, как мы видели, предметом самого подробного описания в «Ведомостях» и в 1719 году, своеобразной моделью, на основании которой строится торжество в отсутствие царя.

Как следствие новых тенденций, «Ведомости» сообщают теперь о перемещениях и местопребывании других лиц царской семьи. «ЕВ Государыня наша царица Екатерина Алексеевна, — читаем, например, в «Ведомостях», — по отбытии ЕВ отсюда, здесь рези-

денцию иметь изволит; «на сих днях государыня царица изволила идти в собственные ЕВ мызы в Стрельну и Питергоф, где полатные, садовые, канальные, и фонтанные строения отправляются» [ВПВ II, 265, 281]. Сообщается даже о поездке к «Марциальным водам» царицы Прасковьи: «В 30 день июня, царица Параскевия Федоровна отсюда путь восприять изволила к новообретенным Марциальным олонецким водам» [ВПВ II, 261]⁴⁴.

Самостоятельный характер придворного быта можно заметить и по тому, что в последующие годы царь стремится с помощью ряда документов установить распорядок этого быта. Ранее ритм торжеств определялся обстоятельствами военного времени, перемещениями царя, его настроением. Изменение обстоятельств, в свою очередь, оказывало влияние на роль и значение той или иной победы в глазах царя. После 1719 года начинает складываться существующий «по указам» царя самостоятельный цикл годовых придворных торжеств.

Официальный календарь в 1720—1721 годах

В 1720—1721 годах официальный календарь продолжает меняться, но Петр по-прежнему стремится построить именно целостный цикл годовых торжеств.

В 1720 году список военных торжеств был несколько сокращен («Походный журнал» ничего не говорит о праздновании годовщины Лесного и Калинина). Зато целый ряд торжеств сопровождался фейерверками (в 1719 г., как мы видели, Петр отменил фейерверком только годовщину Лесного; не сохранилось и гравиро-

ванных изображений фейерверков этого года). В 1720 году были сожжены фейерверки на Новый год, день рождения Петра, Полтаву (ил. 22), тезоименитство царя (ил. 23) и на новую победу при Гренгаме (ил. 24, 25) [Ровинский, 190—191].

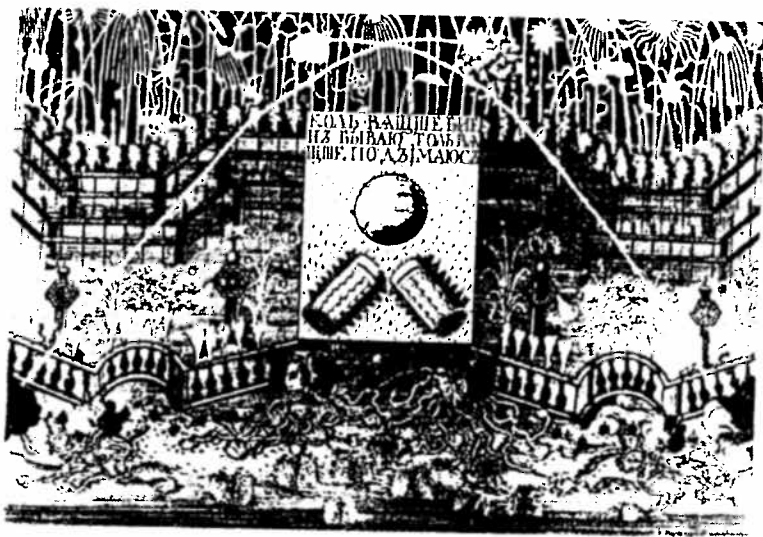
Не останавливаясь в подробностях на торжествах этого года, подчеркнем несколько важных для нашего рассуждения деталей.

В записи о дне рождения Петра составитель «Походного журнала» указывает, что царю «пошел 50-й год» [Журнал 1720, 21]. Между тем дата рождения Петра хорошо известна: он родился 30 мая 1672 года,

22. Фейерверк 27 июня 1720 г. в Петербурге, в день годовщины Полтавской победы

в 1720 году ему исполнилось 48, а не 49 лет (соответственно, «пошел» не 50-й, а 49-й год). Однако приведенная запись не является простой опиской. Через год, 30 мая 1721 года, в «Походный журнал» будет внесено: «Минуло от рождения ЕВ 50-т лет» [Журнал 1721, 44]. Составитель журнала не был единственным, кто полагал, что в 1721 году царю исполнилось не 49, а 50 лет. Берхгольц на пути в Петербург остановился в Ревеле и 30 мая 1721 года оказался в числе приглашенных на обед к князю Репнину по случаю дня рождения царя. «Праздновали день рождения царя, — записал Берхгольц, — которому пошел 51-й год» [Берхгольц I,

23. А. И. Ростовцев. Фейерверк 29 июня 1720 г. в Петербурге, в день тезоименитства Петра I

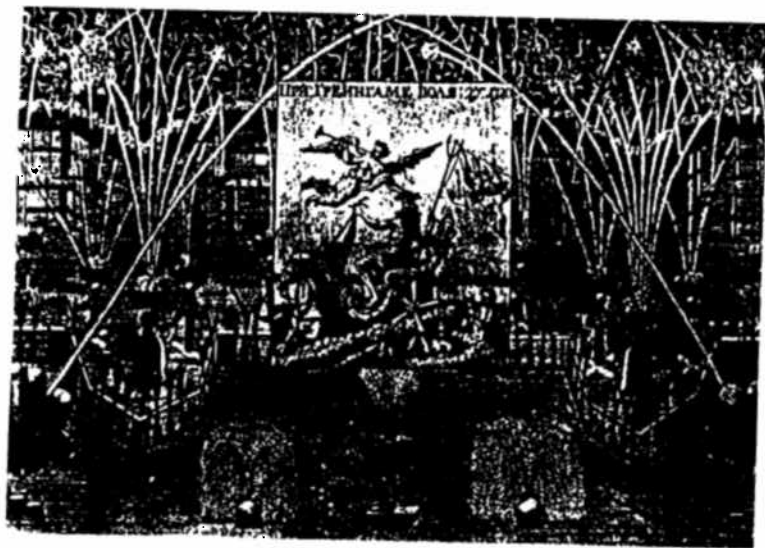
26]. Этим, однако, не исчерпываются разночтения. В том же 1721 году французский посланник в Петербурге записал, обесчтываясь в противоположную сторону: «Отпраздновали, по обычаю, день рождения царя, которому исполнилось 48 лет от роду» [ДФП 1884, 249].

Одно из возможных объяснений неясности, которая существовала в отношении возраста царя, может заклю-

24. Декорации праздника и фейерверк 20 сентября 1720 г. в Петербурге по случаю победы при Гренгаме

чатся в том, что день рождения для Петра, как и тезоименитство, был важен только как календарный рубеж (т. е. важно было, что он приходится на 30 мая, день памяти св. Исаакия Далмацкого). В отличие от военных побед, за счет годовщин которых Петр следил и юбилей которых праздновал всегда особо, свое рождение он не рассматривал как «годовщину»: для него тот факт, что ему исполнилось в этот день, например, 50 лет, не был значим. Показательно, что 50-я годовщина царя не праздновалась каким-либо особым образом ни в 1721, ни в 1722 годах. День рождения для Петра по смыслу своему был «вторым тезоименитством».

25. Фейерверк 20 сентября 1720 г. на Троицкой площади в Петербурге в честь победы при Гренгаме

«Походный журнал» 1720 года упоминает о коронации царя 25 июня, хотя специальных торжеств по этому поводу также не было: «ЕВ сей день коронования, прошло 38-м лет; ЕВ был на погребении князя Якова Долгорукова» [Журнал 1720, 25].

Наконец, появляется упоминание тезоименитства Елизаветы Петровны: «Были на Почтовом дворе министры у царевны Елисавет Петровны» [Журнал 1720, 36]. Приведенные сообщения прямо ведут к тем изменениям, которые Петр внесет в придворный календарь в 1721 году.

Отметим и тот факт, что празднование Полтавы в 1720 году Петр опять перенес за пределы Петербурга. «Приехал, — пишет Петр Екатерине 26 июня, — к Красной горке, где нанеи пану эскадру под парусами с господином адмиралом, и *взяв завтрашний праздник здесь*, которым вас поздравляем, будем отдавать корабли день или другой» [ПРГ, 128]. То есть Петр не просто волею военных обстоятельств оказался в этот день за пределами столицы, он специально выехал к флоту, чтобы «брать» здесь годовщину Полтавы.

В следующем 1721 году Петр делает еще один шаг к уточнению списка викториальных дней: «Походный журнал» не зафиксировал торжеств по случаю годовщины Нарвы, празднуются Полтава, Гангут — Гренгам, Шлиссельбург и, в отличие от предыдущего года, Лесная («Левеншаунская баталия») [Журнал 1721, 50, 53, 75; Берхгольц I, 181].

В 1721 году Петр определенно ставит задачу построить систему царских праздников. 19 февраля 1721 года публично была отпразднована годовщина

бракосочетания Петра и Екатерины. Праздник прошел «с большой торжественностью» и закончился «великолепным фейерверком» [Марлефельд, 182; ДФП 1884, 163].

Новый статус в 1721 году получает день коронавания царя, празднование которого было введено именным указом царя от 16 мая. «По ЕЦВ указу и по приказу того Синода, — читаем в нем, — повелено: во всем Российском государстве *день коронавания ЕЦВ, а именно июня 25 числа, торжествовать молебным ко всеблагому Богу пением, равно как торжествуется день ЕВ рождения, и день Его же Величества тезоименитства*. <...> О том для действия и для ведома во все коллегии, губернии и провинции послать указы» [ПСЗРИ VI, № 3783].

Как мы помним, первый календарь (на 1709 г.) был напечатан осенью 1708 года. В начале 1709 года появилась допечатка этого календаря, но с серьезными изменениями и дополнениями. В числе дополнений появилась хронологическая таблица. В нее были внесены важнейшие события в истории человечества от Сотворения мира и Ноева потопа до изобретения пороха и книгопечатания. Для каждого события указывалась временная дистанция до 1709 года. Среди этих событий было помещено и начало правления Петра. Уже в календаре на 1710 год в хронологическую таблицу были внесены изменения: здесь появляются графы «от зачатия флота российского» и «от Полтавской виктории», а начало правления Петра заменено «*коронаванием ЕЦВ*».

Такая замена «начала правления» на «коронавание» может быть истолкована двояко. С одной сторо-

ны, она может быть свидетельством того, что именно ритуал священного помазания на царство, а не процедура избрания наследника престола представлялся Петру нехотимым моментом его царствования. С другой стороны, внесенное уточнение могло иметь чисто политические причины. Петр был избран наследником Федора Алексеевича как единоличным правителем, но после начала стрелецких возмущений коронован вместе с братом Иваном Алексеевичем. Выдвижение на первый план «начала правления» в ущерб «коронаванию» могло быть воспринято как акция, направленная против семьи царя Ивана. В любом случае именно в 1710 году коронавание замещает в календаре начало царствования Петра.

Коронация, таким образом, получает тот же статус, что день рождения и тезоименитство царя, только с 1721 года. С этого момента она празднуется регулярно⁴⁵. Но день коронации имел для Петра особое значение и ранее. Именно в этот день Петр обнародовал одно из важнейших решений своего царствования: в 1718 году состоялось «Объявление розыскного дела и суда, по указу ЕЦВ на царевича Алексея Петровича <...> для известия всенародного. *Сего июня в 25 день 1718 выданное*». Это не было простым совпадением: 22 июня царь потребовал от царевича Алексея Петровича «общего признания в своих винах, почему он оказывал непослушание». На 24 июня был назначен суд над царевичем и был вынесен смертный приговор [Пикарский 1862, II, 423]. Видимо, именно день коронации был связан для Петра с правом вынесения любого решения, когда его царская власть достигает своего апогея: каким бы ни было решение суда, Петр

планировал «апробировать» и огласить его именно 25 июня.

По традиции в 1721 году «весьма блестяще» [ДФП 1884, 378], с танцами «до двух часов ночи» [Лефорт, 339] праздновалось тезоименитство Екатерины. Кроме того, «Походный журнал» Петра зафиксировал, как и в 1720 году, празднование тезоименитства Елизаветы Петровны [Журнал 1721, 59]⁴⁶ и дня рождения великого князя Петра Алексеевича [Журнал 1721, 75]; праздновался и день рождения Натальи Петровны, младшей дочери Петра [Берхгольц I, 151]. По-видимому, в 1721 году публично отмечалось и тезоименитство Анны Петровны.

В 1721 году, таким образом, Петр по-прежнему с большим вниманием относится к официальному календарю. Он видит его на этом этапе как соединение царских и викториальных дней. Празднование царских дней должно было, по мысли царя, отражать иерархию членов царской семьи: рождение, коронация и тезоименитство царя, тезоименитство царицы, день бракосочетания, тезоименитство старших царевен и, наконец, дни рождения младшей царевны и внука Петра. Викториальные дни фиксируют на этом этапе годовщину Полтавы, Гангута — Гренгама и Шлиссельбурга (о Лесном, как мы видели, судить сложнее). Праздновался также Новый год и кавалерский день.

С введением коронации июньские торжества (коронование — Полтава — тезоименитства) определенно получают значение главного праздничного «сезона» в годовом календарном цикле.

Торжества Ништадтского мира

30 августа 1721 года был заключен Ништадтский мир. Перед царем теперь стояла задача сначала организовать празднование мира, а затем найти место и формы для годового воспоминания этого важного события.

Известие о заключении мира Петр получает 4 сентября [Журнал 1721, 58]. В «Ведомостях» от 1 октября 1721 года было помещено распоряжение о праздновании мира. Петр указывал: «Богу <...> благодарение» отправлять «в разные времена *трикратно*». «Первые, в самый той день, в который сно нашу великого государя, грамоту получите, и с того получения во знак толь преславной *государственной радости*, по молебном пении седмодневно обычный при церквах звон, как от дня св. Пасхи во всю светлую седмицу бывает. Второе — октября 22-го. Третие — в предбудущем 1722 г. января 28 с таким же седмодневым звоном». Русским воскресеньем, которое празднуется как Пасха, становится теперь для Петра не Полтава, а заключение мира.

Трехкратность торжеств объясняет Феофан Прокопович в «Слове», прочитанном 28 января 1722 года. «Понеже мимошедшая война продолжилась чрез трилетные седмицы», то есть 21 год, то, «лета вместо дней исчисляя», следует и праздновать 21 день (трижды по семь дней⁴⁷) [Папегирическая литература, 265]. Все три этапа торжеств были ознаменованы маскарадом.

Первый маскарад был назначен на 10 сентября. Подготовка к нему началась всего за четыре дня, и Петр, который принимал в ней самое непосред-

венное участие, на ходу составлял его план. 6 сентября участники маскарада собрались у Менинкова, где получили от Петра указания «обо всем нужном для назначенного маскарада»; 8-го «лица, назначенные участвовать в маскараде <...> расставляемы так, как потом им следовало идти в процессии»; 9-го иностранные посланники «ездили на лодках по каналам, чтобы приучиться грести» [Берхгольц I, 167—168]. Научить иностранных посланников грести в один день, видимо, не удалось, и Петр отказался от первоначального плана.

«Сюжетом» маскарада была шутовская свадьба князь-папы. После бракосочетания маски выстроились на площади перед Троицкой церковью, где еще стояла деревянная пирамида, построенная в 1720 году в честь взятия четырех фрегатов при Гренгаме (ил. 26)⁴⁸. «Царь, как было условлено наперед, ударил в барабан», и все маски (а в маскараде участвовало около тысячи человек) сбросили плащи «и начали медленно ходить по большой площади процессией, по порядку номеров, и гуляли таким образом часа два». После маскарада был банкет, а вечером «молодых» отвели к «брачному ложу», которое находилось в пирамиде на площади [Берхгольц I, 169—170, 174]. Маскарад, как и было запланировано, продолжался неделю.

Второй этап торжеств Петр отнес к 22 октября — празднику Казанской иконы Божией Матери и избавления Москвы от поляков в 1612 году. Присоединение Ингрии Петр сам, как мы помним, рассматривал именно как возвращение земель, утраченных во время Смутного времени. Назначая второй этап торжеств на

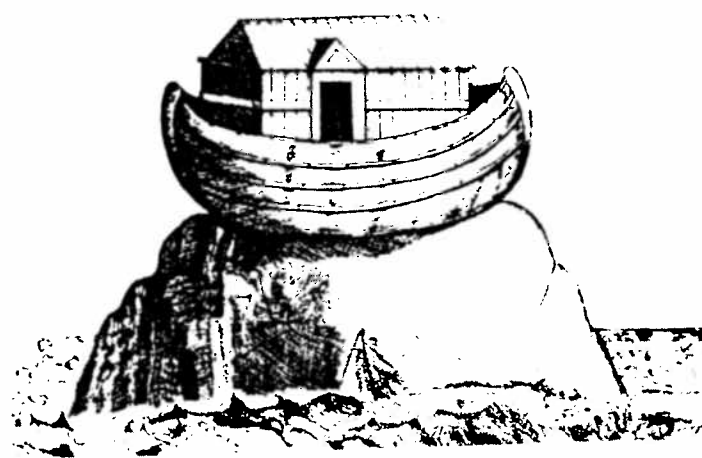
26. А. Ф. Зубов. Обелиск, построенный на Троицкой площади в Санкт-Петербурге по случаю празднования победы при Гренгаме. 1720

22 октября, царь подчеркивал, что заканчивает дело, которому посвятили себя все Романовы: он с лихвой вернул все территории, утраченные в годы Смуты. Тогда же Петр был провозглашен императором (к речам, произнесенным во время поднесения титула, мы еще вернемся).

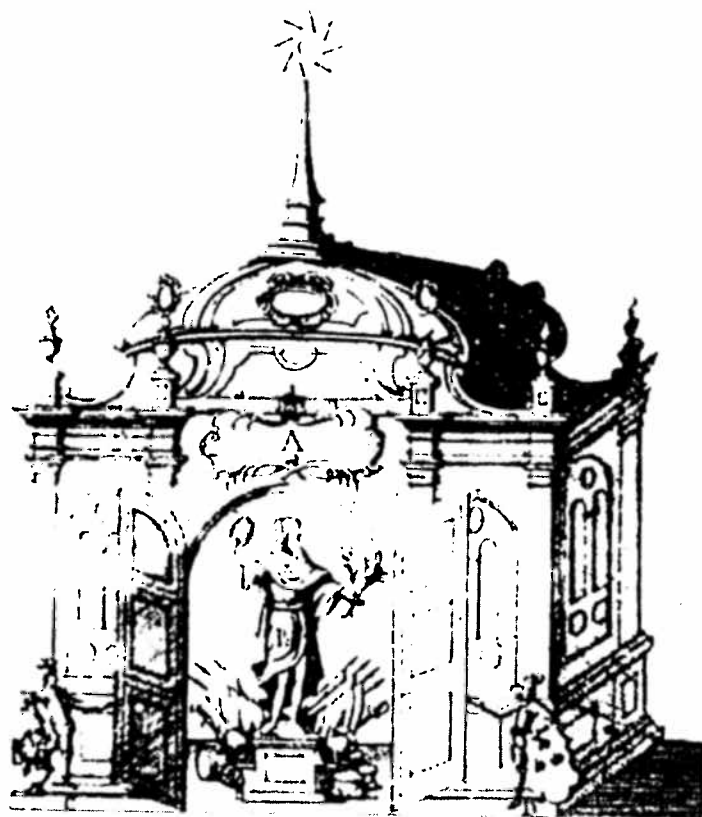
22 октября, после литургии и церемонии поднесения императорского титула, был праздничный обед, бал и фейерверк (два гигантских коронованных рыцаря сошлись, затворили двери храма Януса и подали руки друг другу)⁴⁹ (ил. 27). Маскарад начался 24 октября и «ходили не иначе как в масках» до 30-го [Берхгольц I, 203—204].

Празднование мира в Москве было назначено на 28 января, первый день Масленицы.

Однако по традиции, сложившейся уже в начале войны со Швецией, важным этапом празднования стал торжественный вход Петра в Москву 18 декабря. Еще 26 сентября 1721 года (т. е. до распоряжений о трехкратном праздновании мира) Петр издает специальный указ о построении триумфальных ворот в старой столице. «Великий государь, — читаем в нем, — указал: для пришествия своего построить на Москве на Тверской, в Китае и на Мясницкой улицах триумфальных трон ворота <...> Рисунки тем всем воротам и проблем, какие где пристойно, сочинить в духовном Синоде» [ПСЗРИ VI, № 3830]. Как мы видим, украшение ворот теперь контролирует Синод, хотя ворота по-прежнему имеют «корпоративный» характер: одни ворота должны были быть построены на доходы Синода, вторые — на деньги «именитых человек» Строгановых, третьи — купечества. Уже 20 декабря, за неделю до

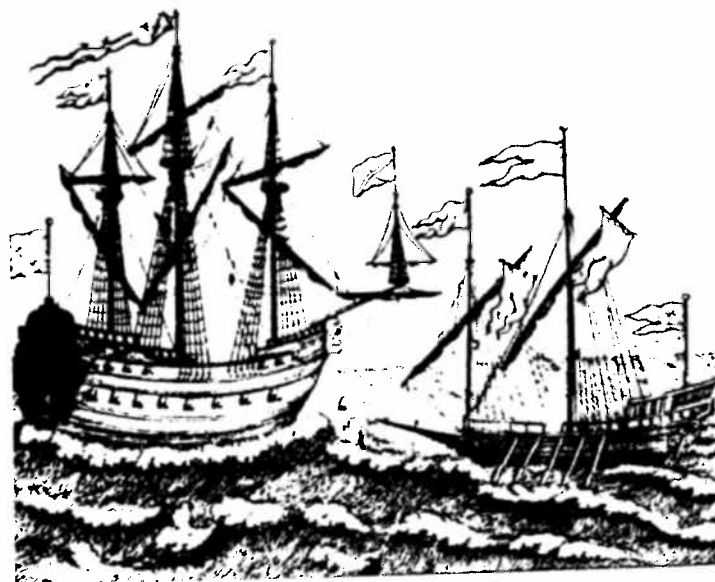

27. И. Ф. Зубов. Транспаранты фейерверка 28 января 1722 г. по случаю Нингальдского мира. Меркурий и Ноев ковчег

Храм Януса

ОТЪ ^I СЕГО
 СИМЪ ^{II} ТОКМО

Корабль и галера

входа, в Москве было напечатано описание ворот («Врата триумфальные в царствующем граде Москве на вход <...> императора всероссийского, отца отечества Петра Великого с торжеством оконченной войны»). Из описания узнаем, что ворота в результате были построены «нуждливением» Строгановых, Синода и магистрата, кроме того, на деньги Меншикова были возведены ворота «собственные».

28 января маски еще не надевали. После праздничного обеда Петр раздавал золотые медали, сделанные из русского золота. На одной стороне медали были представлены Петербург и Стокгольм, соединенные радугой, а под ней среди бурного моря Ноев ковчег, к которому летит голубь с масличной веткой. Надпись гласила: «Союзом мира связуемы» и «в Нейстате по потопе Северной войны, 1721». На другой стороне было указано: «<...> Петру I именем и делами великому российскому императору и отцу по *двадцатолетних триумфов* север умирившему <...>» [Памятники русской культуры, № 1029]. Показательно, что война представлена здесь двадцатилетней: первый год поражения как будто забыт (мы помним, Феофан Прокопович, толкуя указ царя, писал о войне, длившейся именно 21 год).

Такой же смысл (стремление выделить победный период в войне) имел и еще один ритуал — ритуал совершеннолетия Елизаветы Петровны. «Средняя императорская принцесса Елисавета, — пишет Берхгольц, — была объявлена совершеннолетнею, что происходило таким образом: император, взяв ее за руку, вывел из покоя императрицы в смежную комнату <...> здесь поднесли ему пожницы, и он <...> отрезал кры-

лышки, которые принцесса носила до тех пор сзади на платье» [Берхгольц II, 62]. Как мы помним, торжественный въезд в Москву в честь полтавской победы в 1709 году был назначен на субботу 18 декабря, но был отложен, поскольку Петр получил известие о рождении дочери. «Были устроены трехдневные торжества при дворе и для народа 18—20 декабря, а торжественный въезд состоялся во вторник 21 декабря» [ПБПВ IX, 1380]. Объявление Елизаветы совершеннолетней, таким образом, вводит новый хронологический рубеж: заключение мира отсчитывается от Полтавской победы.

Кроме того, Берхгольц указывает на еще одно «совпадение». «Замечательно, — пишет он, — что рождение старшей императорской принцессы (которое собственно было накануне, но праздновалось в этот день) пришлось во время празднования мира вместе с тезоименитством нашего герцога, т. е. в Карлов день, который как по новому, так и по старому стилю считается 28-го января, и что именно в этот день его высочество удостоился получить голубую ленту» [Берхгольц II, 64]. То, что Петр объединяет день рождения Анны Петровны и тезоименитство герцога Голштинского, по-видимому, должно было демонстрировать матримонные планы царя. Но для нас значительно важнее другое: Петр назначает последний срок мирных торжеств на «Карлов день», можно не сомневаться, что такая дата была выбрана Петром в память Карла XII.

Первый день мирных торжеств в январе 1722 года закончился фейерверком, который точно копировал петербургский.

Маскарад должен был начаться уже 29-го, но был отложен до 30-го из-за простуды императрицы. На этот раз маскарад проходил в форме катаний: сани были декорированы под лодки. Во время торжественного въезда маскарада в Москву 31 января во главе поезда ехал князь-папа с Бахусом и свитой кардиналов (последние — верхом на волах), затем упряжка нестрых свинок, Нептун в санях, сделанных в виде раковины, гондола с аббатисой и монахинями, гондола с Меншиковым в костюме аббата, барки с испанками, князь-кесарь в горностаевой мантии, окруженный чучелами медведей⁵⁰, и т. д. Последним следовал большой корабль императора. «Сам император командовал им <...> имея при себе 8 или 9 маленьких мальчиков в одинаковых боцманских костюмах и одного роста <...> он делал однакож со своими маленькими ловкими боцманами на сухом пути все маневры, возможные только на море» [Берхгольц II, 71].

После въезда в Москву маски гуляли по Кремлю и как будто случайно, по словам Лефорта, нашли «посреди этого места маленькую четырех-весельную шлюпку, помещенную на пьедестале. Это была модель первой шлюпки в России, сделанной в царствование Ивана Васильевича» [Лефорт, 342—344]. Лефорт в этом сообщении не точен: это был «брантов утлый бот», о демонстрации которого в Москве и перенесении в Петербург речь шла выше.

Вместе с масленицей закончились и мирные торжества.

Простота сюжетов и эмблем, которые были использованы для фейерверка, памятной медали и «триумфальных» изданий, отсутствие «политических» тем при

организации маскарадов, а также разноречивой в определении границ «триумфального» периода войны — все свидетельствует о том, что на этом этапе оценка самого заключения мира у Петра еще не сложилась.

В последующие годы Петр с большим вниманием относится к организации годовых празднеств в честь Ништадтского мира. В 1722 году Петр находится в походе и годовщину мира не празднует [Журнал 1722, 75]. Но в 1723 году в «Журнале» за август читаем: «30-го. Сей день празднуют о учиненном мире в 1721-м году с короною Шведскою и ходят в маскараде» [Журнал 1723, 36]. Слова «сей день празднуют» и «ходят» указывают на то, что Петр рассматривает маскарад как постоянную форму годового воспоминания мира⁵¹.

Маскарад, как и в 1721 году, продолжался семь дней, с 30 августа по 6 сентября (4 сентября был, насколько можно судить по сохранившимся описаниям, сделан перерыв). Торжества были организованы по тому же принципу, что и строительство триумфальных ворот: в каждый день маскарада в качестве хозяина выступали разные лица. В первый день гостей принимал глава Адмиралтейства Головин, во второй — сам царь, затем адмирал Апраксин, канцлер Головкин, петербургский губернатор Меншиков и царица. В последний день маски обошли весь город. Петру по-прежнему было важно, что празднование организовано не правительством вообще, а главами разных ведомств, которые должны были представлять разные категории подданных царя.

Первый день завершал торжества, посвященные перенесению ботика: маски заняли по плану свои места

на баржах и шлюпках, а Петр в матросском костюме сам управлял ботиком. «Сопровождаемый флотилией, — пишет французский посланник Кампредон, — он отвел его на парусах в крепость, где и поместили ботик, при громе салютов крепостной и адмиралтейской артиллерии»⁵².

Маскарады 31 августа — 3 сентября мало отличались один от другого. 2 сентября у Головина, например, «царь забавлялся тем, что ходил с музыкой за полотняным солнцем, каковым наряжен был человек, лицо коего, просунутое в отверстие по самой середине солнца, изображало лицо этого светила». Прием Меншикова поразил гостей обилием угощения и изяществом убранства, а сам хозяин «нарядился в ситовый залитый бриллиантами костюм и цепь ордена слона». Прямо во время празднования в дом Меншикова прибыл курьер с известием о взятии Баку. «Царь, — указывает Кампредон, — показал нам план атаки <...> рассказал, что взятие этого города делает его властелином всего Каспийского моря».

Кульминацией торжеств стало 5 сентября, на которое приходилось тезоименитство Елизаветы Петровны. Торжества начались спуском яхты «Елизавета», затем гости последовали в сад царницы, перед которым вечером был сожжен фейерверк, посвященный взятию Баку. В целом изумление вызвал тот факт, что фейерверк был подготовлен только за два дня (возможно, 4 сентября было объявлено днем отдыха именно потому, что Петр занимался устройством фейерверка). Фейерверк «изображал город и бомбардировку Баку и был превосходно исполнен» [ДФП 1885, 381—385].

В 1724 году на 30 августа Петр назначил перенесение мощей св. Александра Невского. Указ о перенесении мощей датирован 29 мая 1723 года. Мощи хранились во Владимирском Рождественском монастыре, из Владимира в Шлиссельбург они были перевезены к 1 октября 1723 года. Для встречи мощей 30 августа был разработан особый церемониал. «У Александро-Невского монастыря корабельная флотилия должна была подняться из дельты Невы, где расположен Санкт-Петербург, вверх по течению, следуя крутому изгибу реки. <...> В составе флотилии, бросившей якоря у Александро-Невского монастыря, было много судов, и на одном из них — старом маленьком боте, родоначальнике русского флота, развевался государственный флаг <...> Император на галере заранее прибыл к устью Ижоры — месту, где Александр Невский в 1240 году одержал победу над врагами. Благоговейно сняв ковчег с мощами с яхты и поставив его на галеру, Петр I повелел вельможам взяться за весла, а сам управлял рулем. Во время плавания раздавалась непрерывная пушечная пальба» [Августин Никитин, 68]. Еще осенью 1724 года была отпечатана гравюра с изображением монастыря, но Петр запретил ее раздавать до 30 августа 1724 года. 2 сентября 1724 года Петр указал перенести день памяти св. Александра Невского с 23 ноября на 30 августа и отмечать ежегодно вместе с годовщиной Ништадтского мира. Кроме того, ежегодно в этот день полагался вывод ботика с места вечной стоянки и маскарад.

День заключения мира в 1721 году пришелся на ту же дату, что и триумф по окончании кампании 1719 года — 30 августа. Вполне вероятно, что совпаде-

ние этих дат было случайным. Однако младшие современники Петра, привыкшие видеть в календарных совпадениях не только волю Всевышнего, но и результаты напряженных усилий царя, стремящегося внести стройный порядок даже туда, где обычно царствует случай, находили свои объяснения тому, что мир был заключен именно 30 августа.

В 1738 году профессор Петербургской Академии наук Г.-З. Байер опубликовал свое сочинение «Краткое описание всех случаев касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу» (переведено с немецкого языка «чрез И. К. Тауберта Академии наук адъюнкта»). Книга, определенно, была заказана двором и должна была иметь прямое отношение к актуальной политической проблематике. Байер, однако, остается совершенно равнодушен к победам Анны и ведет повествование в отвлеченно-объективном тоне. Свой рассказ Байер начинает с истории скифов, но более половины книги посвящено Петровской эпохе, к которой он относится со сдержанным пиететом.

Подробно Байер останавливается на событиях 1698—1700 годов 25 августа 1698 года Петр, получив известие о стрелецком бунте, внезапно возвращается из Вены в Москву. «Возмутителей, — комментирует эти события Байер, — наказал он с надлежащею жестокостию, а напротив того верных своих подданных, за добрую их службу против Турков довольно наградил; и того ради *учредя 30 августа кавалерский орден святого апостола Андрея*, пожаловал оным некоторых из знатнейших особ» [Байер, 229]. Свидетельство Байера можно считать достаточно авторитетным⁵³.

Интерес представляет и еще одно известие Байера. В 1700 году был заключен мир с Портой. «Сие примирение, — пишет Байер, — опубликовано было в Москве 29 августа, а на другой день объявлена против Шведов война» [Байер, 259]. То есть Северная война началась, по Байеру, 30 августа. Здесь Байер, определенно, ошибается: мир с Портой праздновали в Москве 18 августа, а 19 августа была объявлена война Швеции.

Ошибка Байера могла возникнуть в результате путаницы: по григорианскому календарю («новому стилю») начало войны действительно приходилось на 30 августа⁵⁴. Но сомнения в верности даты у Байера не возникло: 30 августа приходится на день учреждения ордена св. Андрея Первозванного, день заключения Ништадтского мира в 1721 году и перенесения мощей св. Александра Невского в 1724 году⁵⁵.

Имперский календарь

Список торжеств, каким он сложился к осени 1724 года, был опубликован в календаре на 1725 год. Это был первый опыт подобного рода в России.

Еще в 1723 году Петр предпринимает попытку формально установить не только список основных торжеств и их иерархию, но и место их празднования. 18 октября 1723 года царь публикует именной указ: «За прошлые виктории стрелять генерально только за Полтавскую баталию, за Левенгауптскую только тут, где Двор находится; за две морские, что были в один день 27 июля, отправлять в Кроунгате, а прочие в тех только городах, когда которой взят» [ПСЗРИ VII, № 4327].

Решение о публикации окончательно сложившегося списка торжеств в календаре было принято Петром в самом начале 1724 года. Его составление было поручено Синоду. В документах Московской синодальной типографии сохранилось следующее известие:

«29 января 1724 г. Св<ятого> прав<ительствующего> Синода члены, присутствующие в Конторе типографских дел, приказали: в календарях, которые будут печататься на будущий 1725 г. и впредь, *печатать реестр торжественным, праздничным и викториальным дням, которые повсегодно празднуемы бывают* при проповеди слова Божия, а именно: в январе — 1-го — торжествование Нового года; 3 февраля тезоименитство государыни цесаревны Анны Петровны; 19 — воспоминание брака ИВ; 30 мая — рождение ИВ; 25 июня — коронавание ИВ; 27 — преславная виктория под Полтавою; 29 — тезоименитство ИВ; 29 июля — взятие фрегатов — первое при Ангуте, потом при Грингаме; 5 сентября — тезоименитство царевны Елисаветы Петровны; 28 — виктория над генералом Левенгауптом; 11 октября — взятие крепости Нотенбурха, который ныне Шлюттельбурх; 23 ноября — св. благов<ерного> велик<ого> князя Александра Невского; 24 — тезоименитство государыни императрицы Екатерины Алексеевны; 30 — св. апостола Андрея Первозванного, торжество кавалеров российских» [Гаврилов, 39].

В календаре на 1725 год список торжеств был несколько иным. Приведем его полностью.

Торжественные праздничные и викториальные дни, которые повсегодно празднуемы бывают

Январь	1	Торжествование нового лета
Февраль	3	Тезоименитство Государыни Цесаревны Анны Петровны
	19	Воспоминание брака Императорского Величества
Апрель	5	Рождение Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны
Май	7	Коронация Государыни Императрицы
	30	Рождение Императорского Величества Петра Великого
Июни	25	Коронация Императорского Величества
	27	Виктория над шведами под Полтавою
	29	Тезоименитство Императорского Величества
Июли	27	Взятие фрегатов шведских на море: первое при Ангуте, по том при Грингаме
Август	9	Взятие Нарвы
	26	Тезоименитство Государыни Цесаревны Наталии Петровны
	30	Перенесение мощей Святого благоверного Великого князя Александра Невского. И воспоминание заключенного мира между Империею Российскою и Короною Шведскою
Сентябрь	5	Тезоименитство Государыни Цесаревны Елисаветы Петровны

- 28 Викторня под Лесным над Генералом шведским
Левенгоуптом
- Октябрь
- 11 Взятие Нотенбурха, которон ныне Снотенбурх
- Ноябрь
- 24 Тезонменнитство Ея Величества Государыни Импе-
ратрицы
- 30 Святаго апостола Андреа, и торжество Кавалеров
Россииских

Исходный «реестр» торжеств, составленный членами Синода, интересен во многих отношениях. Во-первых, в него не было включено тезонменнитство Екатерины Алексеевны, которое праздновалось публично уже около десяти лет. Ее коронация состоялась, правда, только через четыре месяца после составления этого документа, но указ о коронации был издан в день тезонменнитства Екатерины в 1723 году и был «правительствующаго Синода членам» хорошо известен.

Во-вторых, в синодский список не входило взятие Нарвы — осенью 1724 года, когда составлялся окончательный вариант, Петр решает его все же внести.

В-третьих, в первоначальный синодский список входит день памяти св. Александра Невского под 23 ноября. В календаре его заменило перенесение мощей, что вполне понятно: оно состоялось только в августе 1724 года, а указ о перенесении дня памяти был датирован 2 сентября. За счет перенесения мощей список торжеств пополнился еще одним «историческим» праздником — «вспоминанием заключеннаго мира между Империею Россинскою и Короною Свенскою» (в исходном списке от Синода этого дня не было).

О причине, по которой в списке, составленном членами Синода, среди гражданских торжеств оказывается день памяти св. Александра Невского (который ранее, до перенесения мощей никогда не праздновался как гражданское торжество), можно только догадываться. Одним из объяснений может быть известный по воспоминаниям современников план Петра учредить орден этого святого в честь заключения мира: в этом случае 23 ноября, как и день памяти Андрея Первозванного, должен был стать кавалерским днем.

Можно не сомневаться, что все изменения, внесенные в синодский список торжеств, принадлежат лично Петру: только он мог принимать решения, касающиеся, например, коронации или тезонменнитства императрицы.

Список царских праздников в окончательном варианте, во-первых, указывает на состав императорской семьи и иерархию ее членов. Император и императрица здесь полностью уравниены: празднуется их рождение, тезонменнитство и коронование; кроме того — «Вспоминание брака Императорскаго Величества». Уравниены между собой и все цесаревны — в список включены только дни тезонменнитства Анны, Елизаветы и Натальи. В списке не упомянут внук Петра Петр Алексеевич (он не является членом императорской семьи, как его отец не был цесаревичем). Однако именно он, а не императрица Екатерина или кто-либо из цесаревен поименован в списке знаменательных событий всемирной истории. В 1725 году в этом списке из событий русской истории значились коронование Петра I, «рождения внука ЕВ великаго князя Петра» и Полтава. Этот факт, как представляется, может внести некоторую коррек-

ровку в вопрос о планах Петра в отношении престолонаследия: возможно, принадлежность к императорской семье и право на наследование престола с точки зрения Петра не были слишком жестко связаны⁵⁶.

«Викториальные» дни, которые праздновались в последние годы правления Петра, представлены в списке Календаря на 1725 год почти в полном объеме: Полтава, Гангут — Гренгам, Нарва, заключение мира, Лесное, Нотебург. Наконец, список открывает Новый год и завершает «торжество Кавалеров Российских». То есть к 1725 году придворный календарь был циклом именно годовых гражданских торжеств.

Однако с большой степенью уверенности можно утверждать: если бы царствование Петра не оборвалось 28 января 1725 года, имперский календарь претерпел бы еще не одно изменение.

Примечания

¹ Первый календарь был составлен и напечатан по указанию Петра, но и позднее Петр лично следил, чтобы календари были напечатаны к 1 января. Так, он писал к И. А. Мусину-Пушкину 21 ноября 1710 г.: «Также на новый год велите заранее приготовить календари» [ПБПВ X, № 4133-а].

² Празднование тезоименитства началось еще накануне: 28 июня Петр прибыл в лагерь и присутствовал на вечернем богослужении; 29-го он был у обедни, принимал поздравления, а потом, как указывает в дневнике Патрик Гордон, отправился на голяс «с генералиссимусом и всеми знатнейшими лицами» и закончил день пирушеством, «за которым при пушечных салютах славно пили». По наблюдениям Богословского, основанным на анализе переименований Петра, царь праздновал во время осады Троицын день (он приходился на 31 мая, скорее всего, одновременно с ним Петр праздновал и свой день рождения 30 мая) и день памяти св. Сергия Радонежского, покровителя Азовского края [Богословский I, 325, 326]. Но в эти дни никаких специальных действий под Азовом не предпринималось, то есть для Петра эти праздники не были связаны с событиями осады.

³ Петр, как можно судить по сохранившимся известиям, относился к старшему брату с любовью и уважением, в письмах он называет Ивана «батко и братец» [ПБПВ I, № 26, 30 и др.].

⁴ Много позднее, в 1711 г., например, «Ведомости» писали: «Да подаст Господь и большее *счастье* монарху нашему на сопротивного» [ВПВ II, 96].

⁵ Лица, которые получили известия о победе от царя лично, отвечали Петру, давая несколько скорректированное осмысление победы. По-разному оформленные риторически, все ответы подчеркивают личные заслуги царя. Винниус писал: «Все признавают, яко ваш, великого государя, точию был промысел и одержанием с моря помощи город приклонился к ногам Вашим»; Ромодановский, вспоминая тот же эпизод, добавляет: «Что лучшее в людях чрез многие науки изобретается и чрез продолжные дни снискательства их, то в тебе, господине, чрез

малое исцеление или токмо через видение все то является» [ПБПВ, I, 596—601]. Здесь мы можем наблюдать своеобразный ритуал: царь в своих письмах дает оценку события, его корреспонденты — подчеркивают роль личного участия царя.

⁶ Именно триумфальные ворота отличали этот торжественный вход в Москву от того, который состоялся после первого похода под Азов: «Ноября в 22 день, в пятницу, государь <...> изволил из Коломенского итти к Москве с ратными людьми, и шел по Каменному большому мосту, и пришел на дворец с полками. Перво пришел генерал Петр Иванович Гордон. А за ним государь и весь его царский синклит. А перед синклитом вели турчанина, руки назад; у руки по цепи большой; вели два человека. А за ним шли все полки стрелецкие» [Желябужинский, 283—284].

⁷ Слова Виннуса о том, что «въезд» не должен быть «молчалив», отсылают к сложившемуся в Петровскую эпоху представлению об обязательном для всех подданных ритуальном выражении радости, одной из форм которой была пушечная стрельба [Погосян 1997, 23—34].

⁸ Впрочем, Виннус как раз особой расторопностью не отличался. Петр писал о нем, например: «Многожды говорил Виннусу, который отпотчевал меня московским тотчасом» [ПБПВ II, № 500].

⁹ С темой борьбы против агарян объединена в этих словах другая константа дипломатической переписки 1695—1697 гг. — указание на то, что Азов открывает морской путь в Черное море (а оттуда — в Иерусалим). Уже по окончании первого похода, например, Козьма Нефимонов доносил из Польши (где он остановился по пути в Вену): «О воинских <...> промыслах, под Азовым и под Казкерменем (Казы-Кермен. — Е. П.) учиненных, и о взятии и о разорении тех городов, великая между ими Поляки похвала носится, что <...> ворота на Черное море стали отперсты». В другой раз он сообщает в Москву, что ему пришлось поправить «чертеж», на котором «проходу, которым местом путь на Черное море отворился, в том чертеже не написано и будто его нет <...>

и все написано и начерчено ко унижению Царского Величества войск, что и смотреть стыдно» [ПДС, 18—19]. Однако при организации публичных торжеств в 1696—1697 гг. эта тема не была использована, актуальной она станет несколько позднее.

¹⁰ Триумфальные ворота не возводились в 1696 г. как самостоятельная конструкция, на Всесвятском мосту у въезда со стороны Замоскворечья имелись каменные ворота с башней, которые и были украшены по случаю триумфального шествия [Выголов, Ильин, 112].

¹¹ Масленица традиционно была временем «потешных огней» [Васильев, 6]. Именно на Масленицу Петр устраивал фейерверки вплоть до 1700 г., то есть до того, как празднование Нового года было перенесено на январь. Так, 7 и 8 февраля 1799 г., по словам Корба, «Господин императорский посол с прочими иностранными посланцами был приглашен к ночи, от имени царя <...> полюбоваться потешными огнями. Первый изображал три короны с надписью „Да здравствуют!“, второй — два сердца, соединенные в одно, с надписью: „Да здравствует!“, третий — также два сердца, соединенные в одно, но без слов» [Корб, 125]. Три короны знаменовали три царства русского монарха, сердца же, видимо, относились к частному быту Петра. Масленица традиционно была временем «потешных огней» [Васильев, 6].

¹² Так, по наблюдению П. П. Пекарского, «печатание книг в России того времени (исключая церковных) зависело исключительно от воли самого царя» [Пекарский 1862, II, 645].

¹³ На важность Януса для новогодней тематики петровских фейерверков мое внимание обратили Т. Смолярова и К. Рогов, за что я им крайне благодарна.

¹⁴ Сохранилось, например, два рассказа об участии Петра в праздновании Нового 1698 года уже по возвращении из «Великого посольства». «Первого сентября по старому штилю торжествовали новый год по древнему сооплетению или счету от создания мира на Кремльской большой площади; его величество сидел на престоле в царской своей одежде, принял от патриарха благословение, поздравление, уклонности и покорения от вельмож империи своей» [Гизен I, 112]; «Первый день нового года

проведен был *весело в пирушестве*, устроенном с царской пышностью воеводой Шенным, куда собралось невероятное почти множество бояр, гражданских и военных чиновников, а также явилось большое число матросов; к ним чаще всего подходил царь, оделял яблоками и, сверх того, каждого из них называл „братом“. Каждый заздравный кубок сопровождался выстрелом из 25 орудий» [Корб, 88]. Петр, как мы видим, с готовностью участвует в традиционном «действе летопривождения».

¹⁵ Полное название пьесы «Царство мира. Идолослужением прежде разоренное, исповеданием же и проповедию святого верховнаго Апостола Петра: Ангела Просветлейшаго и великодержавнейшаго Гоеудара нашего Царя, и великаго Князя, Петра Алексеевича <...> пакн возетавленое».

¹⁶ Гизен долгие годы состоял на службе в России и был «литературным агентом русского правительства за границей» [Пекарский 1862, I, 318]. Он «много сделал для распространения в странах Западной Европы благожелательной информации о современной России и правдивых сведений о ее истории» [Пештич, 127]. По словам самого Гизена, ему был дан «государев ордер <...> к описанию российской истории». «Все потребное сочиня, — продолжает Гизен, говоря о себе в третьем лице, — он же переводил на разные языки, а русский перевод о преславном житии ЕИВ уже подавал, как его величеству самому, так и в государственную канцелярию иностранных дел» [Пекарский 1862, I, 320]. Впервые это сочинение было опубликовано Ф. Туманским в 1787—1788 гг.

¹⁷ Брауншвейгский посланник в России Вебер писал в 1718 г. о труде Гизена: «Большое историческое сочинение, которое три года тому назад написал и пригготовил к печати член военного совета, г. Гюйсен, о славнейших деяниях его царского величества, хотя само по себе очень хорошо и достойно прочтения; но так как этот неоспоримо ученый муж не имел под руками никаких сведений из Русских канцелярий и других правительственных мест <...> то в его сочинении многое следовало бы исправить и изменить, и желательно, чтобы автор, прежде издания своего труда, ознакомился с более верными источни-

ками и таким образом составил бы более правдивое и совершеннейшее описание деяний царя» [Вебер, 1449]. Эта оценка послужила началом традиции крайне критически оценивать исторический труд Гизена. Однако Е. Ф. Шмурло, а за ним С. Л. Пештич как исторический источник оценили труд Гизена довольно высоко. Эта книга «в источниковедческом отношении, — указывает Пештич, — не потеряла своего значения и в наше время» [Пештич, 135]. Такой подход определил и специфику изучения этого сочинения. Основное внимание уделялось, во-первых, выявлению источников «Журнала» Гизена и, во-вторых, определению того, в какой степени этот труд был использован в «Истории Свейской войны». Историческая концепция Гизена не привлекала внимания исследователей, наиболее подробно на этом вопросе останавливался Пештич, который считал, что исторические взгляды автора «в целом были свободны от схоластических пут», а его «рационализм проявлялся в оценке многих событий» [Пештич, 133].

¹⁸ «Великий государь указал сказать, — читаем в именном указе 20 декабря 1699 г., — известно ему великому государю не только что во многих европеевских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною православною нашею церковью во всем согласны, как: волохи, молдавы, сербы, дайматы, болгары и самые его великого государя подданные черкасы и все греки, от которых вера наша православная принята, все те народы согласно лета свои счисляют от рождения Христова осемь дней спустя, то есть генваря с 1 числа, а не от создания мира, за многую рознь и считанье в тех летех». Здесь же были даны инструкции по празднованию Нового года: «после должного благодарения Богу и молебнаго пения» жителям Москвы следовало украсить свои дома и ворота словыми, сосновыми и можжевельными деревьями или ветвями (около Гостиного двора и «нижней аптеки» были выставлены образцы). Далее указ разъяснял, каким образом подданные царя должны были продемонстрировать «веселие» по случаю праздника: «Генваря же в 1 день, в знак веселия, друг друга поздравляя с Новым годом и столетним веком», паить из «небольших пушечек» и «выпу-

стить несколько ракетов, сколько у кого случится» вслед за фейерверком и пушечной пальбой на Красной площади [ПСЗРИ III, № 1736]. Несколько отвлекаясь от нашей темы, обратим внимание на то, что Петр, регламентируя формы ритуального поведения своих поданных (обязательная демонстрация веселья), видит именно в пушечной пальбе и запуске ракет наиболее адекватный способ выразить радость по случаю Нового года.

¹⁹ Автор заметки неизвестен. Директором Московской типографии в это время был Ф. П. Полнкарпов-Орлов, он же довольно часто выполнял переводы разного характера. Возможно, именно он или один из справщиков типографии составил эту заметку, но можно не сомневаться, что любое повешество в составе календаря могло появиться или по указанию царя, или с его согласия.

²⁰ Линден Хиджес, следуя записям в «Дворцовых разрядах», не включила праздники 1 января в свою реконструкцию придворного календаря в России XVII в. [Hughes 2000, 166].

²¹ Кроме описания фейерверка, в честь покорения Дербента был составлен и в 1722—1723 гг. напечатан по указанию царя ряд панегирических сочинений. К ним следует отнести: «Речь к его величеству, государю императору, говоренная именем святейшаго правительствующаго Синода у синодальных ворот, что в Китае, при торжественном входе с победою от Дербента, декабря 18 дня 1722 года» Феофана Прокоповича (первое издание 1723 г. не сохранилось); «Песнь, сию же от моря Каспийскаго с победою над Дербентом и прочими Грады, возвращающагося Августейшаго всероссийскаго императора отца отечества Петра великаго, милостивейшаго своего Государя и fundатора, в торжественном в его Императорский Град Москву вхождении, Приветствоваше Академия Московская 1722 году декабря 18 день» (издана тогда же в 1722 г.).

²² Учитывая эти позднейшие значения, можно предположить, что и изображение Януса с ключом в фейерверках 1 января 1703 и 1704 гг. (см. ил. 4, 9) означало не только границу года (Янус), в который был захвачен Шлиссельбург (ключ), но и возможность заключения мира («заключения» дверей храма Януса).

²³ 20 декабря 1710 г., то есть за десять дней до фейерверка, как указывает «Журнал» Петра, «получены ведомости из Царяграда о разрыве с Турками миру» [Журнал 1710, 24].

²⁴ Точно такое же изображение Сатурна было выбрано в качестве заставки к первому календарю, напечатанному при Академии наук в Петербурге [Календарь на 1728 (СПб.)].

²⁵ Возможно, с особым значением взятия Шлиссельбурга в истории отношений Петра и Екатерины связана и ошибка историка Миллера, одного из первых сотрудников петровской Академии наук. Миллер впоследствии указывал, что разрыв Петра с Анной Моне произошел именно в интересующий нас момент: «При осаде Шлиссельбурга в 1702 году Петр узнал, что обворожительная „domicella Mons“ ему не верна и что она вела переписку с саксонским посланником Кенигсеем. Кенигсеек сопровождал государя в этом походе и однажды, поздно вечером, проходя по узенькому мостику, переброшенному через небольшой ручей, оступился и утонул. Первая забота государя при известии о смерти Кенигсека — была осмотреть бумаги, бывшие в карманах покойника; в них государь надеялся найти известия относительно союза его с королем Августом и вместо них нашел нежные письма своей фаворитки». Реальная дата смерти Кенигсека — около 15 апреля 1703 г. [Семевский, 29—30]. Ошибка Миллера, прекрасного знатока Петровской эпохи, может быть объяснена тем, что именно к осаде Шлиссельбурга относилось начало «авантюры» Петра и Екатерины.

²⁶ Празднование дней рождения в царской семье впервые зафиксировано «Книгой выходов» в 1676 г., когда был отмечен «выход на день рождения царя Федора Алексеевича» [Агеева 1999, 253].

²⁷ Екатерине царь 30 мая 1716 г. в связи с этим писал: «Мы вчерась почали воду пить. <...> Я николи в сей день так обидим не был, всегда вина много пивал; а ныне воду» [ПРГ, 46].

²⁸ Этому проекту Алексея Михайловича было посвящено специальное сочинение Иоганна Стрюйса, которое было переведено для Петра в том же 1719 г. («Ведение о строении первого в России корабля, именуемого „Орел“, каков построил

во дни великого государя и великого князя Алексея Михайловича <...> из первого тома, печатанного в Лионе 1684-го от Рождества Христова на французском языке, а на словенском 1719-го» [Боброва, 256]).

²⁹ Это изображение повторяло картинку, украшавшую знамя Преображенского полка уже в 1700 г. На знамени был изображен мальчик в лодке, а рядом с ним Сатурн, который помогал мальчику грести; справа — корабельная верфь, слева — пылающая крепость, по-видимому Азов; над лодкой — знак Божественного промысла [Памятники русской культуры, № 2994] (рис. 187).

³⁰ Нужно, правда, помнить, что в речи Петра Ноев ковчег был не только символом обновления России, он указывал и на тех, кто принадлежал старому миру и чьи казны закончились только в декабре 1718 г.

³¹ В марте 1716 г. Вебер записал: «В Москве же показывается искусственный земной глобус, помещаемый в небольшом, нарочно для того устроенном, доме <...> подие глобуса лежит тамже четырех-весельная шлюпка, сделанная собственными руками царя Михаила Федоровича и сохраняемая теперь в этом помещении, как редкость» [Вебер, 1375]. Речь здесь, видимо, идет о ботике.

³² Изображение с кораблем и галерой при Петре появляется регулярно в украшении фейерверков, на медалях и пр. Подпись может варьироваться, в зависимости от ситуации. Однако такой устойчивый интерес царя к этой эмблеме дает возможность предположить, что за «случайными» стоит и не менее актуальное для царя «базовое» значение, которое делает это изображение одной из личных эмблем Петра. Парусный корабль, по-видимому, указывал на Промысел (он движется ветром, а ветер не зависит от воли путешественника), галера, которая движется на веслах, — на усилие («прилежание») плывущих на ней. Успех предприятия, таким образом, зависит не только от благосклонности Всевышнего, но и от воли «делателя».

³³ Во время «Великого посольства» Петр отмечал свое тезоименитство со всей возможной пышностью. В июне 1697 г.

в «Походном журнале» записано: «В 29 день празднество было Петра и Павла и разговелись; и стреляли из пушек в городе Пилау и был фейерверк» [Журнал 1698, 13—14]. Тезоименитство праздновалось и в 1698 г. во время пребывания в Вене: «В празднество святых апостол Петра и Павла была огнестрельная потеха и народа было у послов с 500 человек; музыка во всех палатах была и веселились до света» [Журнал 1698, 27].

³⁴ В 1710 г. была построена и освящена церковь во имя св. Самсона Странноприимца в Петербурге [Агеева 1999, 292].

³⁵ В соответствии с установившейся традицией, для сохранения памяти о Полтавской победе был издан целый ряд текстов документального и панегирического характера. Уже 4 сентября был напечатан план Полтавской баталии «купно с реляцией». 2 августа 1709 г. Петр посылает И. А. Мусину-Пушкину собственный «чертеж о бывшей виктории у Полтавы», приказывая «вырезать доску и напечатать таких десятков пять или шесть» [Алексеева, 73]. 10 декабря было отпечатано описание торжественного входа войск в Москву [Политколесная апофеозея]. Особо следует подчеркнуть факт составления «Службы благодарственной Богу, в Троице святой славимому, о великой Богом дарованной победе, над свейским королем Каролом XII, и воинством его содеянной под Полтавою, в лето 1709 месяца июня в 27 день». Служба была сочинена по приказанию Петра Феофилактом Лопатинским и вышла без обозначения года и места. Годовщина Полтавы, таким образом, становится объектом ежегодного церковного воспоминания.

³⁶ Сразу после Полтавы Петр, как мы помним, вспоминает сюжет о Фаэтоне. Возможно, такая параллель в том числе была подсказана и коляской раненого Карла, которая была найдена на поле битвы. В 1719 г. Фаэтон, возможно, и по сходству звучания, и по той же аналогии «коляска — колесница» (хотя колесница и не названа) превращается в фараона.

³⁷ Уже в письмах из-под Азова в 1696 г. Петр подчеркивал, что крепость сдалась в воскресенье: «Ныне со святым Павлом радуйтесь всегда о Господе, и паки реку: радуйтесь!» [ПБПВ I, № 113, 114]. Но тогда эта тема не получила развития.

³⁸ Наследником престола Петр Петрович был объявлен в начале 1718 г. Однако, в отличие от своего ровесника великого князя Петра Алексеевича (сына царевича Алексея), наследник еще не говорил и не ходил. «Царь утешается тем, — писал французский посланник, — что сам он в таком же возрасте был в одинаковом положении». Видимо, чтобы скрыть медленное развитие царевича, во время публичных выходов его сажали на лошадку. В октябре 1717 г. во время церемонии встречи Петра по возвращении из-за границы наследник встречал царя «верхом на маленькой исландской лошади»; «верхом на маленькой лошади» он появился и в свой день рождения [ДФП 1881, 386, 254, 260].

³⁹ По убедительному предположению П. П. Пекарского, именно Стефан Яворский был не только автором проповедей, но и составителем «Реляции» о праздновании тезоименитства [Пекарский 1862, II, 459].

⁴⁰ 27 июля 1715 г. «Походный журнал» сообщает: «Сего числа воспоминание батальи, которая была в прошлом 1714-м году у Ангута; обедали у нашего адмирала все <...> и палили один раз из пушек со всего нашего флота вдруг» [Журнал 1715, 21]; в 1716 г.: «Праздновали день Ангутской батальи; по молебне палили 11-ть, а с прочих по 7-ми пушек. И господин вице-адмирал с прочими министры и адмиралами датскими и аглинским обедал на своем корабле» [Журнал 1716, 33].

⁴¹ «Ведомости» сообщают о торжествах только в 1712 г.; церковь св. апостола Матфея — на день его памяти приходилось взятие Нарвы, — была освящена в Петербурге только в 1720 г. [Агеева 1999, 292].

⁴² В 1720 г. в годовщину Шлиссельбурга обход городских стен также имел место: «Его Царское Величество и господа Министры слушали литургию; и после литургии был ход по городу с молебном благодарным, а потом изволили кушать в вышеозначенных же хоромах (у Менишкова. — Е. П.) и потом были на болварках, которых у того города 5-ть, где веселились довольно. А при входе на каждый болварок и при выходе палили из пушек» [Журнал 1720, 41].

⁴³ Летом 1719 г. судьба внука Петра как вероятного наследника престола была темой, к которой постоянно возвращаются посланники иностранных дворов в Петербурге в своих депешах. В конце июля стало известно, что «в летнем царском дворце готовится помещение для сына покойного наследника, которого величают теперь Великим Князем Московским», и «с тех пор, как юный принц помещен в апартаменты летнего дворца, вместе с принцессой, сестрой своей, штат его прислуги увеличен и с ним очень милостливо обращаются Ея Величество и принцессы, ея дочери». Эти известия послужили основанием для слухов о том, что Великий Князь Московский будет объявлен наследником престола. Передавали слова великого князя Петра Алексеевича: «У нас добрый дедушка, который любит нас и станет о нас заботиться» [ДФП 1884, 40, 46, 62—63].

⁴⁴ Тут же, кстати, сообщалось, что олонекские воды «исцеляют различные жестокия болезни», а именно: «цынготную, инохондриум, желчь, безспельство желудка, рвоту, понос, чечунную, каменную, ежели песок, или малыя камни, и оныя из почек гонит, и от водяной, когда она зачинается, от запору месячной крови у жен, от излияния кровотечения у оных же, от апеленсии, выгоняют глисты, также лечат килы, и от прочих болезней великую силу имеют» [ВПВ II, 262].

⁴⁵ В 1721 г. 25 июня «праздновали день коронавания ЕВ, и были гости, гуляли в огороде, стреляли с крепости, с галер и из мелкаго многого ружья» [Журнал 1721, 49]. В 1722 г. Петр был в Астрахани, где «после обеда стреляли со всего города из пушек и потом с судна ЕВ, а потом с других судов, и кушали на судне» [Журнал 1722, 46]. В 1723 г. «были у литургии у Троицы; пополудни была асамблея в саду ЕВ государыни императрицы, что за малою речкою (Фонтанкой)» [Журнал 1723, 17]. Празднование в 1724 г. ничем существенным от предшествующих не отличалось [Журнал 1724, 9].

⁴⁶ Еще в 1718 г. была напечатана «Служба святым и праведным Захарии и Елизавете». 7 ноября 1722 г. Синод указал праздновать тезоименитство цесаревны Елизаветы: «сентября 5 дня, со всепошным бдением и молебным к Господу Богу пе-

нием» и для того разослать по губерниям отпечатанную службу [Гаврилов, 60].

⁴⁷ Семидневные торжества каждый раз заканчивались «отда-нием» праздника [Журнал 1721, 76].

⁴⁸ Вообще, строительство именно пирамид в память того или иного события занимает Петра. 3 сентября 1717 г. французский посланник записал, что Петр показывал ему рисунок пирамиды, которая будет вскоре построена («Рисунок в виде пирамиды для сохранения в потомстве памяти о величайшем из монархов»). Украшение пирамиды должно было представлять «краткое изложение его истории». Далее описана статуя Петра на коне, поднимающего на дыбы, шесть раздавленных львов, Геркулес и Марс, который несет меч Петра, Меркурий и искусства, а также побежденный Рейн, Спокойствие, Изобилие и Удовольствия. «Эпизод великой Полтавской битвы, а также морское сражение и славное вступление его царского величества в его столицу Москву служат предметами трех больших барельефов» [ДФП 1881, 241—242]. Петр планировал украсить именно пирамидой и место Полтавской битвы. 29 апреля 1723 г. Петр издал именной указ: «В память на Полтавских полях над свейскими войсками полученной виктории, в пристойном месте, где та баталия была, сделать пирамид каменной из доходов Малороссийской коллегии, и для того в то же коллегию при указе послать рисунок» [ПСЗРИ VII, № 4202].

⁴⁹ Французский посланник доносил: «Когда, часов в 11 вечера все было готово, Царь вошел в залу, самолично роздал главным придворным лицам рисунки фейерверка, им самим составленного, и приказал дать сигнал. Поднялся гром барабанов, труб, цимбалов, пушечной пальбы. Минуту спустя двери храма отворились и внутри показалась фигура Януса. Когда составлявшие ее огни погасли, появилась фигура правосудия и корабль, а еще через минуту, из-за первой показалась другая фигура с орлом под нею представлявшая Россию, из-за корабля же показалась другая фигура и под нею лев <...>, представлявшая Швецию. У обеих правая рука протянута была вперед. Фигуры эти ровным шагом подошли к храму, заперли его

двери и, в знак примирения, подали друг другу руку. В тот самый момент, как фигуры погасли, появились четыре как бы бриллиантовые пирамиды и выпущено было 6000 ракет и прочих фейерверочных фигур, эффект которых был так же хорош, как выполнение удачно. Для народа устроены были два фонтана из вина и на эстраде помещался целый жареный бык. Царь первый отрезал от него кусок, затем его предоставили народу. Когда догорел фейерверк на площади, на воде появились четыре огненные фигуры, одна изображавшая славу, три другие — правосудие, осторожность и победу и покуда они горели река покрылась множеством огненных, чрезвычайно красивых декораций. Все это длилось до трех часов утра» [ДФП 1884, 297—301].

⁵⁰ Вебер пишет в своих записках о «вице-царе» Ф. Ю. Ромодановском: «Этот господин имел обыкновение приневоливать приходящих к нему гостей выпивать чарку сильной, с перцем смешанной, водки, которую держал в лапе хорошо обученный большой медведь, при чем часто, ради потехи и в случае отказа гостей пить водку, этот медведь принуждал их к тому, срывая с них шляпу, парик или хватая за платье» [Вебер, 1370]. Можно полагать, что медведи в пародийном ключе представляли подданных князя-кесаря, при этом Ромодановский обыгрывал представление европейцев о дикости и варварстве россиян.

⁵¹ Маскарад в честь второй годовщины мира, как и в 1721 г., был построен вокруг шутовского ритуала. «Мнимый русский патриарх, — доносил французский посланник, — именуемый князем-папой, похоронен <...> Церемония посвящения нового патриарха совершится в Москве. <...> Мнимые кардиналы соберутся туда в назначенный день. Их будут поить вином и водкой 24 часа подряд, не давая им спать; а потом, приготовившись таким прекрасным образом, они изберут себе нового патриарха. Затем их, вместе с ним, увидят, вероятно, по примеру прошлого года, в маскараде верхом на быках, ослах или свиньях. Не знаю, какую роль будет играть это шутовское духовенство на маскараде, имеющем быть в честь годовщины мира» [ДФП 1885, 379—380].

⁵² 2 сентября 1724 г. Петр издал именной указ, посвященный дальнейшей судьбе ботика. «ЕИВ, — читаем в нем, — указал: ботик августа в 30 числе для торжествования выводить повсягодно на воду, и иметь при Александро-Невском монастыре» [ПСЗРИ VII, № 4562]. Возможно, в качестве мемориалний Петр намеревался использовать и первые корабли, построенные им на Переяславском озере. 7 февраля 1722 г. он издал именной указ, обращенный «восводам Переяславским». «Надлежит вам беречь, — указывает царь, — остатки кораблей, яхт и галеры; а буде опустите: то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебегшии сей указ» [ПБПВ X, № 3903].

⁵³ Историки ордена Св. Андрея Первозванного считают указание Байера на 1698 г. авторитетным свидетельством [Виллинбахов]. Сообщаемую им точную дату основания ордена (30 августа) также можно считать вполне вероятной.

⁵⁴ Нужно иметь в виду, что подобную путаницу можно найти и в других сочинениях этой эпохи. Так, Гизен нерегулярно и без оговорок использует даты то по новому, то по старому стилю. Например, он указывает, что триумфальный вход в Москву в 1696 г. состоялся 9 октября (это по новому стилю, по старому — 30 сентября); в то же время Петр вернулся из «Великого посольства» в Москву 25 августа (здесь Гизен дает дату по старому стилю) [Гизен I, 110, 112].

⁵⁵ Петр, выбирая 30 августа в качестве нового дня памяти св. Александра Невского, несомненно и в первую очередь, ориентировался на годовщину заключения мира. Однако сама возможность отнесения дня памяти этого святого к 30 августа могла иметь для Петра и некоторые дополнительные основания. Именно 30 августа в 1652 г. (при отце Петра) были обретены мощи св. Даниила Александровича (младшего сына Александра Невского). В этот же день они были перенесены в Данилов монастырь. Даниил Александрович считался родоначальником московских князей, он же был и князем Переяславским.

⁵⁶ Подробный обзор вопросов, связанных с престолонаследием на момент смерти Петра, дает Е. Анисимов в книге «Россия без Петра» [Анисимов 1994, 15 и след.].

Часть II ОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРИ ПЕТРЕ I

Всякий исследователь, обращающийся к историографии Петровской эпохи¹, сталкивается с парадоксальной ситуацией. Среди современников Петра очень многие составляли сочинения из российской истории, древней и новой. Исследователи называют более десятка имен: А. И. Манкнев, Ф. П. Поликарпов, Б. П. Куракин, Г. Гюйссен (Гизен), Б. Шиллинг (Шилиг), П. П. Шафиров, Феофан Прокопович, Л. Галларт (Алларт), М. П. Аврамов, А. В. Макаров, наконец, сам Петр. Однако из всех изданий Петровской эпохи только два сочинения посвящены истории России: «Синопис» и «Рассуждение какне законные причины ЕЦВ Петр I <...> к начатию войны <...> имел» П. Шафирова. Напомним, что «Синопис» был составлен и впервые напечатан еще при Алексее Михайловиче. «Рассуждение» же Шафирова только условно (по материалу, к которому апеллирует автор) может быть названо историческим. Шафиров не ставил своей задачей написать историю России, он писал политический трактат, который должен был доказать историческое право России на владение Ингрией. То есть реально ни одно

из сочинений по истории России, составленных при Петре, не было напечатано.

Не все сочинения, о которых нам известно по свидетельствам авторов или современников, сохранились. Так, например, известно, что директор Петербургской типографии («цейхдиректор») М. П. Аврамов составил «первую историю царствования Петра I». «Сведения <...> записок М. П. Аврамова о его историографических занятиях <...>, — пишет биограф Аврамова Д. О. Серов, — находят подтверждение в письме цейхдиректора А. В. Макарову от 20 августа 1716 г. В этом послании Михаил Петрович просил кабинет-секретаря о присылке „713, 714, 715, 716 годов журналов, понеже <...> по те годы с начала бытия Российского государства история у меня собрана“. Текст „Истории“ Аврамова к настоящему времени выявить не удалось» [Серов, 73, 92].

Такой же загадкой являются и труды по русской истории Феофана Прокоповича. «Имеются сведения, — пишет С. Л. Пештич, — о составленной Феофаном Прокоповичем в 1717 или 1719 г. и изданной в Санкт-Петербурге в 1720 г. „Родословной росписи великих князей и царей российских до государя Петра, с кратким описанием знатнейших дел их и гравированным каждого портретом“, однако эта работа в библиографии нашего времени неизвестна» [Пештич, 150]. (Сохранилась гравюра П. Пикарта с гравированными портретами правителей и их краткими характеристиками, текст к которой составил Феофан Прокопович. Однако характеристики этой гравюры вряд ли можно назвать пусть даже «кратким» описанием «знатнейших дел» (ил. 28, ср. ил. 29).

Переводчик Б. Шиллинг, кабинет-секретарь царя А. В. Макаров и П. П. Шафиров (если не учитывать

28. П. Пикарт. Петр I в родословии. 1717

29. И. Щирский. Конклюзия И. Обидовского. 1691

его «Рассуждения») известны нам только как участники работы над коллективным проектом «Гистория Свейской войны», которым Петр руководил лично.

Таким образом, собственно исторических сочинений Петровской эпохи, к рассмотрению которых можно обратиться, всего шесть (сочинения Манкнева, Поликарпова, Куракина, Гизена, Алларта и «Гистория Свейской войны»).

Задача нашего исследования состоит в том, чтобы описать официальную историографию Петровской эпохи. Официальная историография является важной составной частью официальной (придворной) культуры, то есть культуры, которая существует только при прямом участии монарха и непосредственном с его стороны контроле. Следовательно, из круга наших источников должны быть исключены исторические труды, которые были результатом частных изысканий и о существовании которых Петр не знал (А. И. Манкнев, Б. П. Куракин [Пештич, 103—109, 113—119]). «Историческое описание Северной войны с 1699 до 1721 г.» Алларта было составлено на основании дневниковых записей автора, который был участником военных действий против шведов². Это сочинение было переведено на русский язык еще при Петре, и царь использовал его при работе над «Гисторией Свейской войны», но исходно оно было составлено по инициативе самого Алларта и не может быть использовано при описании официальной историографии.

Предметом нашего рассмотрения станут «История о владении российских великих князей» Ф. П. Поликарпова и «Гистория Свейской войны» (к «Журналу государя Петра I» Гизена, характеристика которого

была дана выше, мы в этом разделе обращаться не будем). Оба сочинения — точнее было бы говорить о «проектах» — были задуманы Петром и составлялись по его указаниям и инструкциям, а второе из них — при непосредственном участии царя. Они отражают интенции Петра-историка и могут дать материал для описания официальной историографии Петровской эпохи в ее становлении (от 1710-х к 1720-м гг.).

Глава I

Император присно прибавитель

«История» Федора Поликарпова

Первое поручение Петра по составлению «древней» истории, сведения о котором сохранились, относится к 1708 году. Свидетельства о нем впервые были собраны в «Деяниях Петра Великого» И. И. Голикова [Голиков, IV, 298, 299; V, 323; VI, 369]. П. П. Пекарский в своей книге «Наука и литература при Петре Великом» дает комментированный пересказ интересующего нас «сюжета»:

«По приказанию царя, Мусин-Пушкин писал, I (Опечатка, должно быть «10». — *Е. П.*) и 26 октября 1708 г., к Поликарпову, чтобы он принялся за сочинение русской истории *от начала царствования великого князя Василия Ивановича до настоящего времени*: для образца велено было прежде всего описать первые пять лет в двух редакциях — краткой и пространной. В 1712 г. еще продолжались об этом напоминания Мусина-Пушкина Поликарпову. Так первый подтверждал,

„с великим желанием царское величество приказал к тебе о сем писать“, или: „понеже его царское величество желает ведать *российского государства историю*, и о сем первее трудиться надобно, *а не о начале света* и других государствах, понеже о сем много писано (отсюда видно, что Петру Великому было мало нужды в генеалогии славян от Иафета и пергаминой грамоте Александра Македонского). И того ради надобно тебе *из русских летописцев выбирать и в согласие приводить* прилежно. О сем имей старание, да имаша получить немалую милость; от гнева же (конечно, царского) да сохранит тебя Боже!“ Вероятно в 1715 г., Поликарповым была представлена царю составленная им русская история; но крайней мере, 2 января 1716 г. Мусин-Пушкин писал к сочинителю: „история твоя *российская* <...> не очень благоугодна была“» [Пекарский 1862, I, 317]. Со ссылкой на Пекарского о плане составления „древней“ истории в 1708 году сообщают все исследователи русской историографии Петровской эпохи.

Вслед за Пекарским исследователи подчеркивают сам факт интереса Петра к «древней» истории, но «не о начале света»; устойчивость интереса (царь торопит Поликарпова и постоянно интересуется ходом работы); и, наконец, неспособность Поликарпова исполнить заказ Петра (по причине традиционности его взглядов). С. Л. Пештич добавляет к этому и другое объяснение: «Как видно, Федор Поликарпов не мог угодить своим трудом Петру и его окружению прежде всего потому, что о современных событиях, особенно связанных с ходом Северной войны, он писал и кратко, и без достаточного источниковедческого обоснования» [Пештич, 111]. Однако, как мы помним, Петр, «для образ-

ца», хотел видеть историю первых пяти лет правления Василия Ивановича (в кратком и пространным изложении). То есть в сочинении, заказанном Поликарпову, царя интересовали вовсе не современные события. Следовательно, отрывочное описание Северной войны не могло стать причиной недовольства Петра.

И. А. Мусин-Пушкин в первом из писем Поликарпову, цитированных Пекарским [письмо опубликовано: ПБПВ VIII, 938], указал только хронологические рамки сочинения: от Василия Ивановича до «настоящего времени». Неизвестно, получал ли Поликарпов дополнительные письменные или устные инструкции. Косвенное указание на то, что таковые существовали, находим во втором письме Мусина-Пушкина к Поликарпову о сочинении «Истории» от 26 октября 1708 года (время между первым и вторым письмом начальник Монастырского приказа, как видно из его писем, находился при царе: сначала в Смоленске, потом в Брянске). Видимо, в ответ на просьбу Поликарпова уточнить, какой именно должна быть «История», Мусин-Пушкин отвечает: «О летописании, каковым образом писать, аще повелит Бог быть мне на Москве, общим советом учиним» [ПБПВ VIII, 938]. Даже если у Мусина-Пушкина не было дополнительных инструкций, а он просто собирался поделиться с Поликарповым своими соображениями, письмо это нам важно как свидетельство растерянности последнего.

Остановимся подробнее на вопросе о том, что именно хотел царь прочитать в заказанном историческом сочинении.

Федор Поликарпов начинает свое сочинение «Предисловием любезному читателю». Автор «Истории» не

сомневался в том, что первым его читателем будет Петр. По другому поводу (речь шла о переводе «Географии») он, например, писал тому же И. А. Мусину-Пушкину, намекая на Петра: «А писана она разметисто и не мелко не ради моего прельщения³, но дабы читающим очесам угоднее и удобнее было ко чтению, паче же тем очесам, которые всю Россию аки второе солнце, пазирают, освещают и питают своим милосердием; их же мелким письмом напрасно трудить не обычно и страшно» [Переписка Поликарпова, 1053].

Видимо, желая составить благоприятное впечатление от своего труда, Поликарпов включает в «Предисловие» к своей «Истории» соображения, которые неоднократно высказывал сам царь (возможно, об этом шла речь и в связи с «Историей»). Так, например, Поликарпов обещает писать «не риторского хитросплетенного витийства нестротою но правдивого слова простотою *доставляемыми* <...> словесы и письмамы»⁴ [Поликарпов, 5] (хотя «История», не в пример остроумным и пересыненным рифмованным присказками письмам автора, написана достаточно тяжелым и темным слогом). Точно так же, например, Феофан Прокопович, рекомендуя Петру для ведения подробных журналов в походе 1722 года архимандрита Лаврентия, добавляет, что тот «записывать будет *без всякого украшения простым стилем*» [Воскресенский, 113].

«Предисловие любезному читателю» помогает уточнить некоторые дополнительные детали замысла. Так, из него мы узнаем, что Поликарпов намеревается довести повествование до 1710 года, то есть до десятой годовщины с начала войны со шведами. Когда «История» была закончена и поднесена царю в 1715 или нача-

ле 1716 года, никакой причины ограничивать повествование именно этим хронологическим рубежом уже не было.

Совсем иначе дело обстояло в момент, когда Поликарпов получил указание работать над «Историей». Первое письмо Мусина-Пушкина Поликарпову о составлении «Истории» датировано 10 октября 1708 года: оно написано через считанные дни после сражения при Лесной, которое было самой важной победой до Полтавы и казалось Петру переломным моментом в ходе войны. После Полтавы эта битва станет «матерью Полтавской победы», пока же победа при Лесной кажется Петру достаточным аргументом, чтобы начать переговоры о мире. В конце 1708 года Петр «приказал Министру своему, графу Головкину, — пишет Голиков, — чтоб он яко бы от себя описал Пиперу о склонности его к примирению, и предложил самые умереннейшие к тому кондиции» [Голиков, IV, 44]. В конце 1708 года, планируя начать мирные переговоры, Петр вполне мог полагать, что война закончится к 1710 году и будет «десятилетней».

Такой срок позволяет Поликарпову в «Предисловии» сравнить войну против шведов с «пятидесятилетней Троянской войной» [Поликарпов, 4—5]. Аналогия с Троянской войной не являлась случайной и принадлежала, видимо, самому Петру.

«Троянская история» (которая начинается рассказом о походе Язона и заканчивается разорением Трои), без сомнения, входила в круг любимого чтения царя. Среди его книг был рукописный сборник конца XVII века, в который, среди прочего, были включены: «Сказание об Александре Македонском», выписка из

беседы великого князя Василия Ивановича со старцем Вассаном Симонова монастыря «о сочетании второго брака и о разлучении первого брака», «Троянская история»⁵ и «Сказание» о походе аргонавтов [Боброва, № 222]. История этого сборника не изучена, однако содержание его позволяет осторожно предположить, что он мог быть составлен для молодого Петра: сказание об Александре и «Троянская история» были изданы позднее по личному указанию Петра; выписка же из беседы Василия Ивановича могла интересовать царя в связи с его личными обстоятельствами. Кроме того, как мы видели уже из заказанной Поликарпову «Истории», которая должна была начинаться правлением Василия Ивановича, этот правитель вызывал особый интерес царя.

В сентябре — октябре 1694 года проходили известные Кожуховские маневры, по окончании которых Петр послал в Архангельск Ф. М. Апраксину шуточную реляцию «Известное описание о бывшей брани и воинских подвиг между изыщными господами генералиссимы Федором Юрьевичем и Иваном Ивановичем» (т. е. между Ф. Ю. Ромодановским и И. И. Бутурлиным). Ромодановский и Бутурлин описаны здесь как персонажи комические, и комический эффект возникает за счет сравнения трусости и бестолковости «изыщных господ» с героями «Троянской истории» [Богословский I, 194—205].

Но и ранее в письмах Петра находим шутки в адрес «генералиссимов». 5 марта 1694 года в письме тому же Апраксину Петр иронизировал на счет Ромодановского и Бутурлина, которые никогда не бывали на море (в шутку царь назначил их адмиралом и вице-адмиралом). Ромодановский является в письме Петра как «че-

ловек зело смелый к войне, а паче к водяному пути»; Бутурлин — морского пути «оставити не хочет», «яко афияние нового ищущи» [ПБПВ I, № 22].

В следующем 1695 году начинаются Азовские походы (как писал сам Петр, «Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть идем» [ПБПВ I, № 29]). В реляции из-под Азова за 1696 год также можно заметить следы влияния «Троянской истории» — последняя, как мы увидим, представлялась Петру образцом составления реляции. Описывая события лета 1696 года, Петр дает отчет боев по модели «Троянской истории» (первый бой, второй бой и т. д., что не было характерно для этого типа повествования).

После «Великого посольства» Петру, видимо, пришлось, когда его сравнивали с Улиссом. В 1702 году молодой царь, по словам французского посланника при русском дворе, «решился завести в своем государстве все хорошие порядки и законы, которые он, как второй Улисс, видел и наблюдал во время своего путешествия по большей части Европы» [ДФП 1881, 20—21]. Это известие перешло позднее в «Историю» Гизена: «яко государь благоразумный, мудрый и добрый отец отечества <...> обычан, обыкновения и распоряжения, которые он государь видел и присмотрел, *как второй Улисс* во время своего путешествия в Европе <...>» [Гизен I, 121]. Возможно, фигура Улисса была важна для Петра и по другой причине: «Троянская история» заканчивается рассказом о возвращении Улисса, которому, как и Петру по возвращении из «Великого посольства», пришлось усмирять изменников.

Возможно, близость Троянской войны и войны со Швецией, которую вела Россия, виделась Петру и

в том, что обе они были начаты из-за нанесения лично-го оскорбления монарху. В «Троянской истории» первым толчком к войне становится непочтительное отношение троянского правителя к Язону, высадившемуся на берег неподалеку от Трои по пути за золотым руном. Важнейшей причиной Северной войны Петр называл оскорбление, нанесенное ему рижским губернатором на пути следования «Великого посольства»⁶.

«Троянская история» оставалась актуальной для Петра и около интересующего нас времени: летом 1709 года она была напечатана по личному указанию царя под заглавием «История <...> о разорении града Трои». На титульном листе книги помещен анонимный комментарий (автор комментария неизвестен, но Петр, который просматривал все издания, подготовленные к печати, был с ним, несомненно, знаком).

Комментарий сообщает: «Писана же <...> Дит грек, и фригий Дарий, истинные свидетели ополчения троянским, зане они сами бяху на бранях списатели и самовидцы бывшему в сложении дел своих. Сего ради право и написана ю. Потом же в различные времена, Омир, Виргилий и Овидий соломенский каждо их написана ю, но не истинно, многия бо в них несогласия и басни <...> А сия истинная и правая история Дитом греком написанная напечатана же словенски повелением царского величества».

Как мы видим, само определение жанра сочинения — «история» — значит здесь не «рассказ о чем-либо», а указывает на историческую достоверность этого сочинения (это история «истинная» и «правая»). Именно в этом качестве публикуемый текст противопоставлен сочинениям знаменитых авторов — Гомера,

Виргилия и Овидия. Но важно и другое: здесь назван и важнейший, с точки зрения комментатора, принцип составления «истинной» истории. История должна составляться непосредственно вслед за событием (те, кто писал «перво», противопоставлены баснословцам, писавшим «потом же и в различные времена»); ее авторы должны быть очевидцами и участниками события («истинные свидетели», «сами бяху на бранех», «самовидцы бывшему»).

В «Предисловии» к «Истории» Поликарпова автор рассказа о Троянской войне назван «Хомир греческий опыи острозрительный стихотворец» [Поликарпов, 5]. Скорее всего, десятилетнюю Троянскую войну упоминал сам царь. Поликарпов же допускает свою первую ошибку уже в «Предисловии»: вместо авторитетного источника он ссылается на сочинение «баснословца».

Показателен контекст, в котором Мусин-Пушкин сообщает Поликарпову об указе царя писать историю. Приведем несколько обширных фрагментов из этого письма:

«Федор Поликарпович, здравствуй, — обращается к своему подчиненному И. А. Мусин-Пушкин. — Новоправленных литер азбуку великий государь изволил смотреть и приказал, дабы всю азбуку, почав от аза до ижицы, напечатать. Да и старыми нововзданными литерами також напечатать азбуку. И обоими литерами „Отче наш“ напечатать. И не мешкая, присылай ко мне <...> *Календарь* на 709 год сыщи на немецком языке, и вели его перевести, и напечатать старыми нашими литеры, мелкою печатью, чтоб генваря с первого числа были в продаже <...> вельми сие дело надо б. А если не

исправлено будет, и то дело взыщется, кроме меня, на тебе. *Курциуша* вели, не мешкая исправлять и печатать. Сие дело есть угодно. Волкова переводу *книгу о войтах цесаря Юлия* вели печатать <...> *Историю* указал государь писать, почав от царства великаго князя Василья Ивановича, даже до днесь российских дел. И если ты сие можешь делать, то ты делай с прилежаньем; а будет тебе невозможно, и ты ко мне отпиши. А если сделаешь, примешь милость» [ИБПВ VIII, 938].

Перед нами целая идеологическая программа: кроме первого календаря, предполагается издать историю Александра Македонского («Курциуша», т. е. Курция Руфа⁷) и книгу Юлия Цезаря⁸. К ним следует добавить не упомянутую в письме «Троянскую историю», героями которой являются Язон и Улисс. Все перечисленные сочинения посвящены искусным и удачливым полководцам и должны были, видимо, составить исторический контекст победы Петра в «десятилетней» войне против Швеции.

Остановимся подробнее на вопросе о том, какого рода историческое сочинение должно было, по мнению царя, ознаменовать заключение мира.

Заглавие труда Поликарпова «История о владении российских великих князей вкратце, о царствовании же десятии российских царей, а наипаче всероссийского монарха Петра Алексеевича (тем именем) Первого <...>» определенно демонстрирует стройную историографическую схему, которая должна была определить уникальный статус Петра по отношению к его предшественникам (десятый и первый).

Если принять во внимание формулировку из письма Мусина-Пушкина («от начала царствования велико-

го князя Василия Ивановича»), то десять царей — если перечислять в обратном порядке — должны были быть: Петр Алексеевич (10-й), Иван Алексеевич — брат и соправитель Петра (9-й), Федор Алексеевич (8-й), Алексей Михайлович (7-й), Михаил Федорович (6-й), Василий Шуйский (5-й), Борис Годунов (4-й), Федор Иванович (3-й), Иван Грозный (2-й), Василий Иванович (1-й).

Представление о том, что история «российского государства» начинается с правления Василия Ивановича и венчается правлением «десятого» царя Петра, чувствительно трансформировало существовавшие историографические схемы. С одной стороны, Петр, требуя начать историю с Василия Ивановича, как будто забывал о ключевой роли великого князя Ивана III — «собирателя» земель; с другой — игнорировал хорошо известный факт: первым *царем* был Иван Грозный.

Петр хорошо знал и очень высоко ценил деятельность Ивана III. В «Уставе о порядке наследования престола» (5 февраля 1722 г.) Петр пишет о праве монарха отстранить одного наследника от престола и назначить другого: «Еще ж и в наших предках оное видим: когда <...> великий князь Иван Васильевич, и поистине великий не словом, но делом, ибо *оний расыпанное разделением детей Владимировых наше отечество собрал и утвердил*, который не по первенству, но по воле сие чинил и дважды отменял, усматривая достойного наследника, которой бы собранное и утвержденное наше отечество паки в расточение не упустил <...> перво — мимо сыновей отдал внуку, а потом оставил внука, уже венчанного, и отдал сыну свое наследство [о чем ясно из Степенной видеть возможно]».

И далее царь приводит подробные выписки из Степенной книги: «В лето 7006, февраля в 4 день. Князь великий Иван Васильевич учинял по себе наследника, внука своего Димитрия Ивановича, и венчан был на Москве на великом княжении княжеским венцом митрополитом Симоном. А в лето 7010, апреля в 11 день. Великий князь Иван Васильевич разгневался на внука своего князя Димитрия и не велел его поминать в церквах великим князем и посадил его за караул. И того ж апреля в 14 день учинил наследником сына своего Василия Ивановича, и венчан был оным же митрополитом Симоном» [Воскресенский, 175]. Так же высоко Петр оценивал и деятельность Ивана Грозного (примеры этого мы уже встречали, когда Петр выстраивал параллели между Ливонской войной и своими действиями против Карла XII). То есть царь, выбирая в качестве точки отсчета именно правление Василия Ивановича, ставит перед Поликарповым задачу построения исторической концепции особого рода.

Федор Поликарпов не «угадал» замысла Петра: в своем сочинении он, в соответствии с традицией, начинает отсчет с «первого всероссийского Богом венчанного царя Иоанна Васильевича», а недостающим в этом случае десятым царем делает сына Бориса Годунова «царя Федора» [Поликарпов, 2].

Как мы видим, в начале ряда правителей Петр хочет видеть сына императорской принцессы Софьи Палеолог Василия Ивановича. Такое переосмысление истории России не было простым составлением новой книжной (словесной) версии известных, например, по Степенным книгам событий. Некрополь Архангельского собора в Кремле давал зримую историю московско-

го великокняжеского и царского дома. Официальная история такого рода, в отличие от книжных сочинений, не требовала доказательств и не могла вызывать сомнений. В Архангельском соборе были похоронены все цари, кроме Бориса Годунова, тело которого с 1606 года покоилось в Троицкой лавре⁹, надгробные надписи воспроизводили титул великого князя или царя, указывали точную дату «преставления», иногда сообщали дополнительные сведения о погребении (например, историю перенесения тела Василия Шуйского из Польши) или принимали форму пространного некролога (надгробие Федора Алексеевича).

Надгробие Василия Ивановича имело надпись: «В лето 7042 (1533) декабря в 4 преставился благоверный и христолюбивый князь великий *Василий Иванович всея Руси*, во иноцех Варлаам» [Генеральное местоположение, 223]. На надгробии же Ивана Грозного уже указано на его царское достоинство: «Лета 7092 (1584) марта в 19 день на память святых мученик Хрисанафа и Дарии преставился благоверный государь *царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси*, а во иноцех Иона» [Генеральное местоположение, 224]. Однако надпись надгробия Василия Ивановича, видимо, не противоречила, с точки зрения Петра, замыслу сочинения, заказанного Поликарпову.

Василий Иванович упоминается в ряде документов Петровской эпохи как первый носитель императорского титула. В 1718 году была издана «Грамота императора Максимилиана». «В посольской канцелярии в Москве при разборе старинных архив или дел и писем¹⁰, — гласило пространное заглавие этого издания, — найдена грамота подлинная его цесарского ве-

личества римского Максимилиана, за его собственною рукою и печатью златою 1514 году, писанная на немецком старинном языке к *царю и великому князю всероссийскому, Василию Ивановичу*, ко отцу царя Иоанна Васильевича, которого помянутой цесарь в той грамоте своей титуловал *цесарем всероссийским*; и понеже она яже вещь древняя и курьезная, и ко утверждению беспрекословному того *высокого достоинства за только уже лет первой градус имеющего монарха воздаваемая* <...>». Василий Иванович назван в этом документе «царем и великим князем», а также первым монархом, которого император Священной Римской империи титуловал «цесарем всероссийским». В этом статусе Василий Иванович имеет «первый градус» или первый «степень» как император (является первым императором на российском троне).

Можно с достаточными основаниями предположить, что Петр заказывал Поликарпову историю, которая должна была открываться правлением императора Василия Ивановича и заканчиваться правлением императора Петра.

О публикации «Грамоты Максимилиана» французский посланник де Лави сообщал своему правительству 20 мая 1718 года, то есть сразу же по публикации грамоты: «При поисках в архивах найдено письмо покойного императора Максимилиана, написанное 209 лет тому назад, в котором этот монарх дал *царю Василию Ивановичу, коронованному в 1505 г.*, титул императора и приглашал его заключить с ним союз. Копия с этого документа будет выдана иностранным министрам. Письмо это было найдено братом вице-канцлера Шафирона, состоящим секретарем при московской канце-

лярии» [ДФП 1881, 340]. Почти в тех же словах о грамоте сообщает англичанин Вебер: «Тайный секретарь Шафиров, брат вице-канцлера, при разборе находящихся в архиве Русской канцелярии в Москве дел, нашел связку с письмами императора Максимилиана 1-го к русскому царю *Василию*, в котором Максимилиан дает Василию титул императора. Письмо это ЕЦВ велел показывать в подлиннике всем и каждому» [Вебер, 1654].

Очевидно, что иностранные посланники не только получили это издание, но им были даны и устные разъяснения к нему: де Лави указывает на год коронации Василия (даже если он подразумевает вступление на престол¹¹) и на брата вице-канцлера Шафирова, отыскавшего этот документ. Вице-канцлер Петр Шафиров традиционно вел французские дела и регулярно встречался с французскими посланниками — сначала с де Лави, а потом с Капредоном. Видимо, именно Шафиров сообщил французскому посланнику о грамоте. Кроме того, де Лави сообщает, что грамота Максимилиана написана 209 лет назад: если в 1718 году ему была сообщена эта цифра, то Петр определенно считал, что 1708 год, когда он заказывает Полликарпову «Историю», которая должна начинаться правлением первого императора в России, отделяло от грамоты Максимилиана ровно двести лет.

И при публикации грамоты, и в отчете французского посланника подчеркнут элемент непреднамеренности поисков и неожиданности находки. В это трудно поверить. Скорее всего, Шафиров организовал поиски этого документа по указанию Петра, но еще более вероятно, что 1718 год показался Петру достаточно

благоприятным в дипломатическом отношении моментом, чтобы заявить о своих притязаниях на императорский титул.

«Грамота Максимилиана» была широко известна по популярному сочинению Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии», которые переиздавались десятки раз на латыни и ряде европейских языков.

Петр определенно знал об этом сочинении. Книга Герберштейна была, например, у Андрея Виниуса. В роли «идеолога» при молодом Петре мы видели Виниуса во время организации триумфа по взятии Азова. В 1718 году библиотека Виниуса была куплена царем, и Петр становится владельцем «Записок о московских делах» Герберштейна [Лушков, 237], что совпадает по времени с изданием «грамоты Максимилиана».

Но Петр знал о сочинении Герберштейна и раньше. В 1709 году Феофан Прокопович произносит в присутствии Петра «Слово похвальное о преславной над войсками своей победы». Здесь он прямо ссылается на записки Герберштейна («в своем на Москву посольстве написал *Герберштейн*») [Папегирическая литература, 186]. В 1717 году в «Слове» на Полтавскую победу Феофан снова вспоминает сочинение Герберштейна, на этот раз по поводу событий, которые часто вспоминал и Петр: «Граф *Герберштейн*, бывший посол к России от Максимилиана кесаря, увещевает Германию, дабы опасна была от России и не показывала бы нам способов военных» [Папегирическая литература, 211].

Сигизмунд Герберштейн был царским посланником при дворе Василия Ивановича, вел переговоры о военном союзе и был осведомлен о «грамоте Максимилиана» намного лучше своих современников.

В 1555 году Иван IV использовал грамоту для доказательства своего права на титул царя. Герберштейн в «Записках о Московии» счел необходимым оправдать действия своего монарха, попутно остановившись на вопросе о титуле московских государей.

Во-первых, Герберштейн подтверждает, что Василий именовал себя «царем». «Василий Иванович, — пишет он, — присвоает себе титул и имя *царское*». Речь здесь идет о том, что старший сын Ивана III и Софьи Палеолог, в крещении Гавриил, придя к власти после смерти отца, стал называть себя Василием. Значимость имени Василия Ивановича специально оговаривалась и в русских источниках: это был круг идей, знакомых Петру с детства. Дьяк Федор Грибослов¹², например, называет Василия «царственноимянитый». Пояснение к такому определению Грибослов дает в главе о киевском князе Владимире (Василии в крещении): «сугубо имянитый *владыческо* и *царско* звание имея, и о том объявлено в Степенной книге в I-й же степени сие: владыческо имя преименито есть всякому имени, понеже един Бог влады миром видимым и невидимым и всею тварию. Дивно есть имя „Владимир“ божияго звания тезоименитое наречение <...> И во святом крещении сугубо *тезоименитство царского звания приобрете, нареченно бысть ему по греческу языку Василий*, а по русскому языку Василий толкуется *царь*, — и по сему образу он сугубо имянитый и бысть яко владыческо и царско звание имея» [Грибослов, 9].

«Кроме того, — продолжает Герберштейн рассказ о Василии Ивановиче, — все его толмачи именуют его императором». Над тем, что «одни и тот же называет себя и царем, и императором», Герберштейн пропизиру-

ет и связывает этот парадокс с «неверным пониманием слова» — близостью по звучанию слов «царь» и «цесарь» [Герберштейн, 74—75]. Далее, Герберштейн дает пояснения в связи с грамотой Максимилиана: «Некоторые знатные мужи не усомнились обратиться ко мне с заявлением, более того, даже с упреком за то, что именитый государь Московии обыкновенно ссылается на грамоты блаженной памяти императора Максимилиана, в которых будто бы дарован царский титул отцу его Гавриилу, пожелавшему впоследствии изменить имя и называть себя Василием, и что будто бы он утверждает, что эти грамоты привез к нему я. <...> Максимилиан, разумеется, признавал для себя важным быть в союзе с московитом, постоянным врагом литовцев и поляков <...> однако он никогда не даровал ему имени царя» [Герберштейн, 75—77]. То есть наличие «грамоты Максимилиана» Герберштейн авторитетно отрицает.

Наконец, автор «Записок о Московии» подчеркивает, что Василий не нуждался в получении титула от кого-либо, поскольку был уверен в своем превосходстве над всеми государями. «Да и зачем московиту, — пишет Герберштейн, — просить у императора Максимилиана этот титул, если он еще прежде каких-либо сношений между ними хотел показать себя не только равным ему, но даже и высшим» [Герберштейн, 77].

Конечно же, ни Петром, ни его предшественниками грамота Максимилиана не рассматривалась как документ, свидетельствующий о том, что царский или императорский титул был *дарован* Василию Ивановичу: это было только свидетельство дипломатического признания титула за великим князем Московским. Заметим, что после формального объявления Петра императо-

ром в 1721 году в переговорах о признании нового титула, например, Францией Шафиров ссылался не только на грамоту Максимилиана, но и на другие документы. 21 ноября 1721 года французский посланник Кампредон писал в донесении: «Шафиров сказал <...> что царь, соизволяя на просьбу русских государственных чинов принять титул императора всея России, *который и прежде носили его предки; что это не есть нововведение*, т. к. император Максимилиан I, еще более 100 лет тому назад, давал этот титул Царю Василию Ивановичу, а короли испанский и английский и венецианская республика таким же точно образом и в настоящее время титулуют его самого. Шафиров велел принести оригиналы буллы Максимилиана и писем упомянутых государей» [ДФП 1884, 338]. 2 февраля 1722 года Кампредон возвращается к этой же теме: «Шафиров <...> объяснил, что говорит о трех письмах покойного короля Людовика XIII, в которых царю присваивается титул императора» [ДФП 1885, 34].

Как мы видим, в центре внимания Петра находится вопрос о признании, а не о получении или передаче титула. Добиться возвращения утраченного в международных отношениях права называть себя императором было задачей, аналогичной возвращению утраченных в начале XVII века земель Ингрии. Именно поэтому вопрос о титуле императора Петр намеревался поднять по окончании войны со Швецией, когда право на утраченные земли будет окончательно утверждено за Россией. К моменту окончания войны, который Петр после победы при Лесной относил к 1710 году, должна была быть напечатана история императорского правления в России, сочинение которой было поручено Поликарпову.

Генералиссимусе Фридрих Преншурекский

Неизгладимое впечатление на Петра произвело посещение Вены во время «Великого посольства». «В Москве царский двор почитался неизмеримо выше прочих, — пишет М. М. Богословский. — И у Петра при встрече с Леопольдом заметно то же чувство. <...> Петр принимал все эти знаки отношения высшего к низшему, не выражая не только возмущения, но даже и просто какого-либо неудовольствия. В его чрезмерно почтительном отношении с императором, которому он низко кланялся и у которого готов был целовать руку, сказывалось не только чувство почтения молодого человека к старому — Леопольду шел 59-й год, но именно чувство уважения к нему как к первому из монархов. Это чувство видно и во всем поведении Петра в Вене. Везде в других местах: в Бранденбурге, в Голландии, в Англии он проявлял свой нрав и давал волю своим причудам <...> Ни о каких причудах или странных выходках не слышим из Вены, хотя за Петром следили здесь не менее зоркими глазами [Богословский I, 473—474].

В честь Петра император дал праздник «Wirthschaft». Венецианский посол Рудзини записывал: «На ближайший понедельник готовится при дворе большой и необычный праздник, который не давался уже двадцать лет и который император предполагал не возобновлять из-за его великолепия и общих расходов до окончания войны с турками. Увеселение будет состоять из ужина и бала; кавалеров и дам будет более 120, все наряженные в разнообразные костюмы, представляющие различные нации и украшенные несмет-

ными драгоценностями». Праздник был назначен на 11 июля. Петру заранее был сообщен список костюмов, и он выбрал наряд «фрисландского крестьянина или фрисландского корабельного капитана» [Богословский II, 513—514].

Такого рода маскарад имел при венском дворе вполне определенное значение. Еще Максимилиан предпринял самые скрупулезные генеалогические изыскания и обнаружил, что среди его предков были более ста христианских святых, а также израильские цари, герои Троянской войны, Римские императоры и даже боги древнего Египта [Таппер, 103]. К 1512 году относится знаменитая триумфальная процессия, подготовка которой, а потом и составление подробного иллюстрированного описания проходили под наблюдением самого Максимилиана. В описании процессии находим изображение искусно украшенных колесниц, в которые были впряжены быки, олени, лошади, мулы и верблюды. За ними следовали турки, «богемцы», венгры и другие представители подданных императору народов, а также народов, которые некогда были подданными предков императора. В самом конце процессии верхом на слонах, одетые в перья, следовали жители Индии. Подпись в описании указывала, что император завоевал далекие «калькуттские народы». Это маскарадное шествие призвано было «представить» реальную и условную географию империи [The Triumph of Maximilian I, 99—100 и др.].

При Леопольде, императоре, гостем которого был Петр, традиции торжеств времен Максимилиана поддерживались с подчеркнутым рвением. Так в 1667 году Леопольд вступает в брак с Маргаритой Марией Тере-

зей, дочерью Филиппа IV. Торжества продолжались всю зиму. В их числе, например, был четырехчасовой балет, где император исполнял центральную роль: в храме бессмертия были помещены конные фигуры 15 императоров австрийского дома и портрет Леопольда как 16-го; а за колесницей славы следовали покоренные народы (индийцы, татары и т. п.) [Wheatcroft, 188—189]. Идеология империи, как мы видим, строится в торжествах такого рода на пересечении истории империи и ее географии (при этом и история, и география могут быть в значительной степени условными).

Здесь же в Вене Петр мог познакомиться с историческими упражнениями Леопольда, который подчеркивал их связь с начинаниями Максимилиана. При Леопольде были изданы десятки сочинений исторического и панегирического характера, посвященные дому Габсбургов. История династии, написанная за сто лет до того, появилась в роскошном издании в 1682 году. В большом количестве публиковались документы, подтверждающие древность происхождения Габсбургов: Леопольд планировал издать 25-томное собрание документов (появилось 8 томов). При нем же сложилась традиция украшения фронтисписов книг династическими символами. Эта традиция, как указывает биограф Леопольда, «была именно австрийским явлением» [Wheatcroft, 196]. При Петре, как известно, практически все фронтисписы были украшены династическими и государственными символами.

Условная имперская география интересовала молодого царя значительно меньше, чем история, однако маскарад после посещения Вены становится для него излюбленной формой придворного праздника (по всей

видимости, он имел для Петра значение именно имперского торжества). Праздник в Вене Петр вспоминал с удовольствием. Так, например, по возвращении в Москву на пиру у Лефортова, как сообщает секретарь царского посольства Корб, «царь с веселым видом присутствовал при пляске и, в доказательство особенной любезности, приказал музыкантам играть те самые пьесы, под какие он плясал у своего, как он выразился, «любезнейшего господина брата», то есть царь вспоминал о том бале, который дан был императором в честь его пресветлейших гостей» [Корб, 90].

Мы помним, что празднование Ништадтского мира (первое «имперское», состоявшееся непосредственно после объявления Петра императором) как в Петербурге, так и в Москве завершилось маскарадом. Петр на маскараде представлял корабельного барабанщика, при этом был в костюме «фризского крестьянина» [Берхгольц II, 170]. Петр, как мы видим, даже выбрал тот же костюм, что и в Вене.

Еще до посещения Вены Петр делает Ф. Ю. Ромодановского «князь-кесарем» (т. е. цесарем или императором).

В 1691 году при непосредственном участии Петра была составлена шуточная реляция о потешных маневрах под названием: «Описание великаго и страшнаго бою, который был в нынешнем 200 году октября в 6 и в 7 и в 9 числах у его пресветлейшего генералиссимуса *Фридриха* Ромодановского». Заключается же рассказ о «страшном бое» сообщением, что Фридрих «все войско приказал распутить в дома свои, и сам его пресветлейшество изволил идти того ж числа в *стольный свой город Преиштур*» [Устрялов II, 487, 520]. Здесь Ромода-

новский выступает только как генералиссимус, хотя и имеет свой «стольный град».

Довольно скоро Ромодановский становится шутовским «кесарем», а Петр разыгрывает его подданного. В 1695 году царь пишет ему письмо из первого Азовского похода: «Письмо вашего пресветлейшества, государя моего милостливого, в *стольном граде Преиштурхе* мая в 14 день писанное, мне в 18 день отдано, за которую вашу государскую милость должны *до последней капли крови своей пролить*. <...> *Всегдашний раб пресветлейшего вашего величества бомбардир*» [ПБПВ I, № 37].

На то, что Ромодановский должен был представлять именно императора Священной Римской империи, указывает целый ряд деталей.

Во-первых, имя «Фридрих» отсылает к двум Фридрихам, стоявшим у истоков дома Габсбургов. «Существовала легенда, что Фридрих II, как и Фридрих I (Барбаросса), — указывает современный исследователь, — не умер, а только уснул, что его гробница пуста, а сам он ждет только часа, когда настанет пора ему вернуться и установить золотой век. По этой легенде, император Фридрих сидит на своем троне под горой в Турингнии. Эти легенды строили архетипический образ императора, который носит славное имя Фридрих и правит всем миром и всеми королями» [Wheatcroft, 69]. Довольно трудно судить о том, были ли известны Петру все эти детали (хотя было бы заманчиво увидеть во «Фридрихе» Ромодановском такого «возродившегося» Фридриха, который правит всеми монархами и подданным которого с готовностью называет себя Петр). Однако с уверенностью можно говорить, что имена самых

чинствовать, опын бить, не смотря какой бы он фамилии ни был» [ПСЗРИ V, № 2937].

¹⁵ Приведем только несколько примеров: «Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуфендорфия <...> Ныне же повелением великого государя царя, и великого князя Петра I, Всероссийского *императора*, на российский с латинского переведенное» (СПб., 1718); «Земноводного круга описание. Из старой и новой географии по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное, и на немецком диалекте в Лейпциге напечатано. А ныне повелением великого государя царя и великого князя Петра I, Всероссийского *императора* <...> напечатано» (СПб., 1719); «О возношении имени патриаршего в церковных молитвах <...> повелением царского святейшего величества Петра I, Всероссийского *императора*» (СПб., 1721); «О браках православных лиц с иноверными, рассуждение. <...> Напечатано повелением царского величества, Петра I, Всероссийского *императора*» (СПб., 1721); «Благодатию и милосердием человеколюбца Бога. Тицанием же и повелением, Богом данного и Богом умудренного государя нашего, царя и великого князя Петра I, Всероссийского *императора* <...> Уставленный в святой православной Российской церкви, Духовный синодальный или Синод» (СПб., 1721) и др.

¹⁶ М. Алексеева пишет о нем: «Портрет Петра I — представляет загадку. Петр изображен в пышном костюме, большом парике и шляпе с перьями. <...> Портрет поступил в Публичную библиотеку в Петербурге от коллекционера А. Я. Лобанова-Ростовского около 1861 г. и вызвал реакцию в прессе — о нем писали В. В. Стасов, П. Н. Петров, П. П. Пекарский. Удивление вызвал костюм царя. Петр никогда не носил парика и большой шляпы, ничего подобного нет ни на одном его изображении. Сомнительна также надпись <...> наименование „император“, возможное после Полтавской победы, не существовало в 1703—1705 гг., когда мог быть исполнен портрет. <...> Между тем в первой четверти XVIII в. существовал портрет Петра небольшого размера. Архивные документы показывают, что в Санкт-Петербурге продавалось несколько по-

третов Петра I, не дошедших до нашего времени» [Алексеева, 46]. Оба аргумента — костюм Петра и императорский титул — не являются абсолютными. Костюм Петра на гравюре может быть столь же условен, как, например, римское одеяние. Кроме того, этот костюм довольно точно повторяет одежду персонажей на гравюре Шхонебека «Осада крепости Ламерик в 1692 г.». Наконец, образом для гравюры могло послужить известное изображение Людовика XIV, а зная интерес и уважение Петра к этому монарху, можно допустить, что образец был выбран по желанию царя. Что касается титула, то подпись на гравюре Шхонебека 1700—1701 гг. не противоречит другим ранним случаям наименования Петра императором.

¹⁷ «Речь, которая публично в церкви царскому пресветлому величеству от Синода и Сената говорена вице-президентом св. Синода архиепископом повгородским Феодосием 22 октября 1721 года при поднесении императору титула: Отец Отечества, Петр Великий, император Всероссийский» [Гаврилов, 145; Быкова, Гуревич 1955, № 655; издание не сохранилось].

¹⁸ Пештич объясняет охлаждение Петра к сочинению Гизена тем, что после дела царевича Алексея бывший учитель осужденного наследника не мог вызывать доверия у царя [Пештич, 156]. В этом случае охлаждение следует отнести к 1717—1718 гг., однако, как мы видели, план нового исторического сочинения был у Петра уже в конце 1715 г.

¹⁹ Здесь Петр допускает неточность. — Борис и Глеб были убиты после смерти Владимира.

²⁰ Показательно, что среди книг Петра хранились две рукописи, по которым можно было учиться управлять «всякими царствами»: «Писание вин или причин, кои к разорению всяких царств приходят» и «Описание причин гибели и процветания царств по сочинениям древних философов» [Боброва, № 217, 219].

²¹ С 1721 г. Петр работает над «Гисторией» регулярно. Так, в расписании занятий, которое было составлено царем 31 октября 1721 г., значилось: «Понедельник, вторник, среда, четверг — делать устав адмиралтейский. Пятница — в Сенат, суб-

отнее утро — историю о войне, воскресное утро — чужестранные дела» [Воскресенский, 94].

²² Эта поправка показательна: Петр намеренно помещает в начало «Истории» список нововведений, не имеющих прямого отношения к военным действиям, а потому стремится избежать указаний, которые можно было бы интерпретировать как простую подготовку к войне.

²³ Существует тенденция относить эти слова Гавриила Бужинского к Полтавской битве, но это неверно.

²⁴ Можно полагать, что Ломоносов, говоря о Петре «Простер в работу руки», не только напоминал читателю о склонности царя принимать в любом предприятии непосредственное участие, но и отсылал к упомянутому у Гавриила Бужинского эпизоду молитвы Моисея.

Часть III КОНЕЦ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Верхняя граница Петровской эпохи может быть отнесена к различным хронологическим рубежам.

Сумма букв в словах «Божею милостию, Петра велением, Екатерина Алексеевна императрица Российская» (такова была одна из надписей в коронационном фейерверке 1724 г.), как сообщали «Ведомости» от 17 марта 1725 года, равна 1725 (если считать по порядковому номеру каждой буквы в алфавите). В этом году Екатерине было предначертано судьбой взойти на престол, и судьба ее, полагал составитель статьи в «Ведомостях», была решена в день коронавания: именно тогда россиянам было указано свыше, что правление Петра приближается к своему концу.

Но значительно чаще концом Петровской эпохи считают январь 1725 года, когда скончался император, или даже конец правления Екатерины I, за которым последовали падение Меншикова, переезд двора в Москву и усиление противников петровских преобразований.

Прусский посланник Мардефельд, внимательно следивший за всем, что происходило в России после кончины Петра I, считал, что за смертью императора

никаких серьезных политических и дипломатических изменений не последовало и не последует. 9 августа 1727 года он доносил: «Приедет ли старая царица (Евдокия, мать царевича Алексея и бабка Петра II. — *Е. П.*) или нет, умрет ли князь Меншиков или нет, — это все-таки не произведет ни малейших изменений в настоящем образе правления <...> Ибо ни вельможи этого государства, ни пация несколько не намерены лишиться хоть малейшей части славы или завоеваний своей родины» [Мардсфельд, 375—376]. Возвращение к старине, по мнению Мардсфельда, невозможно, вне зависимости от того, окажется у власти царица Евдокия Лопухина или всем по-прежнему будет заправлять Меншиков.

Мнение Мардсфельда можно распространить и на придворную культуру: ни при какой расстановке сил возвращение к тем формам придворного быта, которые существовали при Алексее Михайловиче, не было возможным. И тем не менее «новые» и определенно «антипетровские» тенденции в сфере официальной культуры можно заметить уже при Екатерине I.

Глава I Екатерина I

Траурный 1725 год

Петр умер 28 января 1725 года. Болезнь, смерть и погребение императора были подробно описаны в двух современных событиям сочинениях: в официальном «Описании порядка, держанного при погребении <...> Петра Великого» и так называемой «Краткой по-

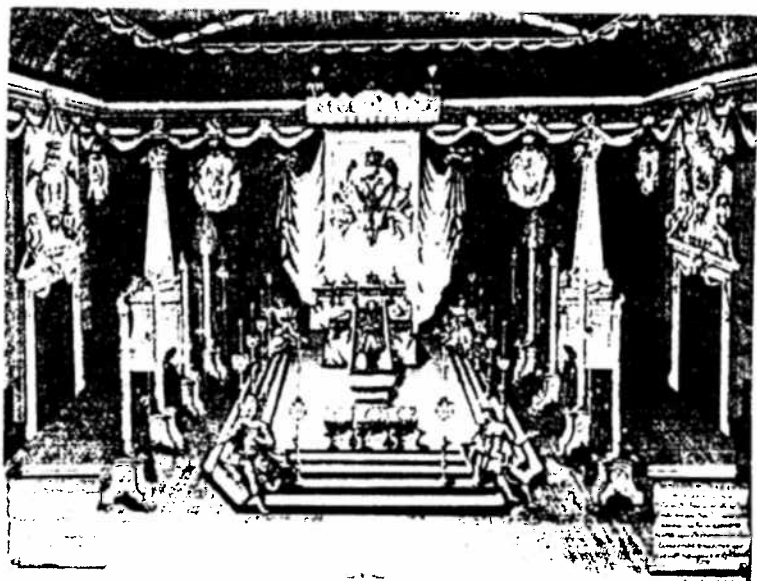
вести о смерти Петра Великого» Феофана Прокоповича. Обо всем, что происходило в России в начале 1725 года, иностранные посланники, находившиеся в Петербурге, подробно рассказывали в донесениях своим дворам.

В самое последнее время погребению Петра было посвящено несколько очерков [Анисимов 1994, 51—60; Wortman, 75—78; Hughes 1998, 262—264].

Погребение Петра, как подчеркивают исследователи, не было традиционным. В «московский» период похороны царя назначались на день смерти или на следующий день и имели чисто религиозный характер. Именно такими уже при Петре были похороны царя Ивана Алексеевича 30 января 1696 года и царевны Татьяны Михайловны 24 августа 1706 года (в последнем случае традиция была нарушена только тем, что члены Сената явились в черных траурных одеяниях). Тело Петра I, вопреки существовавшей традиции, было выставлено в «печальной зале» уже 28 января, где и находилось вплоть до погребения, назначенного на начало марта. Кроме того, украшения «печальной залы» и похоронная процессия были посвящены светской тематике — имперской и военной по преимуществу (ил. 33, 34) [Wortman, 76; Hughes 1998, 263—264].

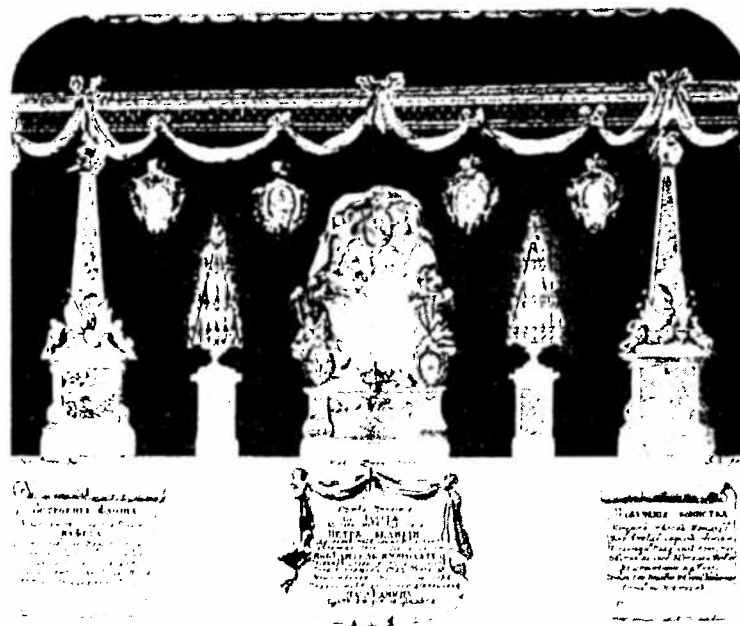
К этим наблюдениям можно сделать небольшие дополнения. Срок похорон еще ранее был предметом специальных размышлений Петра. 2 декабря 1723 года царь внес в записную книжку: «Чтоб ранее не хоронить трех дней» [Воскресенский, 136]¹. Петр, как мы видим, намеревался ввести по крайней мере трехдневный срок с момента смерти до похорон для всех классов населения, включая, разумеется, и членов царской семьи.

Что же касается самого погребения членов царской семьи при Петре, то здесь следует выделить похороны Марфы Матвеевны², подробное описание которых сохранилось в «Записках» Вебера. «14 января, — пишет Вебер, — скончалась вдовствующая царица, супруга царя Федора Алексеевича (сводного брата настоящего царя). <...> Хоронили ее в вечерние сумерки с большим великолепием. От ее печального дома до церкви было расстояние с небольшую четверть мили, и весь этот путь по льду уставлен был двойным рядом факелов, между которыми и совершалась процессия. Богатую

33. А. И. Ростовцев. Вид погребальной залы Петра I. 1725

корону, всю усеянную драгоценными камнями, нес тайный советник Толстой, а гроб и провожатых (числом более 500, из которых 200 были в похоронных плащах), везли на санях. Тело, по совершении над ним последнего погребального обряда, погребено в новой царской усыпальнице в крепостной церкви, где таким образом покоятся вместе сын и две дочери ЕЦВ, и сия последняя царица. На этих похоронах впереди тела шло все русское духовенство» [Вебер, 1342—1343].

34. С. М. Коровин. Оформление стены погребальной залы Петра I. 1725

Как мы видим, похороны царицы Марфы Матвеевны уже содержали ряд элементов, которые мы встречаем при погребении Петра. Вебер упоминает «печальный дом», из которого тело царицы было торжественно перенесено в церковь. Неизвестно, как этот «печальный дом» был украшен и какого рода ритуалы в нем совершались, но определенно можно говорить, что тело царицы, как позднее и Петра, до перенесения в церковь было выставлено здесь. Царская корона, которую нес во время похорон граф Толстой, указывает на то, что Петр стремится подчеркнуть династическое и политическое значение ритуала. Наконец, траурные плащи и факелы, которые Петр использовал и до 1715 года при организации похорон представителей военной элиты (в большинстве иностранцев), также будут иметь место в погребальной процессии Петра I.

В «Краткой повести о смерти Петра Великого» Феофан Прокопович писал, что Яков Брюс «принял на себя труд о устроении погребения императорского <...> по обычаю прочих в Европе государств» [Краткая повесть, 237]. Следуя указанию Феофана, Ричард Вортман подчеркивает, что «Брюс берет за основу образец, который был выработан самим Петром для погребения генералов (Речь идет о похоронах генералов Франца Лефорта и Патрика Гордона в 1699 г. — Е. П.) и дополняет его элементами, заимствованными из европейского королевского церемониала» [Wortman, 76]. Учитывая похороны царицы Марфы Матвеевны, можно утверждать, что ритуал погребения Петра I не был изобретен Брюсом, Брюс взял за основу погребение царицы, одобренное, если не самостоятельно разработанное, самим царем.

Черные траурные одежды участников процессий при погребении Татьяны Михайловны и Марфы Матвеевны также не были абсолютным новшеством. Они использовались при Петре и ранее, например, во время похорон Франца Лефорта. «Его величество, — пишет Гизен, — вел те три полка сам, и был в черном платье, а у офицеров ружье и знамена перевязаны были черным флером» [Гизен I, 114]. Использование черного платья в связи со смертью царя, как кажется, не является простым распространением при Петре практики, известной в России по похоронам иностранцев, на членов царской семьи. Во время пребывания в Вене русского посольства в 1696 году умер царь Иван Алексеевич. Слухи о смерти царя дошли в Вену довольно быстро, однако никаких официальных сведений и распоряжений из России посольство не получило. Глава посольства Козьма Нефимов в связи с этим писал в Москву: «Спрашивали: есть ли к нему посланнику указ о преставлении блаженной памяти <...> царя и в<сли>кого князя Иоанна Алексеевича <...> цесарю объявить? А у двора де, чрез <...> посланниково объявление, ожидают: и стал бы де цесарь в печальном одеянии ходить». Однако ответ задерживался, поэтому «платинько свое и дворяне, и все государевы люди переменили, и <...> учали ходить в черном. А переменил посланник платинько, не дождався о том из Посольского приказу <...> указу для того, что ему в том зазирали» [ПДС, 87]. Траурные одежды, как мы видим, использовались в дипломатической практике в соответствии с нормами европейских дворов.

Наконец, говоря об ориентации устроителей погребения Петра на практику европейских дворов, Ричард

Вортман подчеркивает, что к шведской традиции можно отнести участие в процессе большого количества военных, к французской — сорокадневный интервал со дня смерти до дня похорон монарха [Wortman, 76].

Последнее наблюдение Ричарда Вортмана кажется неточным. Еще И. И. Голников ошибочно указал, что погребение Петра I приходилось не на 10, а на 8 марта [Голников X, 151]. С. М. Соловьев, опиравшийся в своем рассказе о погребении Петра на сочинение Голникова, повторил эту ошибку [Соловьев XVI, 562]. Опираясь на это известие, И. П. Еремин предложил даже считать указание «марта 10 дне» в «Слове на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича опечаткой и исправить его на «марта 8 дне» [Феофан Прокопович, 126]. О том, что погребение происходило именно 10 марта, пишет не только Феофан [Краткая повесть, 238], на эту дату указывают в своих донесениях иностранные посланники. Так, Кампредон, например, писал 24 марта 1725 года: «В прошлую среду, 21 сего месяца (10-го по старому стилю. — *Е. П.*), происходило перенесение тел покойного царя и принцессы Натальи, дочери его» [ДФП 1887, 62]. Примеры можно умножить. На 10 марта указывает и целый ряд официальных документов. По подсчетам Ричарда Вортмана, который относит погребение Петра к 8 марта, тело императора было выставлено в «печальной зале» 40 дней (и этот срок находит соответствие во французской традиции). Но церемония погребения имела место только 10 марта, следовательно, срок был на два дня длиннее.

Приведенные уточнения ни в коей мере не отменяют основных выводов Ричарда Вортмана и Линдси

Характер относительно характера и генезиса церемониала, разработанного для погребения Петра I. Однако для нашего рассуждения важно было подчеркнуть, что Яков Брюс, работая над планом погребальной процессии, опирался на опыт, с одной стороны, практики организации торжественных шествий различного рода, ставшей при Петре неотъемлемой частью столичного быта, с другой — погребения лиц царской семьи и высших сановников, которые уже в самом начале XVIII века заметно отличались от традиционных.

На деталях организации траурного шествия и самого погребения далее мы не станем специально останавливаться. Погребение Петра будет интересовать нас в иной перспективе — в перспективе организации траура в целом и той системы мемориальных мероприятий, которые должны были, наряду с похоронным церемониалом, увековечить память почившего монарха. Они составляли самостоятельный цикл в рамках придворного календаря 1725 года и были первым шагом к его переосмыслению и трансформации.

Утром 28 января 1725 года население Санкт-Петербурга было оповещено о смерти монарха «печальным звоном» [Краткая повесть, 237]³. Первый указ новой императрицы Екатерины I, изданный в тот же день, гласил: «Во всей Российской империи, как в градских и уездных церквях, так и в монастырях при вседневных службах <...> государя нашего Петра Великого императора и самодержца Всероссийского, помнить, от получения в каждом месте указа, целый год, и впредь поминование с прочими преставившимися Российскими государями творить по церковному чиноположению» [ПСЗРИ VII. № 4644]⁴. Формальный траур в Петербур-

те должен был продолжаться до 28 января 1726 года (в отдаленных губерниях, где указ был получен позднее, начало и конец траура, в соответствии с указом, отодвигались). Важной на этом этапе оказывается, как мы видим, протяженность траура, а не приуроченность его к конкретной дате: траур еще не получил «календарного» значения.

Форма траура была определена только 10 февраля, когда было издано «Объявление ко известию всем о уборах, каковы употреблять при нынешнем печальном случае» (СПб., 1725). «Царица, — доносил Кампрелон, — приказала обнародовать распоряжение, повелевающее *всем одеваться в черное*, а высшим сановникам, до генерал-лейтенантов включительно, *обтянуть черным по две комнаты в своих домах*» [ДФП 1887, 25]⁵. Но еще 30 января Лефорт писал о том, что вещи, необходимые для траура, трудно достать в Петербурге. «Царский двор и двор герцога Голштинского, — доносил он, — забрали все, что было в магазинах, почему все стоит теперь очень дорого. Иностранные министры хлопочут о траурных экипажах и ливреях своей прислуги, хотя нам еще не объявили ни о смерти, ни о порядке траура» [Лефорт, 401].

Феофан Прокопович в своей повести очень кратко останавливается на событиях, предшествовавших погребению. 29 января, указывает он, была подготовлена зала: было сделано возвышение («амвон»), его покрыли «кармазинным бархатом и золотыми коврами». На амвоне «был поставлен одр, золотою парчею посланный, под зело богатым балдахинном». Стены первоначально были украшены шпалерами, «на которых некие чудеса Христовы зело искусным мастерством истканы». Одна-

ко шпалеры поменены были здесь «на малое время токмо, понеже скоро потом черным сукном все убрано было» [Краткая повесть, 238].

К телу был открыт доступ для всех желающих. «Положену тако суцу телу его величества, — пишет Феофан, — *позволен и всему обществу вход* с последним к государю своему целованием: отворена была палата всем, даже до погребения и по все дни множество людей <...> стекалось <...> плачуще и руку своего государя целующе» [Краткая повесть, 238]. Посещение, как сообщает Лефорт, было разрешено «с утра до четырех часов пополудни» [Лефорт, 402].

Когда именно «печальная зала» была декорирована заново, Феофан не сообщает. 2 февраля шпалеры еще не были убраны. В этот день Лефорт доносил: «Тело царя еще *до сих пор покоится на малиновом бархатном ложе*, обшитом золотым галуном, в *зале обтянутом обоями из гобеленовой фабрики*, подаренными ему Людовиком XV» [Лефорт, 402]. В тот же день Мардефельд писал: «Император *лежит еще на парадном ложе*, но его перенесут в скором времени в церковь» [Мардефельд, 260]. Оба посланника, как можно заметить, считают, что тело остается на «парадной постели»⁶ слишком долго («все еще»). Кроме того, Мардефельд передает слухи о том, что в скором времени тело должно быть перенесено в церковь. Показательно здесь то, что, во-первых, публика не представляет себе, каким будет церемониал (т. е. об этом не было объявлено, и, по-видимому, еще не было ясно самим устроителям церемониала); во-вторых, по одной из версий следующий этап будет соответствовать традиции — тело царя из дворца будет перенесено в церковь.

Однако и к 9 февраля ничего не было предпринято. «Труп покойного императора, — доносит Мардефельд, — *лежит еще на парадном ложе*, несмотря на то, что он уже позеленел и течет. *Раньше будущего воскресенья, как это требует здешний обычай, его не положат в гроб; он поставится в той же зале на катафалк. Все желают, чтобы это совершилось.* Императрица посещает своего покойного супруга еще ежедневно и оплакивает его, и при этом вдыхает в себя много вредного испарения и подвергает опасности свое здоровье» [Мардефельд, 261]. Как следует из донесения Мардефельда, к 9 февраля уже решено, что тело Петра не будет перенесено в церковь, а будет положено в гроб и останется во дворце в «печальной зале». Остается загадкой, почему Мардефельд считает, что тело царя должно быть помещено в гроб через две недели после смерти в соответствии с местным обычаем (не ранее «будущего воскресенья», т. е. 11 февраля). Кроме того, в донесении подчеркнуто, что все с нетерпением ждут следующего акта церемониала: ни жители столицы, ни иностранные посланники, по-прежнему, не знают ни того, что произойдет далее, ни когда именно. Однако для всех уже очевидно, что далее тело не может оставаться в прежних условиях. О состоянии тела Петра на день раньше, 8 февраля, писал Берхгольц: «Его королевское высочество видел сегодня утром тело императора, которое уже почернело и попортилось» [Берхгольц IV, 121].

Первоначально бальзамировать тело не планировал. 2 февраля Лефорт записывал: «Его не будут бальзамировать, так как он это запретил» [Лефорт, 402—403], 30 января об этом же писал голландец де Вильде [Аппи-

симов 1994, 52]. Но уже в конце февраля тот же Лефорт доносил: «Несмотря на запрещение царя, его вскрыли и набальзамировали, но это было сделано тайно» [Лефорт, 406]. О том, что бальзамирование имело место, писал также И. И. Голиков [Голиков X, 140]. Можно предположить, что первоначальное намерение не бальзамировать тело Петра было оставлено из-за состояния тела. В таком случае бальзамирование должно было происходить во второй половине февраля. Голиков же (хотя, как мы видели, его известия не всегда точны) сообщает, что 13 февраля гроб императора перенесли из малой в большую «печальную залу», декорация которой была только что окончена. То есть тело императора перенесли из залы, украшенной гобеленами, в залу, стены которой были покрыты черной тканью. Можно предположить, что непосредственно перед этим тело Петра и было набальзамировано и положено в гроб.

Не было официального объявления и о месте захоронения, хотя воля императора была широко известна. Уже 30 января Мардефельд доносит: «Был горячий спор о том, похоронить ли его здесь или в Москве. Князь Меншиков, Толстой и епископ Новгородский решили, что он должен быть похоронен здесь, в крепостной церкви, так как это было желание покойного Императора» [Мардефельд, 256]. По сведениям прусского посланника, таким образом, решение похоронить Петра в Петербурге было принято почти сразу после его смерти. Об этом, однако, не объявляли, и 2 февраля Лефорт пишет: «*Говорят, что он будет похоронен в церкви св. Петра, потому что он сам желал этого; теперь готовят великолесную мраморную гробницу*» [Лефорт, 402—403].

Не были известны и сроки погребения. 2 февраля Лефорт доносит: «Делают большие распоряжения и приготовления для торжественного погребения царя, которое *будет не раньше Пасхи* и одно из самых величественных» [Лефорт, 402—403]. Он же 2 марта сообщает: «Торжественное погребение ЕВ царя *назначено в будущее воскресенье 18-го числа* (7-го по старому стилю. — Е. П.) сего месяца» [Лефорт, 407].

Скорее всего, точной даты погребения не знал ни Брюс, ни сама императрица. Точный срок мог быть назначен только после того, как все приготовления будут закончены. Возможно, что от первоначального плана погребения «не раньше Пасхи» пришлось отказаться из-за состояния тела Петра. О том, что погребение состоится 10 марта, было объявлено за два дня — 8 числа [Краткая повесть, 239].

Наконец, настал день погребения: тело покойного императора было перенесено в Петропавловский собор. «Церемония совершилась, — записал французский посланник, — в большом порядке и весьма торжественно, *но иностранных министров на нее не пригласили*. Была сильная снежная метель с градом, и однако парница все время пешком шла за гробом <...> Тело поставлено в церкви на амвоне, на имеющем форму трона катафалке, где и *останется в течение шести недель под охраною такого же почетного караула*, какой находился около него во дворце» [ДФП 1887, 63]. За шесть недель, в течение которых тело Петра было выставлено во дворце, должны были, как мы видим, последовать шесть недель, в течение которых гроб будет стоять в церкви: церемониал не закончился 10 марта. Следует подчеркнуть, что погребение имело символический ха-

рактер: тело императора посыпали землей («предали земле»), закрыли гроб и оставили на катафалке в Петропавловском соборе [Голников Х, 160]. Кроме того, собор не был достроен, и помещение гроба Петра «на амвоне» в центре храма было временным⁷.

Погребальное шествие, подготовкой которого руководил Брюс, было своего рода театральным представлением, оно было четко выстроено и носило, как и масштабные торжества при жизни Петра, отчетливо концептуальный характер. Петр, как указывает Ричард Вортман, был представлен в процессии как император и как воин. Однако траурная процессия была только частью длинной цепочки погребальных мероприятий, которые, как мы видели, не столько следовали определенному плану, сколько зависели от обстоятельств и разовых решений императрицы и ее окружения.

Причиной этой ситуации, без сомнения, была невозможность опереться на готовые образцы такого рода церемониала: с самого начала никто не знал, что именно следует делать. (Показательно в этой связи, что уже погребение самой Екатерины имело совсем иной характер: инструкция о порядке и сроках погребения императрицы была издана от имени Петра II уже 13 мая 1727 г., т. е. через неделю после смерти императрицы, погребение было назначено на 16 мая). Однако и отсутствие первоначального плана, и отсутствие фиксированного конца церемониальных действий (окончательное погребение было отнесено ко времени, когда постройка храма будет завершена) осмыслялись современниками не как знак слабости или нерешительности правительства, а как результат особой трагической экзальтации. Именно как форма выражения все-

общего безграничного горя эти факты придворного быта становились фактами придворной культуры.

Иностранные посланники при русском дворе доносили, что все, начиная от императрицы и кончая последним подданным Петра, переживают кончину императора как глубокое личное горе. «Легче вообразить себе, чем описать пером <...> крайнюю печаль и скорбь императорского семейства», — писал сразу после смерти Петра Мардефельд. И далее: «Были приведены к присяге гвардейские полки, выстроенные около дворца. *Майор от слез не мог вымолвить ни слова; не было ни одного рядового, который бы горько не плакал*»; тело Петра «постоянно осматривает огромная толпа народа, при чем стоят *раздирающие сердце плач и вопли*» [Мардефельд, 251, 254, 256]. Ему вторят и другие посланники. «Зала, — пишет, например, Лефорт, — постоянно наполнена множеством людей, приходящих целовать руку Царя. Жалко смотреть на их *рыдания и слезы*» [Лефорт, 402—403]. О «плаче и воплях» во время погребения императора писал Голиков [Голиков X, 158—160], Феофан Прокопович сообщает о «вопле и стелании» [Краткая повесть, 241]. А. А. Матвеев в письме к А. В. Макарову из Москвы сообщает, что по получении известия о кончине императора поднялся «вой, крик, вопль слезный, что нельзя женам больнее того выть и горестно плакать, и вонзину такого ужаса народного от рождения моего я нигде не видал и не слышал» [Шмурло, примеч. 14-6].

Конечно же, слезы, рыдания и даже вопли были искренним выражением горя. Но нужно учитывать и традицию публичного оплакивания умерших. Вебер в уже цитированном рассказе о похоронах Марфы Матвеев-

ны писал: «В подобных случаях у русских искони в обыкновении были громкие рыдания, плач и разные причитания <...> царь решительно хочет вывести этот обычай, и на упомянутых похоронах *строго приказано было, чтобы никто громко не плакал и не причитал*» [Вебер, 1342—1343]. Действительно, в конце 1715 года Петр издал указ, запрещавший «выть» во время похорон. Речь здесь, конечно, идет не о запрете на выражение горя вообще, а об одном из традиционных элементов погребального обряда — оплакивании умершего (часть похоронного обряда, которая исполнялась не только близкими умершего, но и профессиональными плакальщицами). Эту форму публичной экзальтации, по мнению Петра, должен был заменить гражданский погребальный ритуал, и царь законодательно закрепил свои интенции. Однако к 1725 году традиционные формы проявления скорби не были вытеснены гражданским ритуалом.

Характерны воспоминания И. И. Неплюева, который в 1725 году находился с дипломатическими поручениями в Константинополе: «1725 году в феврале месяце получил я плачевное известие, что отец отечества, Петр, император 1-й, отыде сего света. Я омочил ту бумагу *слезами, как по должности моей о моем государе, так и по многим его ко мне милостям, и ей-ей, не лгу, был более суток в беспмятстве; да и иначе бы и мне и грешно было: сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет*» [Неплюев, 424]. Неплюев описывает свои слезы и беспмятство не только как выражение личного чувства к государю, «милости» которого он

обязан своей карьерой, но и как реакцию подданного, исполнение «должности».

Феофан Прокопович в «Слове на погребение Петра Великого» делает главной темой горе подданных Петра, при этом он не отделяет себя от слушателей и говорит «мы», «россияне»⁸.

«Слово» открывается рядом риторических вопросов, которые должны имитировать острое эмоциональное переживание и утрату способности ясно мыслить: «Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтание ли си? Не сонное ли нам привидение?» В таком состоянии человеку кажется, что горе можно пережить, только забывшись: «летаргом неким, неким смертообразным сном забыть нам возможно». Такое горе лишает подданного способности выразить словами все «славы» своего монарха. «Простирать речи, — пишет Феофан, — не допускает настоящая печаль и жалость» [Феофан Прокопович, 126, 128]. Очень похожие переживания, как мы помним, описывает Неплюев.

К концу «Слова» Феофан приводит слушателя к мысли, что горе не должно быть безутешным: Петр оставил своих подданных «не нищих и убогих», а с «духовными, гражданскими и воинскими направлениями»; не «осиротелых», а с «матерью всероссийской». Для благополучия России необходимо, чтобы Екатерина пережила свое горе. «Якова ты от всех видима была в присутствии подвизающегося Петра, — обращается Феофан к императрице, — <...> понудился такова же быти и в прегорьком сем лишении». Подданные должны обращаться с молитвой ко Всевышнему, чтобы он «отер» императрице «неутолимые слезы» и

всех россиян «милостивне <...> утешил» [Феофан Прокопович, 128—129].

Наконец, Феофан подчеркивал, что всеобщая скорбь не должна помешать императрице продолжать «дела Петровы». «Как нам не надеяться, — обращался он к Екатерине, — что сделанное от него утвердишь, недоделанное совершишь и все в добром состоянии удержишь» [Феофан Прокопович, 128].

Еще до погребения Екатерина издает ряд указов и распоряжений, направленных на то, чтобы закончить дела, начатые Петром. В конце февраля был издан именной указ «О достройке линейного корабля, начатого собственными трудами императора Петра I». «Понеже мы всемерно желаем, — читаем в указе, — *все дела, зачатые трудами* высокославной и вечнодостойной памяти государя императора, с Божиею помощию совершить, для того зачатой в Адмиралтействе девяносто-шестипушечный корабль, *по чертежам собственных трудов* ЕИВ, который сам изволил заложить и делать, надлежит доделывать *всем корабельным мастерам* с общего согласия» [ПСЗРИ VII, № 4669]. Показательна здесь формулировка «доделывать *всем* корабельным мастерам с *общаго* согласия». Работа над кораблем становится своего рода корпоративным мемориальным предприятием: каждый из мастеров имеет право почтить память Петра, продолжая начатое Петром дело. Почти одновременно был издан указ «О приглашении ученых людей в Российскую Академию наук», который гласил: «Его Величества высокославной и вечнодостойной памяти *было желание устроить Академию* для высших наук и художеств» [ПСЗРИ VII, № 4663]⁹.

Образцом для подданных Петра, публично демонстрировавших свое горе, служило поведение императрицы и ее ближайшего окружения. Екатерина появлялась на публике «вся окутанная черным крепом», «казалась убита горем и притом обливаясь слезами» [ДФП 1887, 24, 25]. Официально поощряемой публичной экзальтации соответствовал и стихийный характер погребальных мероприятий с невыраженным «концом». В рамках придворной культуры эта экзальтация получает совершенно определенное осмысление, которое сформулировано в «Слове» Феофана Прокоповича, прочитанном 10 марта 1725 года: демонстрация скорби является нарушением уставов Петра, но может быть оправдана трагизмом ситуации; она лишает подданного способности говорить о монархе; для блага России она должна быть преодолена всеми верными подданными Петра, которые, вслед за императрицей, готовы продолжать «дела Петровы». В «Слове на погребение <...> императрицы Екатерины Алексеевны» (произнесено 16 мая и напечатано 14 июня 1727 г.) Феофан Прокопович специально подчеркивает, что императрица после смерти Петра I не предалась «вдовьей» скорби, не забыла «высокого долженства своего».

Памяти Петра были посвящены старые «годовые» праздники. Так, 30 мая, в день рождения императора, было объявлено поминовение царя по всему государству. Важным этапом стало тезоименитство Петра I. К этому дню правительство готовило ряд мемориальных акций. Так, происходит разбор и отсылка в Академию наук книг Петра. 2 июня 1725 года была составлена «Роспись книгам, которыми ЕИВ императрица библиотеку государственную из книгохранилища импе-

ратора Петра Великого <...> обогатить повелела» [Материалы I, 116]. Заметим, что вещи Виллема Монса императрица начала разбирать раньше. Уже 9 февраля Екатерина отдала распоряжение: «Из пожитков бывшего камергера Монса статую Марсову золотую, с камнями, отослать в кунст-камору» [Материалы I, 91]. Приблизительно тогда же, в июне, идет работа над восковой статуей Петра¹⁰. К этому списку можно добавить изготовление в июле 1725 года новых оттисков гравюры «Родословная роспись великих князей и царей Российской до государя Петра Великого, с кратким описанием знатнейших дел их». Она была исполнена еще в 1717 году, текст для нее составил Феофан Прокопович [Пекарекий 1862, II, 397]. Для поднесения Екатерине один экземпляр был отпечатан «на атласе», остальные 102 «на александрийской большой руки бумаге» [Гаврилов, 155] (см. ил. 29). В день тезоименитства Петра в Троицком соборе состоялась поминальная служба, после которой Прокопович произнес «Слово на похвалу <...> памяти Петра Великого».

28 января, в годовщину смерти Петра, поминальная служба была в Петропавловской церкви. После нее Гавриил Бужинский произнес «Слово на день годовичного поминовения государя Петра Великого, проповеданное над гробом его»¹¹.

Наконец, в годовщину погребения императора, 10 марта 1726 года, была совершена «последняя заупокойная служба по умершем Царе» [ДФП 1888, 300]¹². А на следующий день указом было объявлено «о перемене траура». «Марта с 11, — гласил указ, — о трауре чинить следующее: 1) Министрам и прочим, которые в рангах, носить черные кафтаны с цветными камзолы,

или, кто похочет, цветные кафтаны с черным прикладом. 2) Всякого чина знатым персонам, у кого были палаты обиты черным, оные обитья сшить и цветными обить, и с карет черные обитья сшить же; и цветные либерен употреблять. 3) Всякого чина дамам, которые в рангах обретаются, надлежит носить шелковое черное платье и белые камордковые, или кисейные фантажи, без шипижинов» [ПСЗРИ VII, № 4849]. Траур по Петру окончился.

**«Царствовать с блеском»: новые тенденции
в организации имперского календаря**

«Она вся безусловно проникнута одним желанием: царствовать с блеском», — писал о Екатерине французский посланник [ДФП 1887, 242]. Он не был одинок в прогнозах. «Царствование этой Царицы будет тихо и счастливо», — полагал Лефорт [Лефорт, 401]. «Она принимает такие меры, — вторит ему Мардефельд, — которые сделают ее на целую треть могущественнее и значительнее покойного императора, при котором, несмотря на его чрезвычайно великую славу, государство дошло до крайнего положения и клонилось к упадку» [Мардефельд, 261].

Однако к концу 1725 года тон донесений меняется. В Петербурге настойчиво циркулируют слухи о болезни императрицы, и малейшее ее недомогание толкуется как знак скорой кончины. 22 декабря 1725 года Кампредон доносил: «Царица сильно прихворнула вследствие пира в день Андрея Первозванного. У нее сделали конвульсии, сопровождавшиеся биением сердца и лихорадкой. Кровопускание помогло ей, и вчера она

уже обедала в присутствии двора. Но она чрезвычайно полна, ведет очень неправильную жизнь и, как известно, жила с царем в то время, как он страдал известной болезнью, от которой умер» [ДФП 1888, 157]. 5 декабря 1726 года, то есть почти через год, эта тема вновь встает в переписке французского посланника. Из Версаля ему сообщают: «Получаемые со всех сторон известия утверждают положительно, что царица жить не может, ибо кровь у нее совершенно заражена» [ДФП 1888, 468]. Об этом же доносили своим дворам и представители других держав.

С лета 1725 года в донесениях появляется и другая тема: иностранные посланники сообщают, что новая императрица склонна к возлияниям и все более отходит от дел. «Если будут продолжаться развлечения, к которым ее приучали целых 15 лет, — доносил Кампредон 19 июня 1725 года, — то Сенат приобретет слишком большое влияние на дела, а царица незаметно утратит и часть своей власти, и уважение, и преимущества, заслуженные ее великими дарованиями. Развлечения эти заключаются в почти ежедневных, продолжающихся почти всю ночь и добрую часть дня, попойках» [ДФП 1887, 404]. Французский посланник опять же не был одинок в такой оценке ситуации.

Таким был взгляд со стороны. Для самой императрицы, как можно полагать, все представлялась иначе. Так, современники отмечали, что Екатерина стремительно «молодела». В «Календаре» на 1726 год (он составлен в ноябре 1725 г.) было указано, что «Екатерина Алексеевна императрица Всероссийская» родилась в 1684 г. и ей 42 года. В «Календаре» на 1726 г. В октябре «государь» «посетил в Таврической библиоте-

теке, к этим словам сделана приниска: «Было напечатано в 1725 году, 41 год, и то погрешено».

После потрясения, которое она пережила в первые месяцы 1725 года, Екатерина стремилась запово наладить придворный быт, ввести его в привычную колею, подчинить регулярному календарному ритму. Еще до окончания траура при дворе, хотя и с необходимыми ограничениями, торжественно отмечались, по крайней мере, три события.

В феврале 1725 года, то есть до погребения Петра, на 7 мая, годовщину коронации Екатерины, была назначена свадьба цесаревны Анны Петровны и герцога Голштинского [ДФП 1887, 37]¹³. Подготовка к свадьбе не была закончена срок, и торжества были перенесены на 21 мая.

Покойный император сам составил план этого брака и лично обручил Анну Петровну с герцогом Голштинским 9 декабря 1724 года [Лефорт, 393]. Свадьба Анны Петровны в этой перспективе становилась исполнением воли императора и потому могла быть совершена несмотря на траур. «С большой роскошью и в полном порядке совершена была церемония бракосочетания принцессы Анны <...>, — доносил Кампредон, — Царица на ней не присутствовала, не желая снимать траура. Но она вышла потом на площадь, где выстроено было четыре полка, и, по здешнему обычаю, приказала открыть два внешних фонтана и раздавать солдатам мясо жареных волов. Она пешком обошла ряды и вышла за здоровье полков» [ДФП 1887, 373].

В день бракосочетания Анны Петровны был учрежден орден Св. Александра Невского, что также было

исполнением воли Петра. «При заключении мира, — писал Лефорт, — покойный царь имел намерение учредить орден св. Александра Невского: в первый раз он был жалует на свадьбу герцога Голштинского» [Лефорт, 411]. К учреждению нового ордена был издан новый текст службы св. Александру Невскому. Он вышел из печати 24 апреля 1725 года под заглавием «Месяца августа 30 дне. Служба благодарственная <...> на воспоминание заключенного мира между империею Российскою и короною Свейскою. В том же дне празднуется и пренесение мощей святого благоверного князя Александра Невского». Службу в 1714 году составил Феофилакт Лопатинский, а в 1724 году по указанию Петра ее редактировал Гавриил Бужинский [Быкова, Гуревич, Козинцева, 171]. По учреждении нового ордена 30 августа становится не только годовщиной заключения мира, но и кавалерским днем.

Свадьба Анны Петровны, таким образом, в целом сохраняла статус торжества, посвященного памяти Петра I.

Вторым праздником, который был отмечен публично, было тезоименитство императрицы (24 ноября)¹⁴. После богослужения¹⁵ Феофилакт Лопатинский произнес в Троицкой церкви «Слово в торжественный праздник св. великомученицы Екатерины, тезоименитства <...> ЕИВ Екатерины Алексеевны» (напечатано 18 декабря 1725 г.). По случаю тезоименитства Екатерина «раздала <...> большие награды и пожаловала поощрения» [Мардефельд, 297]. «В этот день царица, по обыкновению, угощала именнейших лиц двора и города, не появляясь, однако, сама среди гостей, под предлогом траура, хотя он не мешает ей развлекаться

тайком с своими приближенными» [ДФП 1888, 136]. Екатерина, как мы видим, по-прежнему соблюдает формальный траур. Тем не менее некоторым из присутствующих это торжество казалось неуместным. По словам Кампредона, адмирал Апраксин, когда герцог Голштинский подошел к нему и предложил от имени отсутствующей императрицы тост, отказался пить и разрыдался. При этом многие слышали, как он сказал: «Петра Великого нет более» [ДФП 1888, 136].

К тезоименитству императрицы было приурочено торжественное открытие Академии наук: оно должно было состояться 24 ноября. К этому случаю было отпечатано специальное приглашение по-русски и по-латыни. «Академия наук Российская, — гласило приглашение, — читателю здравие. Читаем, яко римляне древле, в те самые дни, в которые богов и богинь празднества творяхуся, их же паче иных благополучны и счастливы быти рассуждали, о главнейших делах государственных советовали и оттуду начинали». Праздник тезоименитства Екатерины, по мнению составителей приглашения, является таким «счастливым» днем. Поэтому именно в этот день должно состояться «первое Академии <...> празднество». Однако Нева не успела покрыться к этому сроку прочным льдом, и открытие Академии наук было отложено до 27 декабря 1725 года. Но и в день тезоименитства академики перед обедней поздравляли Екатерину, и Гольдбах произнес краткую речь на немецком языке (после чего президент Академии, по приказанию императрицы, угощал академиков в своем доме). Речь на самом торжественном открытии произносил профессор Библингер, она была посвящена Петру — основателю Акаде-

мии и Екатерине — ее покровительнице [Пекарский 1870, XXXVII—XXXVIII].

К Новому 1726 году был напечатан первый календарь екатерининского царствования. По традиции, он вышел и в Москве, и Петербурге.

В рубрике «Знаменательные события» и в московской, и в петербургской версиях были сделаны незначительные изменения. Из событий русской истории в список «знаменательных событий», как и в календарь предыдущего года, были включены: «Зачатие Флота Российского», «Виктория полученная над Шведским королем Каролусом вторым надесять, под Полтавою» и рождение «внука ЕВ великого князя Петра». Коронавание Петра, в соответствии с изменившимися обстоятельствами, было заменено коронованием Екатерины.

«Роспись торжественным и викториальным дням» была включена только в московский календарь. Приведем ее полностью.

*Торжественные праздничные и викториальные дни,
которые повсегодно празднуемы бывают*

1 января	Торжествование нового лета.
3 февраля	Тезоименитство государыни цесаревны Анны Петровны.
5 апреля	Рождение ЕВ государыни императрицы Екатерины Алексеевны.
7 мая	Коронация государыни императрицы.
27 июня	Виктория над шведами под Полтавою.
29 июня	Тезоименитство великого князя Петра Алексеевича.
27 июля	Взятие фрегатов шведских на море: первое при Ангуте, по том при Гренгаме.

9 августа	Взятие Нарвы.
26 августа	Тезоименитство великой княжны Натальи Алексеевны.
30 августа	Перенесение мощей святого благоверного великого князя Александра Невского. И воспоминание заключенного мира между империею Российскойскою и короною Свенскою.
5 сентября	Тезоименитство государыни цесаревны Елисаветы Петровны.
28 сентября	Виктория под Лесным над генералом шведским Левенгоуптом.
11 октября	Взятие Нотенбурха, который ныне Спотенбурх.
24 ноября	Тезоименитство ЕВ государыни императрицы.
30 ноября	Святого апостола Андрея, и торжество кавалеров Российских.

Мы видим, что система торжеств в московском календаре практически не изменилась по сравнению с предыдущим годом: из него всего лишь изъяты день рождения, коронование и тезоименитство Петра и годовщина царского бракосочетания. Кроме того, добавлены тезоименитства детей царевича Алексея — Натальи и Петра.

В Петербургском календаре список торжеств не был напечатан вовсе. Можно предположить, что петербургская версия отражала если не позицию императрицы, то, по крайней мере, позицию Феофана Прокоповича (ведь именно в ведении Синода была «апробация» календарей). При дворе еще не было решено, каким должен быть цикл годовых имперских торжеств (проблему могла составить, например, иерархия членов императорской семьи, как это было при распределении мест в похоронной процессии). Московская вер-

сия была составлена вдалеке от придворных интриг и просто копировала в основной своей части календарь предыдущего года. Никакой новой концепции придворного календаря к концу 1725 года выработано не было.

После тезоименитства Екатерины 1725 года праздники при дворе следуют один за другим. В «Российских ведомостях» от 3 декабря 1725 года было напечатано известие о праздновании кавалерского дня ордена Св. Андрея Первозванного; от 22 декабря — дня рождения Елизаветы Петровны. В 1726 году «Российские ведомости» сообщали о специальных церемониалах и праздновании по случаю:

1 января	Нового года (выпуск от 8 января);
3 февраля	тезоименитства Анны Петровны (выпуск от 9 февраля);
5 апреля	рождения императрицы (выпуск 11 апреля);
10 апреля (Пасха)	назначения герцога Голштинского подполковником Преображенского полка (выпуск от 11 апреля);
7 мая	коронования императрицы (выпуск от 17 мая);
21 мая	годовщины брака Анны Петровны (выпуск от 9 июня);
30 августа	посещения императрицей Александро-Невского монастыря, где состоялось торжество по случаю мира со Швецией (выпуск от 2 сентября);
24 ноября	тезоименитства императрицы (выпуск от 3 декабря);
30 ноября	дня ордена Св. Андрея Первозванного (выпуск от 3 декабря).

Заметим, что ни празднование Полтавы, ни другие викториальные дни в «Российских ведомостях» не

упомянуты: они публично не отмечались не только в 1725-м (в период траура), но и в 1726 году. Совершались, как следует полагать, только благодарственные богослужения.

В 1726 году крупные праздники, как это было и при Петре, сопровождаются фейерверками.

1 января (еще до окончания формального траура) был сожжен новогодний фейерверк. На большом щите между двух колонн помещался двуглавый орел, а над ним — вензель императрицы и надпись «Свет твой во спасение» (свет Екатерины во спасение России). Малый щит был украшен портретом императрицы со словами «управи стопы моя» (эти слова были обращением Екатерины к Всевышнему). На колоннах располагалось: слева — «1726», справа — «год». Этот фейерверк не был посвящен каким-то конкретным событиям политического или военного быта, поэтому, в отличие от большинства петровских фейерверков, он не был сюжетным. Напротив, он декларировал некоторую устойчивую ситуацию: Екатерина, по воле Всевышнего, является спасением России.

С приближением годовщины коронации Екатерины при дворе начались торжественные церемонии. 14 апреля 1726 года императрица назначила подполковником Преображенского полка герцога Голштинского. «Государыня, — пишет Кампредион, — в amazонке и с командирским жезлом в руках, появилась, сидя в великолепном фаэтоне, во главе полка, выстроенного в одну линию <...> с 16 старинными знаменами полка, нарочно доставленными из Москвы». После смотра герцог Голштинский пригласил всех офицеров к своему столу, где присутствовала и императрица. В апреле

же имел место «большой церемониал» в связи с поднесением императрице ордена Белого орла [ДФП 1888, 347—348, 359].

7 мая праздновалась вторая годовщина коронации императрицы. По богослужению Феофан Прокопович произнес «Слово в день воспоминания коронации». «Слово» начиналось рассуждением о том, что торжества в честь годовщины коронации Екатерины заставляют забыть печаль о смерти Петра. Вечером был бал [ДФП 1888, 361].

В мае же 1726 года президент Академии наук Блюменшток хотел назначить торжественное собрание. Как и в конце 1725 года, торжественное собрание Академии должно было быть приурочено к царскому празднику («счастливному дню») — на этот раз к годовщине коронации. «Но, — указывает П. П. Пекарский, — императрица объявила, что она тогда не может присутствовать сама, а между тем желает посетить Академию, почему собрание было отложено до 1 августа». 1 августа собрание Академии прошло со всей возможной пышностью: в здание Академии даже перенесли трон с балдахинном («с которого обыкновенно Петр Великий принимал иностранных послов»). Императрица прибыла в сопровождении герцога и герцогини Голштинских и с большой свитой. В начале собрания была исполнена кантата, сочиненная академиком Бекенштейном. Затем академик Байер произнес похвальное слово [Пекарский 1870, XLI—XLII]. «Слово» Байера было посвящено Петру I. За ним выступил профессор Гольдбах: он произнес на латинском языке похвальное слово Екатерине. Завершил заседание профессор Герман речью о пользе наук. Речь Гольдбаха, по словам Лефорта,

«всем понравилась, за что он и получил большую награду» [Лефорт, 452].

Лето 1726 года было тревожным для Екатерины: сначала пришлось отложить поездку в Ригу, где императрица собиралась встретиться с польским королем¹⁶; затем начались хлопоты по укреплению Кронштадта, Ревеля и Выборга (английская и датская эскадры стояли перед Ревелем до 19 сентября, и в Петербурге боялись нападения); кроме того, лето было засушливым¹⁷, и правительству приходилось заботиться о доставке необходимого для армии провiantа в Петербург.

Самым крупным событием придворного быта в это лето был смотр кораблей в Кронштадте в августе, на который были приглашены иностранные посланники. Большое впечатление на присутствующих произвели новые укрепления. «Они приведены в такое состояние, — доносит Маньян, — что ни один корабль не может приблизиться к ним, не пройдя под огнем более тысячи пушек. Царица сама показывала все это иностранным министрам» [ДФП 1888, 403].

Придворные торжества были возобновлены осенью. 23 ноября 1726 года французский посланник доносил: «Эту неделю все заняты, по-видимому, исключительно лишь приготовлениями к столь же блестящему, сколько и веселому празднованию дня св. Екатерины, имя коей носит царица. <...> Вот уже месяц, как большая часть времени здесь проходит в празднествах». Среди таких «празднеств» можно назвать, например, бал у австрийского посланника Рабутина по случаю тезоименитства императора или бал у епископа Любского [ДФП 1888, 461, 447, 460].

«В прошлую среду, — сообщает тот же Маньян, — был по старому стилю день св. Екатерины, то-есть день именины царицы. Государыня выезжала в церковь и ее, в первый раз со времени учреждения, сопровождал отряд кавалергардов¹⁸, впервые же появившихся на параде. <...> Вечером при дворе были иллюминация и фейерверк на льду, перед окнами дворца; зажгли его в конце обеда, на который ЕЦВ пригласила иностранных министров» [ДФП 1888, 461, 469].

По сравнению с новогодним тематика этого фейерверка более разнообразна. Здесь были изображены: вензель императрицы под короной среди пальмовых ветвей, Минерва, «Фортитуда» (аллегория Силы) с дубовыми ветвями и Нептун. Эти символы хорошо были известны зрителям по петровским фейерверкам (Фортитуда и Нептун знаменовали военные приготовления лета 1726 года, которыми руководила императрица, Минерва — усилия Екатерины по учреждению Академии). Новым было «древо померанцевое с плодом многим», и толкование этого изображения было специально дано в подлиннике к гравюре: «Знаменуя ЕИВ премногие к России плодоносия <...> отчасти сия: милость и суд, всегдашнее попечение о благом состоянии государства и о приращении всяких благ, о союзах с великими государями» [Ровинский, 198].

Праздники, как и в 1725 году, продолжались до кавалерского дня ордена Св. Андрея Первозванного, когда Екатерина «собственноручно возложила андреевскую ленту на великого князя, епископа Любского и графа Рабутина». Год закончился празднованием дня рождения Елизаветы Петровны: императрица дала бал по этому случаю, но сама на нем не присут-

ствовала по причине недомогания [ДФП 1888, 470, 474, 481].

Придворный быт, как мы видим, в целом подчинен в 1726 году тому же ритму, что и в 1725-м. В придворном календаре доминируют царские дни. Коронация и тезоименитство императрицы составляют два центра, вокруг которых выстраиваются другие торжества и значительные события придворного быта. История империи отходит теперь на второй план: петровские викариальные дни не составляют заметных вех придворного календаря. Наконец, Екатерина не стремится выстроить и «историю» своего царствования. Так, 30 июля 1725 года была напечатана реляция о взятии генералом-лейтенантом Матюшкиным крепости Лошамадан в Персии, а 6 августа того же года «приятная весть из Баки». Но эти победы не получили должного резонанса.

Календарь на 1727 год был напечатан в трех версиях. В декабре календари, как обычно, были напечатаны в Петербурге и Москве. Оба в точности повторяют образец предыдущего года (московский — московскую версию 1726 г., петербургский — петербургскую). Однако в январскую допечатку петербургского календаря были внесены очень заметные изменения. Сразу же заметим, что профессор Академии Жак Делиль был составителем обеих версий петербургского календаря на 1727 год. Следовательно, внесение изменений не было инициативой Академии или самого Делиля: в этом случае они должны были появиться уже в декабре. Скорее всего, при дворе, получив новый календарь, решили, что это издание должно включать роспись придворных торжеств. Но кто был автором поправок,

к сожалению, не известно. Приведем роспись торжеств на 1727 год полностью.

*Торжественные дни рождения ЕИВ,
вспресветлейшей великой государыни нашей Екатерины
Алексеевны самодержицы всероссийской,
и всей ЕИВ высочайшей фамилии,
и прочие праздничные и викариальные дни*

5 апреля	Рождение ЕИВ.
24 ноября	Тезоименитство ЕИВ.
7 мая	Коронация ЕИВ.
27 января	Рождение ее высочества государыни цесаревны Анны Петровны.
3 февраля	Тезоименитство ее высочества.
18 декабря	Рождение ее высочества государыни цесаревны Элисавет Петровны.
5 сентября	Тезоименитство ее высочества.
19 апреля	Рождение его королевского высочества Карла Фридриха, герцога Голштейнготторпского.
21 мая	Брак его королевского высочества с государыней цесаревною Анною Петровною.
12 октября	Рождение великого князя Петра Алексеевича.
29 июня	Тезоименитство его высочества.
29 октября	Рождение цесаревны Екатерины Иоанновны, герцогини Мекленбург Шверинской.
24 ноября	Тезоименитство ее высочества.
28 января	Рождение цесаревны Анны Иоанновны герцогини Курляндской.
3 февраля	Тезоименитство ее высочества.
24 сентября	Рождение цесаревны Параскевы Иоанновны.
14 октября	Тезоименитство ее высочества.
12 июля	Рождение великой княжны Наталии Алексеевны.
26 августа	Тезоименитство ее высочества.
7 декабря	Рождение ее высочества Екатерины Элисаветы принцессы Мекленбург Шверинской.

- 1 января Торжествование нового лета.
 30 ноября Торжество святого апостола Андрея кавалеров Российских.
 30 августа Перенесение мощей святого благоверного великого князя Александра Невского 1724, и воспоминание заключенного мира, между империею Российскою и короною Шведскою.

Взятие городов

Сюсельбурх	11 октября 1702 г.
Канцы	1 мая 1703.
Дерпт	13 июля 1704.
Нарва	9 августа 1704 г.
Митав	4 сентября 1705 г.
Элбинг	2 февраля 1710 г.
Рига	4 июля 1710 г.
Динамид	9 августа 1710 г.
Кексгольм	8 сентября 1710 г.
Аренсбурх	12 сентября 1710 г.
Пернов	14 августа 1710 г.
Ревель	29 сентября 1710 г.
Выборх	13 ноября 1710 г.
Гелзин Форс	10 мая 1713 г.
Тонинг	15 мая 1713 г.
Фридрих Штат	31 января 1713 г.
Стетин	сентября 1713 г.
Нейшлот	29 июня 1714 г.
Дербень	23 августа 1722 г.
Бака	28 июля 1723 г.

Баталии со Шведы

При деревне Калинкиной	5 мая 1703 г.
На Чюцком озере	19 мая 1704 г.
Под Калишем	18 октября 1706 г.
Под Добрым	29 августа 1708 г.

Над Генералом Левенгоуптом	28 сентября 1708 г.
При Полтаве	27 июня 1709 г.
При Пелкине	6 октября 1709 г.
Под Вазамн у деревни Лапола	19 февраля 1714 г.
При Ангуге	27 июля 1714 г.
При Гренгаме	27 июля 1720 г.
При Владении Салтана	19 августа 1722 г.
Утемышевского в Персии	

Виктории бывшие при державе ЕИВ в Персии над неприятели

При Верхних Эрмелях	5 декабря 1725 г.
При Фумине	4 июля 1725 г.
При Лошамане	22 мая 1725 г.
При городе Тарках	13 октября 1725 г.
Подданство под протекцию ЕИВ, Хусеина Алибека, Ахмеля Хана кубанского сына с фамилиею, и со всем его владением	11 октября 1726 г.

Уже заголовок этой рубрики вводит иерархию торжеств: праздники «дней рождений» Екатерины I и ее «фамилии», затем «прочие праздники» и, наконец, «викторинальные дни». Если учитывать практику организации придворного быта в 1725—1726 годах, то можно говорить, что эта иерархия отражает значимость каждого класса торжеств. «Торжественными» являются именно «дни рождения», которые, как мы видим из списка, включают не только собственно дни рождения лиц, принадлежащих к «императорской фамилии», но и другие царские праздники.

В списке торжеств 1725 года, составленном при Петре, «императорская фамилия» понималась в самом узком смысле: в нее были включены только сам Петр, Екатерина и их дочери (император, императрица и цесаревны). Дочери царя Ивана Алексеевича сохранили титул «царевна», дети царевича Алексея — «великий князь» и «великая княжна» (их рождение и тезоименитство в список торжеств календаря на 1725 год Петром включены не были). В списке 1727 года титулы сохранены, сохранена и четкая иерархия (императрица, за ней цесаревны, дети царевича Алексея и дочери царя Ивана Алексеевича с их потомками). Но в «императорскую фамилию» включены теперь не только лица, посвященные императорский титул, но все прямые потомки царей Ивана и Петра Алексеевичей. Кроме того, в нее включен и герцог Голштинский.

Конечно, появление такого списка членов императорской семьи, с одной стороны, имело свои внешнеполитические причины, с другой, было связано с проблемами престолонаследия, актуальность которых повышалась по мере того, как здоровье императрицы становилось заметно хуже. Для нашей темы, однако, важнее другое. Екатерина выступает здесь как глава большой императорской семьи, способная примирить интересы всех ее членов.

Особенно отчетливо идея большой императорской семьи, объединенной стройной иерархией и общими интересами, была воплощена в поведении членов «императорской фамилии» во время болезни и после смерти Екатерины. Так, в самом конце апреля Мардефельд доносил: «Царица вполне одобрила план престолонаследия, составленный царским семейством и князем

Меншиковым, в случае ее смерти; теперь, следовательно, можно решительно считать великого князя за будущего императора. Он и сестра его, великая княжна (Наталья Алексеевна), вели себя при этом случае так превосходно и *выказали столько любви к императрице, что последняя также выказала к ним искреннее расположение*. А на третий день после смерти императрицы он же писал: «Все, бывшие тут не могли не удивляться поведению молодого царя, самоуверенности, снисходительности и достоинству в обращении; говорят, будто он *выказал такую нежную любовь к герцогу и дочерям царицы, что великое единодушие их вызвало слезы радости на глазах зрителей*» [Мардефельд, 336, 340]. В указах Петр II называет Екатерину «наша любезнейшая государыня бабка» [ПСЗРИ VII, № 5148 и др.]. Представление о том, что интригам частных лиц противопоставит единство императорской семьи, «вельмож государства» и «пацны», в начале нового царствования является ведущей. Но эта идея была сформулирована и воплощена, как мы видели, уже в календаре 1727 года.

Учитывая все сказанное, можно очень осторожно предположить, что одним из инициаторов составления новой версии календаря в январе 1727 года был А. И. Остерман. В самом начале января он получил андреевскую ленту, его полномочия резко расширились: кроме иностранных дел, в его ведении теперь были почта и торговля [ДФП 1888, 486]. В разработке концепции престолонаследия, которая была воплощена в «Завещании» Екатерины [ПСЗРИ VII, № 5070], где идея примирения интересов была последовательно проведена, он принимал самое непосредственное уча-

стие. Наконец, он был одним из самых влиятельных лиц на протяжении правления Петра II, когда идея «большой» императорской семьи получила дальнейшее развитие. Об этом речь еще пойдет в следующей главе, сейчас же вернемся к январской версии календаря на 1727 год.

Вслед за «торжественными днями рождения» в заглавии интересующей нас рубрики были названы «праздничные дни». К ним были отнесены Новый год и два кавалерских праздника. Они, как и царские дни, отмечались при дворе на протяжении 1725—1726 годов. Отметим, что здесь зафиксирована иерархия орденов (что сбивает хронологический порядок): сначала идет праздник кавалеров ордена Св. Андрея Первозванного, потом — Св. Александра Невского¹⁹.

Наконец, третий раздел списка составляют «викториальные дни». Таких дней здесь тридцать семь (в календаре на 1725 г. их было семь). При этом количество праздничных дней выросло в основном за счет петровских побед. Не только по объему и по составу он отличается от версии 1725 года, он разрушает ту концепцию, которая стояла за имперским календарем, составленным Петром I.

Во-первых, история империи у Петра была связана только с победами в Северной войне: именно эта война, как полагал царь, является той творческой силой, которая преобразила Россию; победы, внесенные в календарь 1725 года — ступени на пути к преобразению. В новом расширенном варианте эта концепция перестала существовать, а включение в круг побед Петровской эпохи персидских завоеваний лишило Северную войну ее исключительной роли. В этом

же направлении, как мы увидим, Екатерина предписывала П. Шафирову продолжать работу над «Историей Свейской войны».

Во-вторых, список, который покрывал практически все достижения Петра в военной сфере, служил скорее цели напомнить о военных успехах и мощи России, чем представлять праздничный придворный цикл (это касается и царских дней, поскольку рождество и тезоименитство царевен, живущих за пределами России, при дворе, конечно же, не отмечали). Торжественно отмечать тридцать семь викториальных дней в году было невозможно.

Календарь не поясняет и того, каков статус внесенных в список праздничных дней. В календаре на 1725 год было указано, что в список внесены дни, которые «новосегодню празднуемы бывают», а окружавшие его указы и инструкции уточняли формы и сроки торжеств. Календарь 1727 года этой информации не давал и не был приспособлен для того, чтобы стать программой организации придворного быта.

Обзор календарей и придворных торжеств при Екатерине I показывает, таким образом, что имперский календарь, построенный Петром к 1725 году, практически сразу после его смерти начинает разрушаться: сначала изменения вторглись в придворный быт, а затем были зафиксированы в календаре на 1727 год. Пересмотру сразу по смерти Петра подвергся далеко не один придворный календарь. «Документы, — пишет Е. Анисимов, — свидетельствуют о том, что буквально с первых дней нового царствования в правительстве начался критический пересмотр проблем внутренней политики» [Анисимов 1994, 81].

Глава 2

Имперский календарь в правление Петра II
и Анны ИоанновныИмперский календарь при Петре II:
московская и петербургская версии

Прямое отношение к организации ритмов придворного быта в конце Петровской эпохи имели, как мы помним, две календарные рубрики: роспись знаменательных событий всемирной истории и «Торжественные праздничные и викториальные дни, которые повсегодно празднуемы бывают» (в последнем екатерининском календаре, как мы помним, эта рубрика получила название «Торжественные дни рождения»). В календарях на 1728—1730 годы обе рубрики претерпели определенные изменения.

По установившейся традиции календарь на 1728 год был напечатан и в Москве, и в Петербурге, но уже в 1729—1730 годах издание календарей окончательно становится прерогативой и важным источником доходов Академии наук.

Московский календарь 1728 года следует установившейся традиции: роспись знаменательных событий и раздел «Торжественные праздничные и викториальные дни» по своей структуре не отличаются от аналогичных рубрик в московских календарях предшествующих лет. Разумеется, новое царствование потребовало и изменений в составе событий, здесь упомянутых.

В росписи знаменательных событий после обычных сведений (таких, как «От вымышления порохового

дела — 348» и «От вымышления книг печатания — 288») помещены:

От рождения ЕИВ Всероссийского самодержца Петра Алексеевича второго	13
От рождения сестры ЕВ, благочестивенней государыни нашей Натальи Алексеевны	14
От зачатия флота Российского	31
От виктории, полученной над Шведским королем Карлом вторым над, под Полтавою, девятыйнадесять год.	

В список, что не было характерно для предшествующих календарей, внесено рождение сестры Петра II. Напомним, что при Петре в нем значились император и — в разное время — его сыновья Алексей Петрович, Петр Петрович и внук Петр Алексеевич; при Екатерине — императрица и Петр Алексеевич. То есть, как правило, в рубрике значатся рождения правящего монарха и наследника (правда, Петру наследовала супруга, а не внук, но мы не знаем, каковы были интенции императора). По завещанию Екатерины Наталья Алексеевна могла наследовать престол только после Анны и Елизаветы. Но довольно сомнительно, что включение Натальи Алексеевны в список демонстрировало пересмотр принципов престолонаследия (для юного Петра II эта проблема не была актуальной). Скорее всего, сестра царя появляется в списке просто для того, чтобы составить удовольствие монарху: Петр II нежно любил сестру и, как указывали современники, прислушивался к ее советам более, чем к советам кого-либо другого. Но возможно, включение имени Натальи Алексеевны в названную рубрику календаря преследовало

и другую цель: противопоставить потомков Петра от первого и второго брака.

В этой рубрике календаря на 1728 год есть еще одна деталь. Ранее в ее составе то появлялось, то печатало указание «От зачатия царствующего Санктпетербурга». В последнем календаре скатерининского царствования сведения об основании Петербурга присутствовали. Отказ от упоминания Петербурга на этом фоне можно истолковать как желание составителей московской версии продемонстрировать свою позицию. Двор переехал в Москву для коронации Петра II в начале 1728 года: торжественный въезд императора состоялся 9 января. Но уже летом 1727 года велись разговоры о возвращении столицы в Москву. Мардефельд 1 июля доносил: «Старый князь Голицын сравнил даже Петербург с частью тела, охваченною антоновым огнем, и которая должна быть отсечена, чтобы не заразилось от нее все тело. С первою санною дорогою решено отправиться в Москву, и многие умные люди придерживаются того мнения, что со временем можно ожидать обратное перенесение резиденции туда» [Мардефельд, 365].

В петербургской версии календаря на 1728 год также были сделаны значимые изменения. Так, после «вымышления порохового дела» и «книг печатания» было добавлено «От сыскания новон земли во Америке». С 1728 года календарь официально стал академическим изданием, и упоминание Америки (как, например, и помещенное здесь замечание, что астрологические прогнозы не являются «правдивыми») можно отнести к разряду «академических» дополнений. После открытия Америки следовало:

От рождения ЕИВ Петра Второго	13
От государствения ЕИВ	1
От зачатия флота Российского	31
От виктории полученной под Полтавою	19
От зачатия царствующего Санктпетербурга	26

Наталия Алексеевна, как мы видим, здесь не упомянута. Кроме того, здесь, в отличие от московского календаря, названо «зачатие» новой столицы.

Обратимся теперь к списку официальных торжеств. В московском календаре он был оформлен традиционно — список торжеств помещался в разделе «Торжественные праздничные и викториальные дни, которые повсегодню празднуемы бывают».

В петербургском календаре все официальные праздники были указаны в основной части календаря. Эта основная часть календаря, собственно месяцеслов, представляла собой таблицу, в правой части которой были помещены, кроме названия месяцев и чисел, сведения астрономического характера и святцы. Левое поле ранее оставлялось чистым и предназначалось для записей. Теперь в нем и были размещены сведения об официальных праздниках.

Гражданские торжества при такой организации календаря оказывались наглядно соположены со списком основных церковных праздников. А с 1729 года сам список церковных праздников оформляется специальным образом: часть из них (при этом не только двенадцатые) печатаются курсивом или красной краской. Эта практика приживется, и при Анне состав выделенных церковных праздников будет значимо меняться, как и состав гражданских торжеств.

Но главное различие между московской и петербургской версиями заключалось в составе гражданских торжеств. Приведем для удобства оба списка целиком.

	Московский календарь 1728 г.	Петербургские календари 1728—1730 гг.
1 января	Торжествование нового года.	
27 января		Рождение государыни импера- рицы Анны Петровны в 1708 году. 20 год.
28 января		Рождение царевны Анны Иоанновны герцогини Кур- ляндской в 1693 году. 35 год.
3 февраля		Тезоименитство государы- ни императрицы Анны Пет- ровны. И тезоименитство государыни царицы Анны Иоанновны.
5 марта		Рождение Христины Люд- виги герцогини Браун- швейг Бланкенбургския принцессы Эттинген, баб- ки ЕИВ в 1671. 57.
19 апреля	Вознесение на великий все- российский престол, ЕИВ Петра Алексеевича Второго.	Рождение его королевского высочества Карла Фриде- рика герцога Голштинно- готторпскаго в 1701. 28
6 мая		
21 мая		Брак его королевского вы- сочества, с государынею цесаревною Анною Пет- ровною в 1725 году.

27 июня	Виктория над шведами под Полтавою	
29 июня	Тезоименитство ЕИВ Пет- ра Алексеевича, самодерж- ца Всероссийскаго.	Тезоименитство ЕИВ Пет- ра Второго.
11 июля		Рождение Лудовика Ру- дольфа герцога Броун- швейг Бланкенбургскаго, деда ЕИВ, в 1671
12 июля		Рождение сестры ЕИВ На- талии Алексеевны в 1714 году. 14 год
27 июля	Взятие фрегатов шведских на море: первое при Ангуте, по том при Гренгаме.	
30 июля	Рождение благоверной го- сударыни царицы Евдокии Феодоровны.	
4 августа	Тезоименитство благовер- ной государыни царицы Евдокии Феодоровны.	Тезоименитство царицы Евдокии Феодоровны, баб- ки ЕИВ
9 августа	Взятие Нарвы.	
26 августа	Тезоименитство сестры госу- дарыни благоверной госуда- рыни Наталии Алексеевны.	Тезоименитство сестры ЕИВ Наталии Алексеевны.
30 августа	Перенесение мощей свято- го благоверного великого князя Александра Невско- го. И воспоминание заклю- ченного мира, между мпе- риєю Российскою и коро- ною Шведскою.	Перенесение мощей свя- того благоверного князя Александра Невского, 1724 году.
5 сентября	Тезоименитство государы- ни императрицы Елисаветы Петровны.	Тезоименитство государы- ни императрицы Елисавет Петровны.

24 сентября		Рождение царевны Параскевы Иоанновны в 1695 г., 33 года.
28 сентября	Виктория под Лесным над генералом шведским Левенгоуптом.	
11 октября	Взятие Хотенбурха, который ныне Слутенбурх.	
12 октября	Рождение ЕИВ Петра Алексеевича Второго.	Рождение ЕИВ Петра Второго, в 1715, 13 год.
14 октября	Тезоименитство государыни царевны Параскевы Иоанновны.	Тезоименитство царевны Параскевы Иоанновны.
29 октября		Рождение царевны Екатерины Иоанновны герцогини Мекленбург Шверинския, в 1692, 36 год.
24 ноября	Тезоименитство государыни царевны Екатерины Иоанновны.	Тезоименитство государыни царевны Екатерины Иоанновны герцогини Мекленбург Шверинския.
30 ноября	Святого апостола Андрея, и торжество кавалеров Российских.	Торжество святого апостола Андрея, кавалеров Российских.
7 декабря		Рождение ее высочества Екатерины Елисаветы принцессы Мекленбург Шверинския в 1718, 10 год.
18 декабря		Рождение ее высочества государыни цесаревны Елисаветы Петровны в 1709, 19 год.

Легко заметить, что московский список достаточно точно следует системе, установленной Петром в кален-

даре на 1725 год: император празднует восшествие на престол, тезоименитство и день рождения (в 1728 г. Петр II еще не коронован); первая супруга Петра I и бабка императора царица Евдокия Федоровна — рождение и тезоименитство (Екатерина I праздновала и коронование); цесаревны и царевны — тезоименитство. Но, с другой стороны, здесь отразилось широкое представление об императорской семье (в число царских дней включены тезоименитства сестры монарха, но также дочерей двух его предшественников на троне — Иоанна Алексеевича и Петра I).

И уже совсем точно следует петровскому списку (вопреки нововведениям Екатерины I) составитель московского календаря 1728 года в отношении викториальных дней (в списке находим Полтаву, Гангут — Гренгам, Нарву, заключение мира, Лесное, Нотебург). Как и при Петре, в круг праздников включены Новый год и торжество Российских кавалеров.

К моменту составления московского календаря двор еще находился в Петербурге. Вдали от двора и, видимо, не имея прямых указаний, в Москве (к сожалению, не очень понятно, кто именно занимался составлением этого календаря) решено было пренебречь теми повшествами, которые появились в конце правления Екатерины I, и вернуться к списку 1725 года.

Петербургский календарь составлялся в непосредственной близости от двора и отразил если не мнение самого императора, то, скорее всего, А. И. Остермана. Система царских праздников здесь разработана со всей возможной тщательностью. Календарь отмечает рождение и тезоименитство императора (в 1730 г. к ним будет прибавлено коронование). Как в екатерининском

календаре 1727 года, но два официальных торжества (тезоименитство и рождение) приходилось на долю многочисленных цесаревен и царевен. Далее, праздновалось тезоименитство бабки императора по отцовской линии Евдокии Федоровны²⁰ и рождение деда и бабки по материнской линии герцога и герцогини Броуншвейгских. Наконец, в число торжеств было включено рождение герцога Голштинского, супруга Анны Петровны, и принцессы Екатерины Элисабеты (будущей Анны Леопольдовны). Количество «дней рождений» каждого члена императорской семьи в списке торжеств по-прежнему отражает внутреннюю иерархию императорской семьи.

В то же время все викториальные дни были исключены из календаря (и только Полтава, как мы помним, упоминалась среди знаменательных событий). Под 30 августа значилось только перенесение мощей св. Александра Невского (без обычного добавления о годовщине Ништадтского мира); в список внесен и день памяти св. Андрея Первозванного: кроме царских дней, календарь называет только кавалерские. В отношении же царских праздников этот календарь, как мы видим, следует системе календаря 1727 года и идее большой императорской семьи, в части викториальных и кавалерских дней — той практике, которая существовала при дворе Екатерины I. Гипертрофированный список военных достижений определенно не был воспринят как список праздников.

В 1728 году календарь, как уже говорилось, в последний раз вышел в Москве. Прекращение издания московских календарей, насколько можно судить, не было связано с недовольством императора или его при-

ближенных составом торжеств в последнем из них. В 1729—1730 годах календарь выходил только при Академии наук и в точности следовал петербургской версии 1728 года, по концепции своей «екатерининской», а не «петровской».

Сама возможность разночтений в списке торжеств была связана с тем, что в 1726 году Синод устранился от решения вопросов, связанных с календарями. Решением Синода Московской синодальной типографии было предписано «по делу календарей иметь особливо корреспонденцию с Петербургской типографией, не утруждая тем впредь Святейшего правительствующего Синода, понеже то дело не церковное, но гражданское» [Сводный каталог IV, 244]. Как только календарь оказался вне правительственного контроля, в его составе сразу же появляются значительные разночтения, отражающие позицию его составителей.

На соотношении календарного списка и реальной практики придворных торжеств при Петре II останавливаться нет надобности: в его короткое правление регулярный придворный быт не успел сложиться, а сам молодой император не был особенно склонен к придворным «празднествам». Так, 13 октября 1729 года английский посланник Клавдий Рондо доносил: «Его величество до того теперь увлекается охотою, что находится теперь в 135 милях от Москвы и *не приехал сюда вчера ко дню своего рождения*, хотя его и ожидали» [Рондо, 102]. Эти известия дополняет Т. Уард: «Празднование этого дня поручено было Остерману; оно ограничилось обедом и пушечной стрельбой» [Уард, 106]. Этот случай не был единственным. Ритм торжеств задавали разовые праздники (коронация, об-

ручение императора): торжества при дворе то шли чередой, то надолго прекращались.

Краткое царствование Петра II продемонстрировало, что при отсутствии отчетливой правительственной программы в строительство официальной культуры тут же включаются чиновники того или иного уровня (в нашем случае — составители двух концептуально отличных версий календаря). Сама возможность сосуществования двух печатно зафиксированных систем официальных торжеств превращает 1728 год в символическую границу Петровской эпохи: начиная с этого момента официальная культура будет строиться на основе принципиально нового типа отношений монарха и подданного. Если при Петре их можно было описать как «заказчик — исполнитель», то теперь речь должна идти и о частной инициативе, которая во многих случаях предшествует официальному выбору. Разумеется, и первый, и второй случай требуют оговорок и уточнений.

Официальное торжество в календарях и при дворе Анны Иоанновны

Календари при Анне Иоанновне издаются по той модели, которая сложилась при Петре II в Петербурге (праздники внесены в основную часть календаря и расположены рядом с церковными).

Первым календарем нового царствования был календарь на 1731 год. Во время его подготовки двор находился в Москве; календарь был отпечатан при Академии наук и отослан в старую столицу. 15 февраля 1731 года Клавдий Рондо доносил своему прави-

тельству: «Государыня еще недавно показала, как мало интересуется им [герцогом Голштинским] и его сыном, повелев немедленно захватить и отправить обратно в С.-Петербург все календари, изданные Российской Академией на текущий год, потому, что герцог Голштинский и сын его были — как и в минувшее царствование — упомянуты в числе членов императорской фамилии. Теперь печатаются новые календари, в которых исключены будут герцог с сыном» [Рондо, 291]. Это был важный политический жест Анны — молодой герцог Голштинский, внук Петра и единственный мальчик среди многочисленных царевен и принцесс, был исключен из круга возможных наследников престола.

Но этим не исчерпывалось недовольство Анны новым календарем. По словам Рондо, гнев императрицы вызвало также «встречающееся в изъятых из обращения календаре упоминание о дне 25-го февраля 1730 г., как о дне объявления ЕВ самодержицею Всероссийскою. Государыня признает себя самодержавною монархиней с самого дня кончины покойного императора» [Рондо, 291].

Анна, как мы видим, не захотела, чтобы подписание «кондиций» и последующее их уничтожение стало частью официальной истории ее царствования, зафиксированной в придворном календаре. Распоряжение Анны об уничтожении календарей, где значился этот праздник, изменило лишь официальную версию событий 1730 года. «Январское решение Сената <...>, — пишет Карл Рейнхольд Берк, — императрица изменила 25 февраля (этот день восстановления независимости еще празднуется при дворе роялистами и курляндцами,

но, соблюдая приличия, втихомолку» [Беснятых 1997, 157]. Этот день стал своего рода «партийным» торжеством, объединявшим самых надежных сторонников императрицы, он был символом их победы над оппозицией: будучи неофициальным и даже запретным, «день восстановления независимости» имел политический и проправительственный характер.

Сюжет борьбы верных подданных с противниками самодержавия появляется в оде В. К. Тредиаковского 1733 года, написанной к третьей годовщине восшествия Анны Иоанновны на престол. «Презлые души» в изображении Тредиаковского «умышляли» то, от чего «государство все уже стемнело» — ограничение самодержавия:

Встали на Мать, тем на Бога <...>
И се умыслы чинят в гордости не лени.
Мнят что Россию утверждают,
Ухищряют правило не право,
Шепчет им гордость, что то здраво.
Ах! не видят, не видят, что тем разоряют.

[Тредиаковский 1733]

История с календарем показывает, что академики при Петре II привыкли руководствоваться некоторым условным здравым смыслом и составили список торжеств по своему усмотрению. Анна сразу же пресекает возможность проявлять частную инициативу там, где речь идет об официальном издании и организации придворного быта. Но препятствовать появлению запретной темы в панегирической литературе или празднованию изъятого из придворного цикла торжеств события Анна не считала нужным.

Новый, исправленный календарь был составлен при Академии только в марте 1731 года. Приведем список торжеств этой версии календаря полностью:

19 января	Восшествие на Российский престол ЕИВ Анны Иоанновны.
28 января	Рождение ЕИВ Анны Иоанновны, в 1693, 38 год.
3 февраля	Тезоименитство ЕИВ Анны Иоанновны.
28 апреля	Коронование ЕИВ Анны Иоанновны, в 1730, 2 год.
30 июля	Рождение государыни царицы Евдокии Федоровны.
4 августа	Тезоименитство государыни царицы Евдокии Федоровны.
5 сентября	Тезоименитство государыни цесаревны Элисаветы Петровны.
24 сентября	Рождение государыни царицы Параскевы Иоанновны в 1695 г., 36 год.
14 октября	Тезоименитство государыни царицы Параскевы Иоанновны.
29 октября	Рождение государыни царицы Екатерины Иоанновны герцогини Мекленбург-Шверинской, в 1692, 39 год.
24 ноября	Тезоименитство государыни царицы Екатерины Иоанновны герцогини Мекленбург-Шверинской.
7 декабря	Рождение Елисаветы Катерины Христины, принцессы Мекленбург-Шверинской, в 1728, 13.
18 декабря	Рождение ее высочества государыни цесаревны Елисаветы Петровны в 1709, 22 год.

При Анне Иоанновне «календарный» год открывался чередой царских праздников: на 19 января приходилось восшествие Анны Иоанновны на престол, на 28 января — ее рождение, на 3 февраля — тезоименитство императрицы и на 28 апреля — коронование.

В отношении этих дат никаких изменений на протяжении всего правления Анны не происходило. Не меняется и статус Елизаветы Петровны: в календарь регулярно вносятся ее тезоименитство и рождение. В остальном этот список до 1740 года претерпел заметные изменения. Остановимся на них подробнее.

Начнем с *царских дней*. Во-первых, их количество сокращалось по естественным причинам: в 1731 году умирает царица Евдокия Федоровна и царица Параскева Иоанновна, в 1733 году — царица Екатерина Иоанновна. Во-вторых, меняется статус племянницы императрицы Анны Леопольдовны, и это получает отражение в календаре. Ее рождение остается в составе торжеств, отмеченных в календаре, на протяжении всего правления Анны. Сначала изменения касаются титула и имени племянницы императрицы: в 1731 году она именуется в календаре «принцесса Елисавета Катерина Христина», а с 1732 года — «Ее высочество государыня принцесса Анна». С 1734 года в списке торжеств появляется и ее тезоименитство (т. е. она оказывается уравнена с цесаревной).

Показательную эволюцию переживают при Анне *викториальные и кавалерские дни*. В 1731—1732 годах список торжеств, как мы видели, полностью состоит из царских дней. Отсутствие викториальных и кавалерских дней в списке отчасти компенсировалось рубрикой, в которую традиционно вносились «знаменательные события» и которая при Анне получает устойчивое заглавие «Хронология вещей достопамятных»²¹. При Анне из событий русской истории в нее постоянно входили: «зачатие флота Российского», «зачатие царствующего Санктпетербурга» и «победа, полученная под Полтавою».

Серьезные изменения в основной части календаря происходят в 1733 году: теперь в него включены «Торжественное воспоминание победы под Полтавою», «Кавалерский праздник святого Александра Невского» и «Кавалерский праздник святого апостола Андрея Первозванного». 1733 год, таким образом, можно считать важной границей в формировании официального календаря при Анне.

Новая волна изменений в календаре приходится на 1735 год, когда был сделан целый ряд поправок в списке церковных праздников. Во-первых, в 1735 году в списке церковных праздников появляются дни памяти святых, имена которых связаны с начальным периодом русской истории: 11 января — «Преподобного» Феодосия», под 17 января — «Преподобного» Антония» (св. Антоний — основатель Киево-Печерского монастыря, св. Феодосий — его первый игумен, оба жили в XI в.).

Во-вторых, значительно расширен круг праздников, посвященных Иоанну Предтече (24 февраля — первое и второе обречение главы Предтечи, 25 мая — третье обречение главы Предтечи, 23 сентября — зачатие Предтечи). Нужно полагать, что эти праздники были добавлены в календарный список церковных торжеств в знак памяти об отце императрицы Иоанне Алексеевиче.

В-третьих, в календарный список церковных праздников были внесены под 9 сентября день памяти «св. Иакима и Анны» и под 9 декабря «зачатие Анны». Оба праздника посвящены святой покровительнице самой императрицы и принцессы Анны Леопольдовны (за год до того, как мы помним, в календаре появляется тезоименитство последней).

знаменитых императоров Священной Римской империи ему были известны.

Во-вторых, столицу кесаря Фридриха — потешную крепость, построенную недалеко от Преображенского, Петр называет «Прешпурком». Пресбург был крепостью на Дунае, которая принадлежала императору с 1621 года. При Леопольде I (в 1687 г., т. е. уже на памяти Петра) здесь состоялся сейм, признавший венгерскую корону наследственным достоянием Габсбургов. Во время своего пребывания в Вене с «Великим посольством» Петр специально посетил эту крепость. А в «Походном журнале» за 1698 год под 7 июля записано: «были в Прешпурке» [Журнал 1698, 28].

И наконец, 19 октября 1699 года именно въезд в Вену «Великого посольства» послужил образцом для устроенного царем шутовского посольства к князю-кесарю. «Двое царских полномочных, — пишет секретарь цесарского посланника в Москве Корб, — генерал Лефорт и боярин Головин, *ездившие в последнее время послами к императорскому двору*, въехали сегодня в Москву с той же самой церемонией, с какой въезжали они в Вену <...> Младший Лефорт в должности секретаря посольства нес какую-то вернтельную грамоту, которую и вручил князю Ромодановскому с насмешливой и мнимой вежливостью; та грамота, вероятно, была от короля Утопии, так как вся эта комедия заключилась в насмешке, когда вместо подарка поднесли князю обезьяну». Корб приводит объяснение этой странной процессии: «Каждый из участвовавших в поезде должен был быть в немецком платье, главным образом для того, чтобы рассердить князя неприятным для него зрелищем. Нужно знать, что когда сказали

князю Ромодановскому, что Головин оделся в Вене по-немецки, то он с негодованием заметил: „Я не думаю, чтобы Головин был таким безумным и сумасшедшим, чтобы презирать народное платье“» [Корб, 101].

Самая последняя деталь, на которую может быть, стоит обратить внимание, — описание маскарадного костюма И. Ф. Ромодановского (сына Ф. Ю. Ромодановского, которому по смерти отца перешел титул «князя-кесаря»¹³) на маскараде по случаю заключения Ништадтского мира. Берхгольц пишет, что на петербургском маскараде князь-кесарь явился «в бархатной мантии, подбитой горностаем, в золотой короне и со скипетром в руке» [Берхгольц I, 170]. Слуги и супруга князя-кесаря были в традиционной русской одежде, но горностаевая мантия и корона указывают, скорее, на условный облик европейского правителя. На московском маскараде в начале 1722 года князь-кесарь ехал на «большой лодке» «в мантии, подбитой горностаем, имея с собою кого-то в курфюршеской мантии» [Берхгольц II, 70] (император Священной Римской империи был выборным правителем, и выбирали его специальным голосованием курфюрсты империи).

В. М. Живов в ряде работ убедительно показал, что шутовские церемониалы Петровской эпохи играли важную роль в реформаторской деятельности Петра. «Переигрывание реальной государственной деятельности с пародийно-концептуальной игрой может придавать этой последней прогностический характер, когда реальные преобразования предварительно проигрываются в шутовских затеях царя» [Живов, 572]. Несомненно, игра в «кесаря Фридриха» прямо вела к принятию императорского титула в 1721 году.

Принимая новый титул в 1721 году, Петр выбрал именно форму «император». «Противопоставление „цесаря“ (или „царя“) и „кесаря“, — указывают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, — выступает как противопоставление византийской и римской верховной власти. Не случайно перед тем, как назвать себя „императором“, Петр называет Ромодановского — так сказать своего двойника — „князь-кесарем“». Оба наименования (и «кесарь», и «император») «знаменуют *ориентацию именно на Рим*». «Принятие русским монархом императорского титула ставило его в один ряд с австрийским императором: ориентация на Рим осуществлялась как непосредственно, так и через австрийский политический эталон» [Лотман, Успенский, 72, 61].

Однако сами слова «цесарь» и «император» в документах и сочинениях Петровской эпохи могут быть использованы как синонимы. Так, например, в 1716 году Петр издал «Регламент или указ, его *цесарского всероссийского величества*, како содержать себя чинно и послушно всегда в Академии школьникам». «Регламент» начинается словами «Указ *императора всероссийского* Петра Алексеевича», а далее вновь появляется титул «цесарское величество». Этот указ царь редактировал лично — его рукой добавлены два пункта¹⁴ [ПСЗРИ V, № 2937]. Примеры можно бы было умножить.

Петр хотел доказать всему миру свое право титуловать себя, как это делали и его предки, императором (т. е. равным императору Священной Римской империи), и здесь для него большой терминологической разницы между «цесарем» и «императором» не было. Это были синонимы, один из них был русским, другой — заимствованным, как, например «патриот» —

«сын отечества», «архив» — «дело» или другие лексические пары. Именно поэтому императрицу по принятии титула предполагалось называть «цесарева», а дочери Петра в результате сохранили титул «цесаревна».

Исследователи приводят многочисленные случаи использования Петром титула «император», самые ранние из них относят к 1696 году [Агеева 1999, 118—119].

Начиная с 1708 года, что совпадает по времени с заказом Полникарнову «Истории», количество случаев, когда Петр титулует себя императором, резко возрастает [Алексеева, 46; Успенский 1994, 103; Wortman, 46, 49 и др.]. Около этого времени Юст Юль отмечает в своих записках: «Находятся люди <...> которые некаки — и в *особенности теперь, после Полтавской победы* ищут — поправиться царскому двору императорским титулом, побуждая в то же время царя добиться от всех коронованных особ Европы признания за ним этого титула». Петр, по словам Юста Юля, «не без тайного удовольствия внимает этому титулу» [Юст Юль, II, 115].

Наконец, еще один всплеск в употреблении Петром императорского титула приходится на 1718—1719 годы¹⁵.

Для того чтобы сделать окончательный вывод о ритме появления императорского титула в документах разного рода на протяжении петровского царствования, следует, конечно же, составить полный список всех сохранившихся свидетельств. Однако предварительно можно говорить о трех хронологических периодах, когда вопрос об императорском титуле для Петра становится особенно актуальным. Первый из них приходится на Азовские походы и заканчивается приблизительно в то время, когда с Портой был заключен

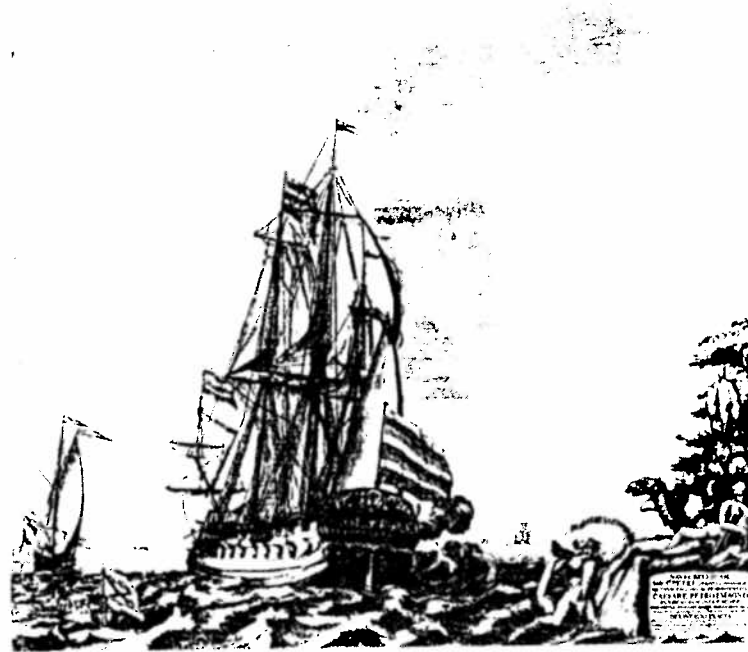
мир. Второй начинается после победы над Левенгауптом в 1708 году и продолжается еще некоторое время после Полтавы. Третий же связан с окончанием Северной войны (планы мирных переговоров Петр начинает активно строить уже по возвращении из-за границы в 1717 г.). Заканчивается этот период церемонией поднесения Петру императорского титула.

Сама форма императорского титула могла быть различной. Уже в 1705 году на титульном листе книги «Символы и Емблемата», видимо по воле издателя Ильи Копиевского, Петр назван «*Император московский великий государь царь и великий князь*» (книга была издана в Амстердаме). На гравюре Шхонебека 1700 года был изображен военный корабль, на корме которого видна фигура апостола Петра, с русской (слева) и латинской (справа) надписями. Русская надпись гласит: «Чертеж воинского корабля, прозваншем молящего святого Петра и который делал *Петр I, император, царь и самодержец всероссийский*». Титул Петра на латыни звучит здесь как «*Caesare Petro I Magno Ruthenorum Imperatore*» (ил. 30). В 1703—1705 годах Шхонебек исполнил портрет царя с надписью «*Петр Первый император присно прибавитель. Царь и самодержец всероссийский*»¹⁶ (ил. 31). Такую же формулировку находим на фронтисписе «Книги Марсевой» — парадного издания, которое должно было запечатлеть победы России в войне со Швецией: «Петр первый, император присноприбавитель, царь и самодержец всероссийский». Фронтиспис был гравирован А. Ф. Зубовым в 1712 году (ил. 32).

Титул «император присноприбавитель» традиционно давался в русских дипломатических документах им-

ператорам Священной Римской империи. Так, в грамоте о взятии Азова читаем: «Леопольдус, божиею милостию избранный цесарь Римский, *всегда прибавитель*, Германский, Кроацкий, Словенский, и иных король» [ИДС, 316; также 412, 488, 637 и др.].

Уже П. П. Пекарский подчеркивал, что «присно прибавитель» значит «августейший, *augustus*, от *augeo* — умножаю, прибавляю» [Пекарский 1862, II, 291]. То, что именно это буквальное значение было актуальным для

30. А. Шхонебек. «Предестинация». Вид с кормы. 1700—1701

31. А. Ф. Зубов. Портрет Петра I. 1715

Петра, иллюстрирует, например, посвящение монарху Дмитрия Кантемира в книге «Книга система или состояние мухаммеданския религии» (1722): «Императору <...> царства прибавителю и распространителю» (переводили с латинского И. Ильинский и Д. Грозин).

Впервые именно формулировка «присно прибавитель» по отношению к Петру появляется после взятия Азова: «Для сего торжества сделана была и медаль, на которой виден с одной стороны портрет ЕЦВ с сею надписью: Петр Алексеевич повелитель Московский присно приращитель. На обороте изображено бомбар-

32. А. Ф. Зубов. Фронтиспес «Книги Марсовой» с портретом Петра I. 1712

дирование города Азова со следующей подписью: „Молниями и волнами победитель“. Впизу — 1696» [Байер, 216; Памятники русской культуры, № 799]. Не случайно, видимо, именно эта формулировка появляется на заставке «Книги Марсовой», которая призвана была подробно рассказать о военных приобретениях Петра.

Проект сочинения об императорской власти в России, порученный Поликарпову, не был завершен в срок и не отвечал замыслу Петра. На основании приведенного материала мы можем значительно более определенно, чем в начале нашего рассуждения, утверждать: в конце 1708 года Петр вынашивал планы успешного окончания войны со шведами. Территориальные приобретения давали Петру, как он полагал, право называть себя «августейшим» — «царства прибавителем и распространителем». Россия — и это было убеждение царя — приобретала не чужие, а некогда утраченные земли. С их возвращением было возможным и возвращение утраченного права на императорский титул. Книга Поликарпова должна была стать историческим свидетельством прав русского монарха как на Ингрию, так и на императорский титул.

Императорский титул

Обстоятельства принятия Петром императорского титула 22 октября 1721 года хорошо известны: о них сообщает «Акт поднесения государю царю Петру I титула императора всероссийского и наименования: Великого и Отца отечества», который был напечатан уже 1 ноября. Это была официальная версия событий. Сразу же, однако, распространились слухи, несколько

по-иному представлявшие ситуацию. Так, уже в октябре французский посланник Кампредон, например, доносил своему правительству: «Царь приказал провозгласить себя императором. Для этой цели он, за день до того, даровал Сенату права и власть, какими располагали древние римские сенаторы, а на другой день снова отнял их» [ДФП 1884, 297]. Вполне вероятно, что Кампредон точнее, чем официальный «Акт», передаст суть дела. Однако нас будет интересовать именно официальная версия, причем официальная версия в ее становлении.

Идея поднести титул (по крайней мере, так это представлено в синодской «Протокольной книге») принадлежала именно Синоду, скорее всего его вице-президенту Феофану Прокоповичу. 18 октября имело место «секретное рассуждение» о славных делах царя. Уже в этом протоколе зафиксированы все основные идеологемы, которые войдут в текст «Акта».

Список заслуг Петра здесь составляют: «труды и руководства» к прославлению государства и пользе подданных, а также заключение славного и полезного мира. Специально разъясняются «примеры и причины» поднесения титула: «Отец отечества» — так как Россия трудами царя «из тьмы неведения на театр славы всего света произведена, аки бы из небытия в бытие порождена и во общество политических народов приобщена». Петр Великий — по великим делам, по примеру «чужестранных», которые его уже так называют, и по примерам «как древние цесари Римские и Греческие Иулий и прочие по делам великим в титулах своих Великими именованы были». Наконец, император — поскольку «достохвальным ЕВ антецессорам неколиких

сот лет, славнейшим императором Римским Максимлианом уже приложен» и по славным и мужественным делам Петра [Постановления Синода, 332].

20 и 21 октября Синод заседал с Сенатом, в протоколе этих заседаний в отношении титула появляется формула «святейшим правительствующим Синодом за благо изобретено и правительствующим Сенатом апробировано» [Постановления Синода, 333], в дальнейшем указание на приоритет Синода исчезнет из документов. 21-го было решено, что произнесение речи о поднесении титулов будет поручено Феодосию Яновскому (Феофан читал «Слово» на победу). «Со стороны Сената» Феодосию была предложена речь. Она была сочинена Шафировым, к 22 октября Феодосий ее слегка и в основном стилистически отредактировал («великоименитые» здесь появилось вместо «мужественные», «всему отечеству» вместо «нашему отечеству» и т. п.).

В «Акте поднесения» эти переговоры между Синодом и Сенатом опущены, а рассказ начинается с 20 октября, когда Меншиков отправился «с письменным прошением к ЕВ» и «просил, чтоб к ним милость показал, и тот титул принять благоволил, и им позволил в церкви, при отправлении торжества, чрез сочиняемую о том речь себе представить и принести». Сначала Петр отказывается, назначает вторую встречу уже с представителями Синода и, наконец, дает себя уговорить: «ЕВ, по своей обыкновенной и достохвальной modestии или умеренности, того принять долго отрекался, и многими явленными резонами от того уклоняться изволил. Однако ж, по долгом оных господ сенаторов прошении и предложенным важным представлениям, последи склонился» [ПСЗРИ VI, № 3840].

22-го, как сообщают протоколы Синода, состоялось последнее совместное заседание Синода с Сенатом. На нем «заблагорассуждено» было «говорить <...> помянутому преосвященному Феодосию архиепископу оную речь, которая его архиерейством исправлена», но «печатать в типографии <...> оное барона господина Шафирова сочинение» (это уже был расширенный вариант речи, которую Шафиров предложил сначала) [Постановления Синода, 333—334].

Однако в «Акте» произнесение речи Феодосием опять-таки не зафиксировано. «После литургии и чтения трактата о мире, — сообщает «Акт», — от архиепископа Псковскаго (Феофана Прокоповича. — Е. П.) поучение на кафедре сказывано, в котором все ЕВ дела и славные действия <...> особливо же во время сей войны, своему государству и подданным показал, пространно показаны». Вслед за тем к Петру «приступил весь Сенат» и канцлер граф Г. И. Головкин, старейший член Сената, произнес речь [ПСЗРИ VI, № 3840]. Головкин произнес тот расширенный вариант речи Шафирова, который решено было напечатать.

Первая часть речей Феодосия и Шафирова — Головкина практически совпадала. Здесь говорилось о личных заслугах Петра («славные и мужественные воинские и политические дела» и «неусыпные труды»), благодаря которым его подданные «из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако реши, из небытия в бытие произведены, и во общество политичных народов присовокуплены». Далее было указано, что царь не любит похвал (не имеет в них «благоугождения») и потому вместо похвал его подданные просят принять титулы «Отца отечества, Петра Великого, Императора всероссийского» [ПСЗРИ VI, № 3840].

В эту часть речи, как мы видим, почти без изменений вошли положения из самого первого (18 октября) протокола Синода. Новым является лишь указание на то, что Петр не любит пространных похвал (эта фраза, видимо, отражает ход устных консультаций представителей Синода и Сената с царем).

Главное же различие двух речей состояло в том, что у Шафирова была добавлена вторая часть, где поднесение титулов было пространно аргументировано. Аргументы Шафирова заметно отличаются от тех, которые были высказаны на заседании Синода 18 октября.

На заседании Синода, как мы помним, речь шла о Максимилиане и личных заслугах царя (дела Петра были названы славными и мужественными). Шафиров убирает ссылку на дела. Он сохраняет слова «Титул императорский Вашего величества, достохвальным антецессорам от славнейшего императора Римского Максимилиана, от неких сот лет уже приложен»; к этому он добавляет «а ныне от многих potentatov дается».

«Имя Великого» в исходном варианте было связано с величием дел царя, примером чужестранцев (которые уже давно так титулуют Петра) и традицией древних цесарей. Шафиров оставляет лишь «по делам Вашим великим, по достоинству Вам уже многие и в печатных письмах прилагают» (древние цесари убраны, а вместо «чужестранцев» появились «многие»).

Наконец, «имя <...> Отца отечествия» у Шафирова сенаторы дерзают «приложить», ссылаясь на исторический прецедент: «По прикладу древних Греческих и Римских Синклитов, которые своим, славными делами и милостию прославившимся монархам, оно прилагали». Показательно, что инициатива самих «древ-

них цесарей», которая была в первом варианте, здесь трансформирована в инициативу «синклитов». Различный статус разных составляющих подносимого титула подчеркивается у Шафирова и далее: сенаторы просят Петра принять, во-первых, «твоя от твоих» (т. е. императорский титул, принадлежавший предкам Петра и утраченный в результате неурядиц начала XVII в.); во-вторых, «достоинное достойному» (наименования «Великий» и «Отец Отечества») — то, что Петру подносится на основании его личных заслуг [Постановления Синода, 332, 335; ПСЗРИ VI, № 3840].

Как мы видим, главное уточнение Шафирова касается именно причин поднесения каждого из титулов: императорский титул Петру подносится как полагающийся ему по наследству, титулы «Великий» и «Отец отечества» — по заслугам. Можно не сомневаться, что именно волей Петра был предпочтен вариант Шафирова.

Речь Феодосия с указанием его имени в заглавии была напечатана (скорее всего, утром 22 октября, уже после последнего совещания Синода и Сената, но до того, как было принято решение, что речь будет произносить Головкин и это будет вариант Шафирова)¹⁷.

В тот же день речь, которую произнес Головкин, была издана, но появилась она в двух вариантах с некоторыми различиями в заглавии. В «Канцелярии Сената» ее издали под заглавием «Речь какова *от сената, именем всех чинов* государства всероссийского ЕИВ. В церкви Святой Троицы, от господина канцлера графа Головкина, говорена в 22 день октября, 1721 году» [Быкова, Гуревич 1955, № 618]. В Санкт-Петербургской типографии была напечатана «Речь, которая публично в церкви его царскому пресветлому величеству,

от синода и сената говорена» [Быкова, Гуревич 1955, № 619]. И двойная публикация, и разница в формулировке (в первом случае — только от Сената) указывают на то, что существовало серьезное соперничество этих двух институтов в вопросе о поднесении титула. Скорее всего, по причине этого соперничества Феодосий и был замещен Головкиным.

В «Акте» о принятии титула, напечатанном 1 ноября, инициатива поднесения уже окончательно была закреплена за Сенатом: Сенат иногда выступает здесь «обще с духовным Синодом», но Меншиков к царю обращается «от всего Сената с письменным прошением», «Сенат, именем всероссийского государства чинов» просит принять титул.

Вернемся к процедуре поднесения титулов. Когда Головкин закончил говорить и затихли овации, Петр обратился к подданным с ответной речью. В «Акте» поднесения титулов помещено ее краткое изложение (оно было составлено самим Петром, автограф сохранился [Воскресенский, 156]). Приведем текст «Акта» полностью:

1. Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал что Господь Бог прошедшею войною и заключением сего мира нам сделал.

2. Надлежит Бога всею крепостию благодарить; однако ж надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так стало, как с монархией Греческою.

3. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, которой Бог нам пред очьми кладет, как внутри, так и вне, от чего облегчен будет народ [ПСЗРИ VI, № 3840; Воскресенский, 156].

Кроме того, сохранился черновик «Акта» о праздновании мира 22 октября с редакторской правкой царя. В ней речь царя изложена значительно более пространно.

К первому пункту, где говорится о роли Божественного промысла, Петр добавляет два важных положения. Во-первых, он «рекомендует» подданным, «чтоб за полученное миротворением благополучие благодарил Вышнего». Этим царь подчеркивает, что принятые им титулы ни в коем случае не означают, что он забыл о настоящей, высшей причине всякого события. А потому, даже приняв титулы (а принял он титулы, чтобы не обидеть «горячности» подданных), на первый план следует ставить благодарность Всевышнему. Во-вторых, с благодарностью Всевышнему Петр связывает сохранение памяти о событии. Он «рекомендует», чтобы его подданные «милость <...> божественную, дарованную им *помнили* и тились, чтоб то и у потомства их *в непрестанной памяти* было, дабы и оные признавали, что Бог к России показал» [Воскресенский, 159]. Петр фактически напоминает подданным о необходимости исправно праздновать годовые военные торжества даже после заключения мира. А это дает возможность понять одну из самых важных для Петра функций исторического сочинения: история рассказывает о военных победах и событиях гражданского быта, которые необходимо помнить, чтобы из поколения в поколение благодарить Всевышнего за них. Историческое сочинение с такой точки зрения приближается по своей функции к календарю.

Ко второму пункту, где говорилось о печальном опыте «монархии Греческой», в этой пространной

версии речи мы также находим важные разъяснения. В конспективной версии говорилось только о необходимости в мирное время не забывать «военного дела», как забыли греки. Здесь же Петр предостерегает своих подданных, чтобы они «во время <...> мира роскошью и сладостию покоя» не дали себя «усыпить», не забыли «экзерцицию или употребления оружия на воде и на земле». Петр указывает на печальный пример «других государств, которые чрез такое перачительство весьма разорились» и особенно выделяет «приклад Греческого государства, яко с собою *единоверных*». «Греческое государство» от своего «перачительства» «под турецкое иго пришло». Заканчивая эту часть речи, Петр говорит о состоянии в «прежние времена» «своих собственного отечества»: в нем «издревле храбрые люди были, но потом нерадением и слабостию весьма от обучения воинского было отстали» [Воскресенский, 159].

Пространное изложение речи Петра близко к тому, что он реально говорил 22 октября. Об этом можно судить по допесению, например, французского посланника. «На речь канцлера, — пишет он, — царь отвечал, что с благодарностью принимает это доказательство любви к нему подданных, что будет для них отцом, но увещевает их, пользуясь заключенным им славным миром, не ослабевать в храбрости и в военной дисциплине, которые одни могут предохранить государство от гибели, какой подверглась Восточная империя, павшая *вследствие полной изнеженности и роскоши*» [ДФП 1884, 297—301].

Размышления о судьбе Греческой монархии занимали Петра ранее. В «Записной книжке» за январь

1720 года он писал: «О греческом падении от презрения войны, римское — от разорения Картагена» [Воскресенский, 78]. Остановимся подробнее на этой «греческой» теме.

«Дабы с нами не так сталося,
как с монархией Греческою»

В момент принятия титула императора Петр, как мы видели, вспоминает о взятии Царьграда турками — о гибели Восточной Римской империи.

В 1713 году «повелением царского величества» была напечатана «История о разорении последнем святого града Иерусалима от Римского цесаря Тита сына Веспасианова. Вторая о взятии славного столичного града греческого Константинополя (*иже и Царьград*) от турецкого султана Махомета второго» (книга при Петре была переиздана дважды — в 1716 и 1723 гг.). Принято считать, что «Повесть о взятии Царьграда», как и ряд других древнерусских сочинений, издававшихся Петром, были уступкой вкусам читателей и не имеют прямого отношения к взглядам и пристрастиям царя. П. Н. Берков писал: «Петр считал нужным удовлетворять с помощью печатного станка давнишний интерес русских читателей к „воинским повестям“. При нем по три раза издаются „История о разорении града Трои“, известная на Руси еще с XV в., и „История о разорении последнем Иерусалима и о взятии Константинополя“, не менее популярные среди русских читателей XVI—XVIII вв.» [Берков, 18]. Выше речь уже шла о роли «Истории о разорении града Трои», представляется, что история Царьграда имела не менее важное

значение в сложении официальной историографии Петровской эпохи.

«История» о разорении Царьграда была хорошо известна до Петровской эпохи и сохранилась в большом количестве списков, преимущественно XVII века. Уже П. П. Пекарский писал, что «сказание и в печати, и в рук<о>п<иси> первоначально имело одну редакцию» [Пекарский 1862, II, 306—307]. Мнение П. П. Пекарского разделяют Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. «Местами, — указывают они, — печатное издание почти полностью совпадает с повестью Нестора Искандера („Повесть о Царьграде“). История составлена на основе русских источников, на что указывают напечатанные в конце слова „До зде российская история“. Затем идут два дополнения: а) „Историк же Каллиппизий <...> сию плачевную трагедию вкратце описует сие“ и б) „Иоанн Лудовик Готофред во своей Архонтологии <...> о начале Константинополя воспоминает сие“. Сравнение <...> показало, что добавления являются почти точным переводом этих изданий» [Быкова, Гуревич 1955, 365].

Для самого царя эта книга имела особое значение. В 1715 году Петр записал свой сон: «Апреля на 26-е число видел сон: яко бы орел сидел на дереве, а под него подлез или подполз какой зверь не малый, наподобие крокодила или дракона, на которого орел тотчас бросился, (и) из затылка у оного голову отъел, а именно переел половину шеи и умертвил. И потом, как много сошлось людей смотреть, то подполз такой же другой зверь, у которого тот же орел отъел и совсем голову, что якобы было уже явно всем» [Семевский 1884, 272].

Е. В. Анисимов писал о снах Петра: «Примечательны запомнившиеся царю сны <...> Они, отражая раскрепощенное сознание этого человека, ярко показывают особо символический склад его мышления. Сны эти состоят как бы из блоков аллегорий, имевших широкое хождение в культуре того времени» [Анисимов 1989, 49]. Точнее было бы, видимо, говорить о том, каким способом Петр свои сны пересказывает. Но в целом с замечанием Е. В. Анисимова трудно не согласиться: Петр рассказывает свой сон так же, как он описывает, например, фейерверки (за исключением, может быть, того эпизода, где орел сначала наполовину «отъел» змею шею, а потом его совсем умертвил).

Петр не записывал, видимо, случайные сны. Скорее, он видел в них важные, требующие расшифровки тексты, послания высшего порядка, обращенные к нему как монарху, и потому считал необходимым их фиксировать. Нам теперь довольно трудно восстановить, как именно понимал их Петр.

Во сне об орле и змее Петр, скорее всего, узнал эпизод хорошо известной ему повести о взятии Царьграда. Здесь в рассказе об основании города царем Константином появляются змей и орел. Змей «внезапу вышел из норы, потече». В этот момент «свыше орел, спад, змия похвати и полете на высоту». В воздухе завязалась борьба, и змей одержал верх. Орел «паде с змием на то же место, понеже одолен бысть от змия». Наблюдавшие за поединком убили змея и поймали орла. Царь Константин был «во ужасе величнем и, созвав книжники и мудрецы, сказа им знамение». Царю отвечали, что это место «Седмохолмы наречется и прославится и возвеличится во всей вселенней паче иных градов, но по-

неже станет межи дву морь и бьем будеть волнами морскими — поколебим будет. А орел — знамение крестьянское, а змий — знамение бесерманское». Поскольку змей одолел орла, то и «бусурмане» одолеют христиан, но поскольку люди змея убили, а орла поймали, то «напоследок паки христьянство одолест», «Седмихолмого примут и в нем воцесарятся» [Повесть о взятии Царьграда, 28]. Первая часть предсказания в повести сбывается: город захвачен турками. Петр мог видеть в своем сне предсказание, которое, в отличие от помещенного в повести о Царьграде, можно было интерпретировать как благоприятное — орел победил не только первого, но и второго змея (не только Порту, но и Швецию).

К 1720-м годам относится анонимное сочинение «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга». Сохранилась правка рукописи этого сочинения рукой Петра [Кротов, 209—213]: царь, по-видимому, хотел ее опубликовать. Здесь рассказывается о том, что 16 мая 1703 года, во время ритуала закладки Санкт-Петербурга, над Петром парил орел, а потом, когда Петр наметил двумя березами будущие ворота крепости, то орел сел на ворота и дался царю в руки. Составитель повести объясняет это происшествие самым бытовым образом (орел был ручной и жил на острове), но подчеркивает, что Петр видел в появлении орла «доброе предзнаменование» [Беспярых 1991, 258—259]. О. Г. Агеева справедливо отметила, что «рассказ о закладке крепости и города <...> соотносится с легендой об основании Константинополя» [Агеева 1999, 61]. Добавим, что Петр поступает именно так, как предписывает повесть: он берет орла в руки, этот жест, как мы

помним, означает конечную победу «над бусурманством» и предвещает «воцесарение».

Эпизод с орлом особо выделен и в издании «Повести о взятии Царьграда» 1713 года. Здесь специально указано, что «о битве орла со змием» читатель может осведомиться и в Степенной книге.

Можно осторожно предположить, что «Повесть о взятии Царьграда» и пророчество, помещенное в ней, Петр воспринимал как имеющее отношение к нему лично.

Остановимся подробнее на самой повести. Внутренняя хронология ее очень своеобразна. Указания на день первого приступа Магмета-салтана к Царьграду здесь нет, но все происходящее отсчитывается от начала осады («днем же миновшим», «в 30-й же день по первом приступе», «днем же трнем миновшим» [Повесть о взятии Царьграда, 30, 38, 44]). Точной датой (26 мая) обозначено начало последнего этапа осады, когда после знамений защитникам города и осаждающим становится понятно, что Царьграду суждено пасть [Повесть о взятии Царьграда, 54]. Вторая и последняя точная дата отмечает гибель в бою императора: «И тако пострада благоверный царь Костянтин <...> месяца мая в 29 день». После смерти Константина горожане продолжают сопротивляться — «падоша <...> того дни множество людей» [Повесть о взятии Царьграда, 64]. Здесь хронология снова обрывается и сообщается только, что бои в самом городе продолжались. Наконец, после переговоров с «боярами и стратигами» и освобождения города от тел погибших, на 11-й день (видимо, после сдачи города) султан торжественно вошел в Царьград. Вполне вероятно, что Петр считал днем,

когда город был взят турками, 30 мая — дату, на которую приходился его день рождения.

О том, что какие-то хронологические подсчеты в связи с падением Царьграда Петр производил, свидетельствует собственноручная запись царя в 1711 году: «258 взят Царьгород» [ПБПВ XI—2, № 4995], то есть с момента взятия Царьграда (1453) прошло 258 лет. Возможно, издание повести в 1713 году (через 260 лет после взятия Царьграда) имело для Петра символическое значение.

«Повесть о Царьграде», как мы видели, Петр знал и придавал самое серьезное значение описанному в ней знамению. Однако в повести ничего не говорится о том, о чем Петр предостерегал своих подданных в день принятия императорского титула: «не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией Греческою», не упоминаются здесь ни «роскошь», ни «сладость покоя». Составитель повести указывает только на «ненасчетные согрешения». Между тем высказывание Петра имеет совершенно определенный источник и прямо связано с повестью о Царьграде.

«Повесть о взятии Царьграда» существовала в нескольких редакциях и в рукописных сборниках разного состава.

В конце 1530-х годов в Москву приезжает Иван Пересветов — профессиональный «воинник», долгие годы воевавший по найму в Польше, Венгрии и Молдавии. Пересветов приехал в Москву не просто для того, чтобы поступить здесь на службу, он приехал как убежденный сторонник Московских великих князей. Вместе со своим военным опытом он предложил изгот-

«македонские щиты» (мастерскую по их производству он пытался организовать в Москве).

8 сентября 1549 года в церкви Рождества Богородицы Пересветов подает Ивану Грозному челобитную и с ней две «книжки» своих сочинений, а через некоторое время — новую «большую» челобитную и с ней новую копию («противень») тех же сочинений. «Дошедшие до нас сочинения И. С. Пересветова, — пишет А. А. Зимин, — очевидно, восходят к тексту, который был передан Ивану Грозному Пересветовым во время их второй встречи» [Зимин, 14—15].

Сохранившиеся списки произведения Пересветова включают «Повесть об основании Царьграда» и «Повесть о взятии Царьграда»; кроме того — ряд оригинальных произведений этого автора: «О взятии Царьграда безбожного царя Магмета Амуратова сына Турского царя», «Сказание о книгах», «Сказание о Магмете-салтане», «Первое предсказание философов», «Второе предсказание философов» и «Сказание о царе Константине» [Зимин, 81—83]. Все перечисленные произведения Пересветова объединяет одна тема — падение Царьграда.

В сочинениях Пересветова Константин, последний византийский император, противопоставлен Магмет-султану, а греки — подданным султана. Греки владеют истинной верой и мудростью, но не способны поступать в соответствии со своими книгами, не умеют пользоваться своей «мудростью». «Бог не веру любит, правду, — пишет Пересветов, — <...> И греки евангелие чли, а иные слушали, а воли Божия не творили». Причина этого — слабость власти Константина. «Правда Богу сердечная радость: во царстве своем

правду держати <...> А не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, так и царство без грозы». Константин же «велможам своим волю дал» [Пересветов, 181, 153].

Магмет-султан у Пересветова, напротив, — сильный правитель, он способен установить «правду» в своем государстве. «Ино таково есть Божие милосердие, — пишет он, размышляя о судьбе подданных Константина. — Если к той истинной вере христианской да правда турецкая, ино бы с ними ангелы беседовали» [Пересветов, 161].

«Турская правда» — результат добродетелей самого султана. Магмет-султан учится у греков, перенимает их мудрость, все делает по греческим книгам: «Греческие книги прочел и написав слово в слово по-турски, ино великие мудрости прибыло у царя». Султан даже готов принять христианство, но «сеиты ему молвили: „Если бы ту веру любил Господь, и он бы тебе ся не выдал“. И в том его сеиты с пути божественного совра-тали» [Пересветов, 151].

Магмет проводит свою жизнь в непрестанных трудах, «по поту чела своего уживает» (а «Бог полагает не ленивым, но кто труды принимает и Бога на помощь призывает»). Кроме того, Магмет «ничего же из казны своея царския во уста своя не положил: что сам сделает, да пошлет продати, да на то себе велит ясти купити. А рек тако: „Исполняю заповедь божью. Господь приказал: „Возлюбите Господа, Бога вашего, да вы любите ближних своих, как себя“» [Пересветов, 151].

Последнее выражение несколько раз проявляется в письмах молодого Петра и именно как формула, которая выражает позицию царя. Так, он пишет

Т. Н. Стрешневу: «А мы, по приказу Божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица своего едим хлеб свой» [ПБПВ I, № 72]. То, что фраза эта не была случайной, показывает ответ Стрешнева: «Ваша милость пребывает по приказанию Божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица своего кушаете хлеб свой; и то ведом, что празден школи» [ПБПВ I, 548]. В другом письме царя, писанном к патриарху Адриану из Амстердама, вновь появляется эта же тема: «Последуя слову Божию, бывшему к праотцу Адаму. (трудимся), что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли возвратиться против врагов имени Иисуса Христа поборителями» [ПБПВ I, № 186].

Вторая важная тема Пересветова — война. Для ведения войны правителю необходима воинская мудрость, которую можно получить от опытного воина. «Ко Августу кесарю, — рассказывает Пересветов, — во убогом образе пришел воинник и принес ему великие мудрости воинские, и он его про то пожаловал, держал его близко себя и род его. И ко царю Александру Македонскому пришел воинник во убогом же образе с великою мудростию воинскою» [Пересветов, 172]. Таким же «воинником» Пересветов считает и себя, сообщая Ивану Грозному о том, как можно изготовить македонские щиты.

Магмет у Пересветова рассказывает своим «сеитам» о греческом императоре Константише Ивановиче. Как и Иван Грозный, к которому Пересветов обращается, Константин «на царстве своем отца своего оставил млад, трех лет от рода своего; и от зломства и от нечистого собрания, от слез и от крови роду человеческого, богатели вельможи его». Чтобы сохранить свое

богатство, вельможи стараются удержать Константина от войны. «Видите ли это, — говорит Магмет у Пересветова, — *яко они богаты, так и ленивы* <...> царя осетили враждами своими и уловили его лукавством своим и укротили воинство его». «Богатые ленивые», по мнению султана, «у царя счастье отнимают» тем, что «воинство кротят», делают кротким и неспособным к победам [Пересветов, 151—152, 178].

Мудрый правитель не зависит от своих вельмож и приближает к себе настоящих воинов, независимо от их социального происхождения: «Ино у царя кто против недруга крепко стоит, *смертию игрою играет*, и полки у недругов разрывает, и царю верно служит, хотя и меньшего колена, и он его на величество подымает, и имя ему велико даст, и жалования много ему прибавливает <...> А ведома нету, какова они отца дети, да для их мудрости царь на них велико имя положил» [Пересветов, 158—159].

Наконец, обращаясь к своей любимой теме, военной науке, Пересветов пишет: «У турецкого царя воинники с великия мудрости и *с науки ставятся* противу недруга *играти смертию игрою*». Выражение «смертную игру играть» он повторяет неоднократно [Пересветов, 156, 157, 158, 164 и др.].

Петр также использует это выражение: «Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов *играть* едем» [ПБПВ I, № 35; примеры можно умножить]. В древнерусских сочинениях слово «игра» в редких случаях могло быть отнесено к воинскому поединку (когда речь шла о рыцарском турнире), но не использовалось по отношению к реальному сражению. Слова «игра», «играть», «игрушка» в значении «война», по материалам

«Словаря русского языка XI—XVII вв.», встречается только у Пересветова и Петра [СРЯ, 80, 82, 84].

Своеобразно Пересветов объясняет и склонность некоторых правителей к миру. Мир невозможен без предварительной победы в войне: «Мир как может крепко быти, коли щита не расщепил и копия не преломил в недрузе?» Но вельможи, «ленивые богатые», жалеют своего богатства и привыкли к мирной и спокойной жизни. Поэтому они ищут доводы, чтобы доказать, что война есть зло. «Отведет царь войско свое, — говорят они у Пересветова, — на иноплеменническую землю, и тамо кровь пролиет христианскую, и та кровь на царя взыщется». Константин погубило именно то, что он поверил вельможам, не стал воевать с турками и был побежден [Пересветов, 167—168].

Похожий довод высказывает в сочинении о причинах Северной войны Петр Шафиров. Рассуждая о Борнсе Годунове, он приходит к выводу: «И якоже всегда обычай неправедной, и с кровопролитием похищенной престол, такими ж неправдами и кровопролитием содержит, и тако *не ради о государственном интересе*, но со уступкою и ущербом оного, от соседственных с собою областей, *мир содержать тщался*, забавен будучи внутренними кровопролитии, для утверждения своей власти» [Шафиров, 7]. Годунов здесь, как и вельможи Константина у Пересветова, является сторонником мира, потому что охраняет свои эгоистические интересы. Государственные же интересы требуют ведения войны.

Кроме рассказа о «правде» султана Магмета, Пересветов включил в «книжницы», поднесенные Ивану Грозному, пророчества о будущем России от «филосо-

фов греческих и дохтуров латынских». По пророчеству, после взятия Казани должно произойти перенесение столицы. «А стол царский пишется в Новгороде в Нижнем, а Москва стол великому княжеству» [Пересветов, 373].

В сборнике появляется и цесарь Максимилиан «ближний благоприятный приятель» Ивана Грозного. Цесарь также предсказывает будущее России. Особое значения для Петра должно было иметь последнее пророчество Максимилиана, где речь идет о завоеваниях Ивана Грозного в Ливонской войне: «Которые ныне города иманы — недолговечны, а впредь достанутся опять да за вашим государем и скончаются. Да не токмо города, но и земля вся». Кроме того, цесарь передает русскому царю знаки императорского достоинства [Пересветов, 375, 374]. Последнее известие Пересветова о послании подтверждало аутентичность «грамоты Максимилиана».

На основании сказанного кажется возможным полагать, что Петр хорошо знал сочинения Пересветова и в речи по принятии императорского титула говорил о причинах гибели Греческой монархии именно со слов Пересветова. Кроме того, вся система идей этого автора оказала серьезное влияние на Петра. Образ монарха-труженика, который «непрестанно в трудах» и не склонен к лени, культ воинской науки и стремление учиться этой науке у врагов, готовность приближать к себе людей «меньшего колена», если они — преданные и смелые воины, наконец, оправдание войны — все эти идеи Петр не только высказывал неоднократно, они составляли основу его мировоззрения как правителя. (Все сказанное, разумеется, не означает, что отно-

шение Петра к Порте реальной строилось под каким-либо влиянием идеального облика пересветовского Магмет-султана. Петр считал устройство турецкой армии устаревшим, а гвардию султана, янычар, сравнивал со стрельцами: «она пехота устроена была образом янычар турецких, [которые правда и воздали по-янычарски] и всегда были за одно» [ГСВ, 2]).

Предложенный комментарий к словам Петра о судьбе «монархии греческой», конечно же, далеко не исчерпывает всей проблематики, отразившейся в речи царя. К идеям, высказанным Петром 22 октября 1721 года мы еще вернемся в разговоре о «Гистории Свейской войны».

Принятие Петром императорского титула исследователи связывают с «римской» [Лотман, Успенский, 61—72; Wortman, 42 и след.] или «византийской» моделью государственности. В. М. Живов в работе «Культурные реформы в системе преобразований Петра I» специально останавливается на особом значении Константина Великого для «петровской пропаганды»: «Фигура Константина Великого как предшественника и прообраза Петра появляется и в панегирических сочинениях, и в триумфальных действиях, и даже в богослужении. <...> Главным событием становится здесь победа Константина над Максентием» [Живов, 546].

Однако если ориентироваться на позицию самого Петра, а не на тот круг сюжетов и образов, которые не противоречили взглядам монарха и могли быть представлены в его присутствии, то панегирическая литература в целом и тем более украшения триумфальных ворот не могут служить для нас адекватным материалом.

Но Служба о победе под Полтавою, отрывок из которой В. М. Живов приводит в качестве примера, как раз может быть использована для описания позиции Петра. В песне третьего канона автор службы Феофилакт Лопатинский помещает слова о явлении креста Константину и победе его над Максентием, затем называет Петра «крестоносным царем» и «вторым Константином», а Карла XII — «свейским Максентием» [Живов, 547]. Служба была составлена и напечатана в 1709 году и потом перепечатывалась в Миннеях 1711 и 1717 годов. П. П. Пекарский обратил внимание на то, что в издании Миннеи 1724 года эта служба была опущена. Причина заключалась в том, что летом 1724 года (возможно, после празднования годовщины победы) Петр нашел необходимым внести в текст службы ряд изменений. Сохранился экземпляр с поправками царя. Против упомянутой песни третьего канона, в которой речь шла о Константине, Петр написал: «Сию песнь всю переменить, понеже бо не идет о законе, а горда была (Швеция): война не о вере, но о мере; також и у них (шведов) крест осененный есть во употреблении и почитании. А кажется прилично вместо сего взять <...> слова Галлафа гордые к Давиду» [Пекарский 1862, II, 200—201]. В 1724 году, как мы видим, упоминание победы Константина над Максентием представлялось Петру неуместным в службе. Но и ранее Петр, как свидетельствует, например, сохранившаяся переписка царя, специально о победе Константина не упоминал. В этой связи кажется возможным предположить, что изображение креста Константина на знаменах петровского времени [Живов, 547] является в большей степени данью тради-

ции, чем результатом волеизъявления монарха (то есть принадлежало «идеологическому фону», а не позиции Петра). Актуальными для Петра были как раз два других сюжета, связанных с Царьградом: его основание (сюжет с орлом) и падение (где главным действующим лицом является уже другой Константин — последний византийский император). В первом случае Петр, как мы видели, стремился подчеркнуть, что пророчество было для России значительно более благоприятным, чем для Византии, во втором — избежать ошибок греков.

Подводя итог своим наблюдениям, В. М. Живов подчеркивает: «Петровская империя выступает <...> как правильная (подлинная) реализация модели христианского государства, заданной и осуществленной равноапостольным царем Константином, но затем искаженной <...>: подлинным Римом оказывается Петербург, и это равно отрицает как западные прецеденты, так и отечественную (допетровскую) традицию. С утверждением и пропагандой этой правильной модели связано и изменение титула: выступая как „второй Константин“, Петр делается императором и отцом отечества» [Живов, 548—549]. Если говорить об итогах идеологического строительства и рассматривать Петровскую эпоху как целое, то с приведенными словами опять же трудно не согласиться.

Однако, как мы пытались показать, для самого Петра императорская Вена (искаженный «западный прецедент») и «отечественная» традиция были значительно более актуальными образцами, и именно на них царь ориентировался в борьбе за возвращение утраченного его предками титула.

Глава 2

«Гистория Свейской войны»

Самое крупное предприятие Петра в сфере историографии — генеральное описание «Свейской войны». Оно не было закончено ни при жизни Петра, ни после его кончины и впервые увидело свет под заголовком «Журнал или поденная записка Петра Великого» в издании М. М. Щербатова в 1770 году. Издание было осуществлено на основании рукописей, сохранившихся среди дел «Кабинета Петра I». Щербатов выделил по крайней мере шесть редакций этого сочинения и выбрал для публикации позднейшую, над которой Петр работал в течение 1724 года. В рукописи это сочинение было озаглавлено «Гистория Свейской войны», именно так мы будем называть его в дальнейшем.

«Гистория Свейской войны» в контексте исторических проектов Петра I

Начиная с 1708 года Петр серьезно думает о составлении истории своего царствования. Сохранились десятки указов, записок или даже кратких заметок царя, которые отражают эволюцию его замыслов.

Уже Н. Устрялов полагал, что все документы этого рода начиная с 1718 года следует относить к работе над «Гисторией Свейской войны» [Устрялов I, 316].

Подробный обзор редакций «Гистории Свейской войны», сведения об истории создания и анализ ее источников был дан С. Л. Пештичем. Первым свидетельством существования замысла «Гистории» Пештич считает указ царя, относящийся к 12 декабря 1715 года:

«В Москве в делах Разрядных и Стрелецкого и иных приказов сыскать и выписать подлинное о всех знатных делах воинских, гражданских, також и о разных, и о бывших бунтах в государстве российском с начала государствования его величества» [Пештич, 155]. Здесь четко обозначена тематика (дела воинские, гражданские и бунты) и хронологические рамки предполагаемого сочинения (от начала царствования и — по умолчанию — до 1715 г.). В указе, как мы видим, речь идет именно об истории царствования, а не войны. То есть оснований прямо связывать его с «Гисторией Свейской войны» нет.

Тем не менее для уточнения истории интересующего нас замысла Петра приведенный выше документ важен. Он ставит перед нами вопрос о том, какие исторические проекты царя предшествовали идее составить подробнейшую историю войны со Швецией.

В 1715 году, как мы помним, Петру были переданы два исторических сочинения: Гизен как раз закончил «Журнал государя Петра I», а Ф. Поликарпов, наконец, представил царю свою «Историю». 2 января 1716 года, всего через три недели после приведенного выше указа о сборе исторических материалов, Мусин-Пушкин, как мы помним, сообщил Поликарпову, что переданная царю «История» «не очень благоугодна была». Скорее всего, именно чтение труда Поликарпова привело царя к выводу о том, что работу по составлению истории нужно начинать заново, со сбора необходимых документов. Заметим, что и сочинение Гизена не показалось Петру достойным публикации и, видимо, не удовлетворяло его требованиям. К сожалению, не сохранилось никаких документов, которые могли

бы помочь хоть предположительно говорить об отношении Петра к «Журналу» Гизена¹⁸.

Петр, таким образом, не оставлял мысли о создании российской истории и истории своего царствования. Об этом свидетельствует и помета в записной книжке царя, которая относится к 1718 или 1719 году: «О *краткой* истории для внушения молодым после азбуки и нынешних и старых делах» [Воскресенский, 69].

Наконец, Петр сам обращается к составлению краткого экскурса в российскую историю. В 1720 году он работает над предисловием к морскому регламенту. Черновой вариант этого предисловия заметно обширнее, чем окончательный, именно в черновике мы находим интересующий нас исторический экскурс.

«Хотя всем есть известно, — начинает Петр предисловие, — что о монархии Российской и ее початии, и что далее деда князя Владимира правдивой истории не имеем; но оставя сие историкам, возвратимся к *состоянию*». К вопросу о «правдивой истории» до деда Владимира Святославовича (князя Игоря) мы еще вернемся. Сейчас же отметим, что Петра интересует именно «состояние»: в данном контексте этот термин можно понимать как смену «состояний» политической жизни страны, эта смена «состояний» и составляет историю «монархии».

Рассказ царя в целом повторяет традиционные для допетровского периода историографические схемы. Князь Владимир у Петра «прославился приведением своего отечества от тьмы идолопоклонства к свету Христовой веры». Но именно этот князь совершает и роковую политическую ошибку. Владимир «яму к падению учинил, егда сынам своим на 12 частей сию мо-

нархию разделил, от чего плод сего насажденного зла еще при животе своем видел, когда Святополк двух своих братьев, а его детей убил»¹⁹. «Потом варвары, — продолжает Петр, — видя сию махину разсыпанную, тако начали обезпокоивать, что едва не всю под свою область привели». Господство «варваров» (татар) грозит стране утратой истинной веры и принятием «идолства» или «бусурманства». И только благодаря деятельности великого князя Ивана Васильевича (Ивана III), «владимирово вредное дело» было исправлено. Этот сильный правитель «*расточенную махину наки в гору собрал* и, яко новым крещением, силою воинскою христианство от вышепереченных варваров свободил и утвердил». А его сын Василий Иванович благополучие своего государства «*короною утвердил*» и «от оных варваров безопасно сочинил».

История падения и восстановления «монархии» повторяется и в Смутное время. «Когда сия линия, — пишет царь о потомках Владимира, — пресекалась злодейством Годунова, тогда *через смятение едва наки к падению не пришла*, которую дед наш <...> трудами очистил и *успокоил*, отмщение ж и распространение сыну своему оставил» [Устрялов II, 397—398]. Дело своего отца по «отмщению» и «распространению» продолжает сам Петр.

Именно такой, по всей видимости, царь и представлял себе краткую историю, которую должно было «внушать» после азбуки его «молодым» подданным.

История монархии представлена здесь в прямой зависимости от политических шагов того или иного правителя. Ошибка Владимира (разделение земель между двенадцатью сыновьями) ведет к тому, что государст-

венная «машина» оказывается «разсыпана». По «Правде воли монаршей» и указам о майорате мы знаем, что Петр был принципиальным противником такой практики.

Но для нашего рассуждения важнее другое: Петр относится к событиям начала XI века как к событиям актуальным. В этом рассуждении отразилось убеждение царя в том, что «истинная политика»²⁰ не зависит от исторических перемен и всегда остается неизменной. Владимир представляется Петру правителем, перед которым стояли те же задачи, что и перед ним самим. Не только Владимир Святославович, но и ветхозаветные цари и патриархи (и к этой теме мы еще обратимся) виделись Петру такими же политиками-практиками.

В черновике предисловия Петр называет освобождение от «варваров» при Иване III новым крещением: «яко *новым крещением*, силою воинскою христианство от вышереченных варваров свободил». Такая формулировка мотивирована в рассуждении Петра угрозой «идолства» и «бусурманства». Однако сама логика возведения военной победы (в данном случае — серии военных и дипломатических побед) к крещению, то есть начальному событию в истории русской церкви, чрезвычайно показательна и вновь отсылает нас к «практическому» пониманию Петром древней истории. Для царя нет принципиального различия между событиями политической и церковной истории. Точно такой была логика Петра, когда он называл Полтавскую победу «русским воскресеньем».

В период с 1708 по 1720 год Петр, как мы видели, заказывает, обсуждает или составляет сам ряд сочинений исторической тематики. Все эти сочинения имеют,

по крайней мере, одну общую черту: они посвящены истории его царствования. Различие же заключается в глубине исторической перспективы. У Петра в черновике предисловия повествование начинается от Владимира, у Поликарпова — от Василия Ивановича, у Гизелла — вовсе лишено исторической перспективы. Выбор исходной точки отсчета в каждом случае зависит, конечно же, от конкретной задачи, которую ставит повествователь (и мы специально останавливались на тех задачах, которые стояли перед Федором Поликарповым). Но само представление о том, что *царствование* есть мера исторического периода, что ряд особым образом связанных между собой событий подчинен ритму биологического и политического существования государя, объединяет эти повествования. Различная глубина исторической перспективы в таком случае отражает поиск той исходной причины или цепочки причин, которая определила особую миссию Петра как монарха.

Вместе с составлением истории царствования у Петра в конце 1700-х — начале 1710-х годов был и план создания истории войны со шведами. Попыткой его реализовать была «Марсова книга» — собрание реляций, гравюр с планами сражений и осады крепостей, описаний и изображений фейерверков. Никаких пояснений или дополнений к включенным в «Марсову книгу» материалам в сохранившихся экземплярах сделано не было и, скорее всего, не предполагалось. Ряд планов был заново гравирован в выбранном для этого издания формате, некоторые из реляций Петр специально редактировал, но, по сути, это была подборка разного рода материалов, опубликованных в ходе

военных действий. «Марсова книга», по замыслу Петра, была произведением открытого типа: война продолжалась, ход военных действий освещался в новых реляциях и изображался на новых гравюрах. Эти материалы подшивались к уже отпечатанным книжкам [Быкова, 520 и след.].

18 октября 1711 года Петр дал указание Бенедикту Шиллингу начать работу над некоторым историческим сочинением. Скорее всего, речь шла именно о подготовке материалов для «Марсовой книги». «По указу великого государя, присланному из походу, — говорится здесь, — велено <...> *Историю о поведении вся нынешняя войны*, которая содержится между Российскими, Польскими и Свейскими войски, с начала той войны до нынешняго времени сочинить <...> того ради довлест взять с печатного двора все ведомости, какия там печатаны были с вчатия самая войны и до нынешняго времени, что при всяких приключившихся воинских случаях чинилось, а именно с 700 году до нынешняго году и месяца ведомости о боях городовых, осадах и о взятиях, о победах, о подъездах и о прочих воинских поведениях». По указу было собрано «702 года юриал о взятии города Нотенбурха, 703, 704 годов ведомостей две книжки в четверть в переплете, а с 700 и нынешняго 711 годов по вышеписанное число, всего по счету печатных ведомостей и реляций 162 посланы с сям великаго государя указом. Справщик Федор Поликарпов» [Устрялов I, 315—316]. Тип собранных материалов указывает на то, что речь идет о «Марсовой книге» или сочинении именно такого типа. Это подтверждается и хронологией: через пять месяцев после того, как поручение было передано Шиллингу, в апреле 1712 года

царь указал «вырезать планы и фигуры к Марсовой книге» [Быкова, 520].

Таким был круг исторических тем, которые интересовали Петра к тому времени, когда начинается работа над «Гисторией Свейской войны».

Документ и свидетельство «самовида» в кругу источников «Гистории Свейской войны»

«Гистория Свейской войны» была задумана Петром как сочинение особого рода. Работа над ней начинается в 1718 году. Именно тогда Петр строит планы «написать о войне, как зачалась и о нравах и случаях, как и кем делана» [Устрялов I, 316].

Внепри авторитетному мнению Н. Г. Устрялова, Пештич отказывается считать автором «Гистории» лично царя. «Этот труд <...> был создан в результате длительной работы целого коллектива. Одни должны были представлять требуемые материалы, другие выискивали их в дебрях различных учреждений, третьи обрабатывали, четвертые использовали их непосредственно при составлении истории» [Пештич, 173]. Весь процесс работы по подбору материала и созданию основного текста «Гистории» коллективом составителей под руководством кабинет-секретаря А. В. Макарова детально описан Пештичем. Достаточно подробно исследователь останавливается и на работе царя по редактированию этого сочинения [Пештич, 156—162 и др.].

Тем не менее организация работы над «Гисторией Свейской войны»²¹, отбор материала, характер редакторской правки, внесенной царем, наконец, тематика

обширных вставок концептуального характера, вышедших из-под пера Петра, дают возможность описать систему представлений Петра-историка в период работы над этим сочинением, то есть в 1719—1724 годах. Уточняя мнение Устрялова, можно сказать, что Петр был автором концепции «Истории Свейской войны» и руководил ее составлением. Остановимся подробнее на этой концепции.

Историческое сочинение, по мнению Петра, должно быть основано на документальных свидетельствах. С самого начала работы над «Историей» царь полагал необходимым включать в ее текст подлинные исторические документы.

В начале января 1722 года Петр записывает: «Чтоб вписать в Историю Свейскову и где что *под пометом положить*» [Воскресенский, 115]. О приложениях А. В. Макарову 15 июня 1722 года пишет и секретарь коллегии Иностранных дел Иван Юрьев: «О собрании к той *Истории приложения* буду по всякой возможности трудиться» [Воскресенский, 112]. Пештич полагает, что здесь речь идет о распределении материала между текстом и приложениями [Пештич, 159]. Но если вспомнить, каким образом было организовано повествование в «Рассуждении о причинах Свейской войны» П. Шафирова, где «под литерами» были опубликованы дипломатические документы, доказывающие справедливость того или иного заявления, то можно с большой степенью уверенности говорить о планах Петра дать в приложении к «Истории» большую подборку документов разного характера.

В упомянутом сочинении Шафирова следует отметить и особое отношение к документу. Во вступитель-

ной части (она не имеет специального заглавия и страницы здесь не нумерованы) Шафиров поясняет, зачем нужна его книга. «Декларации, манифесты и универсалы письменные», полагает автор, не дают правдивой и всеобъемлющей картины происходящего, «ониye токмо по каждой страны интересу и по состоянию времени, и по потребности всегда конъюктур, а особливо со стороны ЕЦВ, токмо в кратком определении были сочинены. И большая часть оных в ответ на многие со Шведской стороны ругательные». По опыту дипломатической и приказной работы П. Шафиров хорошо знал, как составляются «манифесты и универсалы». Роль Петра в подготовке «Рассуждения» Шафирова хорошо известна. Материалы к книге (которая была важной дипломатической акцией) готовились сотрудниками Посольского приказа по указаниям царя. Несколько страниц для «Рассуждения» были написаны лично Петром [Устрялов I, 325—328]. Можно полагать, что Петр разделял оценку документа как исторического источника, которая дана в сочинении Шафирова.

По причине ненадежности документа как такового, вторым важным принципом работы над «Историей Свейской войны» стала проверка сведений, почерпнутых из разного рода документальных источников, воспоминаниями «самовидцев». В одних случаях Петр требовал письменных отчетов от участников того или иного события, в других — отсылал уже составленный текст «Истории» для проверки и уточнения деталей таким «самовидцам».

Во вступительном комментарии к «Троянской истории», как мы помним, сведения, полученные от «истинных свидетелей ополчения», которые «сами бяху на

бранях писатели и самовидцы», оценивались именно как *исторические* свидетельства. Роль такого рода свидетельств Петр подчеркивал и в предисловии к «Воинскому уставу». «Того ради, — пишет он здесь, сравнивая стрелецкое войско и регулярные полки, — *будучи в сем деле самовидцы обоим*, за благо изобрели сию книгу, Воинский устав» [Воскресенский, 52]. То есть для Петра одним из базовых в его отношении к историческому сочинению было представление о том, что документы могут в зависимости от «конъюктур» искажать действительный ход событий, а люди, если они не стремятся намеренно скрыть что-либо, могут свидетельствовать правдиво.

Напомним, что «Дедикация» Шафирова в «Рассуждении о причинах Свейской войны» демонстративно начинается со слов «Я восприемлю дерзновение» (инициал «Я» огромный, украшен изображением цветочного куста). Личный характер выступления Шафирова подчеркивается и в дальнейшем. «Аз не хочу, — пишет автор, — многими витийскими, или риторическими красноречиями, или логическими аргументами доказывать, но самыми делами вкратце *освидетельствовать* могу». И далее: «Я не могу отречься, да бы не было в прежних и в нынешних веках множества монархов великой премудрости в политических делах, храбрости, воинском искусстве и отваге, в милосердии, и прочих добродетелях ему [Петру] подобных, ибо тем бы показал я себя *явственно ласкателем и похлебцом*» [Шафиров, 1—2]. Задачи Шафирова отличались от тех, которые стояли перед составителями «Гистории», но способ построить правдивое повествование был тот же: он обеспечен свидетельством участ-

ника события, если, конечно, этот участник событий не «похлебец».

Петр искренне стремится составить правдивое повествование о войне. Исследователи, которые пытались найти идеологические конструкции, маскирующие те или иные факты, принуждены были довольствоваться двумя-тремя примерами из этой области. «Во время составления „Гистории Свейской войны“, — пишет Пештич, — когда острота многих событий начала исчезать, формулировки преднамеренно изменялись, смягчались, сглаживались, например, известие о шведских знаменах, взятых в Выборге в 1710 г. В „Походном журнале“ Петра о них сообщалось коротко и выразительно — неприятельские знамена „волокли“ по земле; у Гюйсена — „положили“ у церкви, в „Гистории Свейской войны“ — „несли“. Или еще пример: в „Ведомостях“ за 1704 г. в сообщении о взятии Нарвы можно было прочесть следующее: „Такой трактament учинили, что и младенцев не много на сей свет пустили“. В „Гистории“ этого, естественно, нет» [Пештич, 178].

Вернемся к «Гистории Свейской войны». Роль свидетельства «самовидца» в работе по составлению этого сочинения необычайно велика. Приведем несколько примеров. В уже цитировавшемся письме к Макарову от 15 июня 1722 года Иван Юрьев писал: «Часть Гистории с 1711 по 1716 год я исправно получил, и те тетради, по приказу вашего благородия, *вручил к переосмотрению его превосходительству, барону Петру Павловичу* [Шафирову]. И когда высмотрит, то я, оные перебеля, к вашему благородию пришлю» [Воскресенский, 111—112]. Мы не знаем, читал ли Шафиров другие части «Гистории» (скорее всего, читал), но о ходе

например, переговоров с Турцией и о заключении мира после Прутского похода (а именно эти события должны были попасть в тетрадь «с 1711 по 1716 год») никто не знал больше, чем «барон Петр Павлович».

За несколько месяцев до того, в январе 1722 года, М. Г. Ромодановский сообщал тому же Макарову: «Указом царского величества требовано, чтобы прислан в Кабинет его величества к сочинению *Истории о настоящей Шведской войне, о Астраханском бунте*, от чего он зачался, и как имя стрелецкому сыну, который возмущал и по розыску казнен <...> також о стрелецком бунте, что учинили пришед под Воскресенским монастырем, выписки посланы» [Устрялов I, 317]. М. Г. Ромодановский принимал непосредственное участие в усмирении стрельцов (в 1697 г. находился со стрелецкими полками на Литовской границе).

Кроме того, по сведениям Пештича, «начальник Преображенского приказа кн. Ф. Ю. Ромодановский представил подробную записку о стрелецком бунте 1698 г., В. В. Долгорукий составил историческую записку о Булавинском восстании. <...> Я. В. Брюс представил сведения о состоянии артиллерии в разное время, генерал-полициймейстер А. М. Девьер — о первых строениях в Петербурге и Кронштадте. Б. П. Шереметев, М. М. Голицын, А. И. Ребин, Ф. М. Апраксин и многие другие прямо или косвенно участвовали в составлении истории» [Пештич, 161].

Добавим к этому списку еще один пример. 24 августа 1722 года Феофан Прокопович писал Петру: «Что присланным в<ашего> в<еличества> указом, в достопамятной славных в<ашего> в<еличества> дел истории *пополнить и исправить* мне, низайшему вашему

богомольцу, повелено, то делом исполнить усердно тнуса». Но как только Прокопович включился в работу над «Историей», он столкнулся с отсутствием регулярных записей: «оная история небезтрудно собирается, — пишет он царю, — и не без того, чаю, что иные славные и знатные дела неведены и небрежением журналистов и без описания оставлены суть». Для того чтобы в дальнейшем избежать такой ситуации, Феофан предлагает во время похода 1722 года назначить специальных «адьютантов», которые будут вести записи. Задачу их Феофан формулирует своеобразно: записывать следует «знатное и к истории достойное» и «с надлежащими обстоятелствами». Записи будут поступать архимандриту Воскресенскому Лаврентию, который «записывать будет без всякого украшения простым стилем». Наконец, со временем из этих записей можно будет «и со украшением исторично сию *собрать*» [Воскресенский, 113]. Феофан Прокопович фактически предлагает Петру учредить специальное ведомство, которое будет вести записи и составлять на их основе описания событий военной истории. То есть наряду с реляциями, которые составляются «по случаю» и подвержены «конъюктурам», должны вестись еще специальные записки исторического характера, куда будет внесено «к истории достойное» со всеми деталями.

В качестве «самовидца» выступает и сам император. 28 января 1723 года Макаров подал Петру докладную записку под заголовком «В Истории к апробации». В списке вопросов, которые требовали уточнения, были, например, вопросы «о первом свидании с королем Польским в Раве», «о новом году, как начали праздновать, и о платье старинном», «о стандарте», «о наших

воинских людях, что <...> шведский генерал Мардефельд живых колол» и др. «Некоторые из сих статей, — указывает издатель этого документа Н. Устрялов, — государь исправил в самом тексте; другие оставил без поправок, как они были изложены; сверх того написал на 7 страницах <...> изъяснение» [Устрялов I, 317—318].

Фактический материал «Истории Свейской войны», таким образом, составляли документы и свидетельства участников событий. Однако этот материал был вмещен составителями «Истории» в достаточно жесткие концептуальные рамки, которые определялись, в первую очередь, самим царем.

Заметки Петра I к «Истории Свейской войны»

«Историю Свейской войны» Петр планировал разделить на три части так, чтобы каждая из частей описывала ровно по семи лет ведения войны. Об этом можно судить по сохранившемуся в рукописях разделению основного текста этого сочинения на книги [Пештич, 166, 168]. Такая периодизация, как мы видели, впервые появляется в указе Петра сразу по заключении мира: мир праздновался трижды и каждый раз торжества продолжались семь дней (по одному дню за каждый год войны).

Деление войны на три семилетия носило чисто символический характер. Ни в указе о праздновании мира, ни позднее в «Истории» Петр не делает попытки увязать реальный ход войны с этой условной периодизацией. Строгая хронологическая симметрия была для Петра знаком предначертанного свыше плана войны, поэтому именно эта символическая периодизация, а не, например, последовательность важнейших побед, таких

как Полтава или Гангут, определила ритм повествования в «Истории».

Уже с конца 1690-х годов все перемещения монарха фиксировались в «Походных журналах». Эти журналы были в свое время, как уже говорилось, переданы барону Гизену для составления истории царствования Петра. История царствования была названа Гизеном «Журнал Петра Великого». И по своей структуре (год был избран в качестве единицы повествования), и, как мы пытались показать, по своей концепции сочинение Гизена, как и организация торжеств в начале 1710-х годов, отражало размышления Петра о том, какие хронологические закономерности определяют основные события его правления.

В отличие от сочинения Гизена, в «Истории Свейской войны» нет разбивки на отдельные годы, текст вообще не делится на отдельные сегменты ни формально, ни по типу построения рассказа. То есть год (который в описании Гизена совпадает с военной кампанией и имеет свое начало и конец) не является здесь единицей повествования, таковой становится отдельное событие в ходе войны. В соответствии с этим меняется и заглавие. В походных журналах Петра и «Журнале» Гизена рассказчик следует перемещениям и занятиям монарха. «История Свейской войны», как «Троянская история» или «Повесть о взятии Царьграда», посвящена одному военному предприятию, и повествование здесь следует всем перипетиям войны.

Отсутствий, в которых бы давалась оценка того или иного события (как это было у Гизена в начале года), в «Истории» практически нет. Одним из немногих и наиболее пространством и значительным в концеп-

туальном плане является комментарий к поражению под Нарвой.

«Шведы, — читаем здесь, — над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно: но надлежит разуметь, *над каким войском* оную учинили <...> единым словом сказать, все то дело яко *младенческое игра-ние* было: а *искусства низше вида*» [ГСВ, 25]. К темам «младенческого игранья» и воинского искусства мы уже обращались. Остановимся подробнее на том, что Петр имел в виду, говоря о «над каким войском».

Главную из причин поражения под Нарвой царь видит в том, что основную часть российской армии составляли нерегулярные полки. Регулярная гвардия, как подчеркнуто в «Истории», единственная была способна противостоять шведам под Нарвой в 1700 году. Нерегулярное же стрелецкое войско Петр сравнивает с янычарами: «Оная пехота устроена была образом янычар турецких, [которые правда и воздали по-янычарски] и всегда были за одно» [ГСВ, 2]. В заметках Петра и подготовительных материалах к «Истории» характеристики стрелецкого войска появляются неоднократно.

Наиболее развернутый рассказ о создании регулярного войска и роспуске стрелецкого Петр включил в «Объявление к Уставу воинскому», который датирован 31 марта 1716 года. «Понеже всем есть известно, коим образом отец наш <...> в 1650 году начал *регулярное войско* употреблять, и *Устав воинский издан был*; и тако войско в таком *добром порядке* учреждено было, что славные дела в Польше показаны и едва не все королевство завоевано было; также купно и со шведами война ведена была». Регулярное войско и наличие уста-

ва («добрый порядок») Петр прямо связывает здесь с военными успехами Алексея Михайловича. Однако это начинание Алексея было со временем забыто, что привело к целой серии поражений. «То, что последовало потом, — пишет Петр, — не точно с *регулярными народами*, но и с *варварами*, (и без стыда), что *ни против кого стоять могли*, яко о том свежая еще память есть, [что чинилось при Чигирине и Крымских походах, умалчивая старее], и не только тогда, но и гораздо недавно, как с *турки при Азове*, так и в *начало сей войны при Нарве*». В этом отрывке Петр характеризует двух главных противников России: турки названы «варварами», шведы — «регулярным народом». Тип армии является, таким образом, не просто результатом воли того или иного правителя: регулярное войско есть войско регулярного народа. Преобразование армии Петр ставит в прямую связь с преобразованием всего политического уклада (признаком регулярности, как мы видели, для него не в последнюю очередь служит наличие уставов, не случайно царь лично работает над их составлением).

Гвардию варварской Турции составляют янычары, которых Петр сравнивает со стрельцами. Янычары в характеристике Петра не просто нерегулярная пехота. Царь вспоминает о них в «Истории», когда говорит о стрелецком бунте: стрельцы, взбунтовавшись, «воздали по-янычарски» и «всегда были за одно». Во-первых, Петр связывает здесь склонность стрельцов к бунтам с устройством войска и, соответственно, устройством политического быта в целом. Во-вторых, уставам, которым подчиняется регулярное войско, оказывается противопоставлена своего рода корпоративная мораль стрельцов и янычар («всегда были за одно»).

Близкое противопоставление появляется уже у Гизена, когда он пересказывает речь Шенна, отправляющегося с войском навстречу взбунтовавшимся стрельцам: «Сила той речи была такова: что опое де столь печальное состояние дел касалось *до службы и должности всего отечества* и до сохранения ЕЦВ <...>: что в той святой и так нужной экспедиции *не принадлежало им смотреть на свойство, сродство или дружбу*, для того де, что те мятежники восстали так злобно против самодержца своего, и дышали они только огнем и пламенем *против всего государства* и против их самих, и что в таком де случае сыну можно и должно по всем правам отца своего убить» [Гизен I, 104]. «Служба» и «должность» отечеству и всему государству противопоставлена здесь всяким другим отношениям, связывающим людей. Именно к стрельцам Петр относил, как можно полагать, представление о приоритете частных или личных связей и интересов перед долгом службы государю и отечеству.

Вернемся к «Уставу воинскому» 1716 года. «Потом, — продолжает Петр рассказ об учреждении регулярного войска, — когда (с помощью Вышнего) *войска распорядили*, то какие великие прогрессы с помощью Вышнего учинили *над каким славным и регулярным народом*. И тако всяк может рассудит, что ни от чего иного то последовало, токмо *от доброго порядку*, ибо все *беспорядочной варварской обычай* смеху есть достойной, и никакова добра из оного ожидать невозможно» [Воскресенский, 52]. Преобразование войска, таким образом, знаменует переход России от «варварского обычая» к «доброму порядку», который есть признак «регулярного народа».

Обратим внимание на то, что Петр противопоставляет «порядку» именно «обычай»: обычаи складываются постепенно и связывают настоящее с прошлым, «порядок» в этом противопоставлении получает значение неизменности и универсальности (он внеисторичен). То есть учреждение регулярного войска является, по мнению Петра, не переходом от старой системы к новой, а разрывом со старой и «варварской» системой и переходом к единственно правильной.

Разрыв с «варварскими» обычаями в 1699 году Петр отмечает и в недатированной записке, составленной в процессе работы над «Историей». «В том же году, — пишет здесь царь, — начали грамоты, отправляемые к другим христианским государям и ратификации <...> подписывать своею собственною рукою, чего *прежние российские государи* не чинили, а употребляли только печать (как и ныне чинится *с азиатскими дворами*)» [Воскресенский, 115—116]. Прежние российские государи придерживались обычая «азиатских дворов», Петр с этим обычаем разывает.

К 1722 году относится специальная записка царя «Для истории о начале регулярных войск». «Почали набирать прямое регулярное войско <...>, — пишет Петр, — о котором регулярных полков наборе резидент шведский Киннеркрон в сильных терминах предлагал, для чего *регулярные полки заводят*, каких не бывало, и что тогда мир со всеми соседями был. На что ему ответствовано, что по распущении стрельцов никакой пехоты тогда сие государство не имело, без чего быть нельзя» [Воскресенский, 116—117]. Обратим внимание, что Петр считает важным подчеркнуть противодействие шведского резидента набору регулярных полков.

28 января 1723 года кабинет-секретарь Макаров подал Петру записку под заголовком «В Гистории к апробации» (мы ее уже упоминали выше). В ней были выписаны эпизоды, для освещения которых требовалось личное участие царя. В списке Макарова было 12 пунктов, из них 5 посвящены поражению под Нарвой: «На 7 листу о войске шведском, в каком числе первый поход король под Нарву учинил. На 10 листу о полках гвардии. На 13 листу сколько нашего войска, после побития под Нарвою, пришло в Новгород и сколько побито шведов. На том же, о 10 полках драгунских новонаборных. На 18 листу о гвардии, что она была в Новгороде». Вопросы Макарова, как мы видим, следуют сложившейся концепции поражения (неопытность «новонаборных» полков, особая роль гвардии) [Устрялов I, 317—319].

Вернемся непосредственно к тексту «Гистории Свейской войны». Комментарий к поражению под Нарвой завершается пространным рассуждением о роли Промысла. Напомним, что в приведенном выше отрывке из «Устава воинского» Петр, говоря о заведении регулярного войска, дважды подчеркивает, что это было «учинено» «помощию Вышнего». В «Гистории» эта тема разработана особенно подробно. «Правда, — читаем здесь, — сия победа в то время зело была печально чувственная, и яко отчаянная всякая впредь надежды, и за великий гнев Божий почитаемая. Но ныне, како о том подумать, во истинну не в гнев, но милость Божию исповедати долженствуем <...> по когда сие несчастье (или лучше сказать великое счастье) получили, тогда неволя леность отогнала, и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила, с которым опасением

и искусством как час от часа сия война ведена, то явно будет из следующей при сем истории» [ГСВ, 25—26]. Теперь, когда война была уже выиграна, поражение в глазах Петра было «счастлием» и «милостию Божией».

Последние слова этого отрывка («как час от часа сия война ведена, то явно будет из следующей при сем истории») знаменательны. Мы видим, что подробный анализ поражения под Нарвой Петр считал своего рода введением в рассказ о войне, именно этот эпизод должен показать читателю смысл войны в целом. Собственно история войны «следует» за рассказом о нарвском поражении (такое деление событий войны отразилось, как мы видели, уже при организации мирных торжеств, где праздновался именно период побед).

Остановимся на ряде других известных «Гистории», которые вместе с нарвским эпизодом предваряют рассказ о войне и отразились в собственноручных набросках Петра к этой части. В недатированном наброске (Воскресенский помещает его между документами 1722 г.) царь писал: «Того же [1699] году исправлена друкания в чистоте печати, и начали многие книги переводить и печатать (о воинских делах — зачерки.²²). <...> и прочих художеств, также и исторические и календари. <...> Того ж времени дал позволение всем своим подданным ездить во иностранные европския государства, для обучения, которое прежде было запрещено под казнию, и не точию позволил, но еще к тому их понуждал. <...> Тогда ж, по примеру других христианских государей, учинил Российский орден святого апостола Андрея Первозванного <...> Определено торжество Нового году генваря с 1 числа, прежнее сентября с первого числа отставлено. И оное действительно на-

чало свое восприяло в 1700 году» [Воскресенский, 115—116]. Здесь Петр упоминает и целый ряд других новшеств: собственноручные подписи царя под документами разного рода (о чем уже шла речь выше), введение немецкого платья, бритье бород.

Ни одно из перечисленных новшеств не имеет прямого отношения к ходу войны. Забегая вперед, выскажем предположение, что царь стремится очертить здесь круг преобразований, которые, наряду с введенным регулярного войска, ставили Россию в круг «регулярных» народов (или, по крайней мере, приближали ее к этому идеалу). Эти преобразования не могли сделать Россию сильнее в военном отношении, но они должны были сделать ее достойной войны со Швецией. Петр считал, как мы видим далее, важнейшим достижением начала своего царствования уже то, что ему удалось втянуть Карла XII в войну с Россией.

Совсем иной характер носят преобразования, которые были ответом на нужды, связанные с ведением войны. В записке от 5 декабря 1724 года, за месяц до своей кончины, Петр писал: «В Гистории чтоб писать, в которое время *какия вещи для войны* [и прочие художества] и *по какой причине или принуждению зачаты*, например, ружье для того, что не стали пропускать; також и о прочих» [Воскресенский, 150].

Показательно, что еще в январе 1722 года Петр, говоря о необходимости включить в «Гисторию» сведения об изменениях в сфере гражданского быта, не пишет так прямо о «принуждении»: «Чтоб вписать в Историю <...> *что в сию войну сделано*, каких когда разпорядков земских и воинских обеих путей регламентов, и духовных; также строение фортец, гаванов, фло-

тов корабельного и галерного и мануфактур всяких, и строения в Питербурге и на Котлине, и в прочих местах» [Воскресенский, 15].

В заметке 29 ноября 1722 года речь по-прежнему идет скорее о том, что и во время войны, несмотря на отсутствие времени, Петр не прекращает работу по преобразованию не только военного, но и гражданского быта. «В сем 715 году сочинен Устав воинской сухопутный со всеми обстоятельствами, что надлежит до воинского дела. Начат в Питербурхе, а совершен в Дании. В 720 году начат, а совершен 722 году Морской регламент и Адмиралтейский, еже *учинено все чрез прилежный труд ЦВ*, в котором *не повелением токмо, но самым трудом его учинен*, где *не токмо утрями, но вечерами по дважды на день* <...> *оное делано в разные времена*» [Воскресенский, 115]. Риторическая конструкция, заканчивающая этот отрывок, где факт работы царя усилен дважды (указанием на личные труды монарха и на продолжительность ежедневной работы), подчеркивает то особое значение, которое Петр придавал вышедшим из-под его пера уставам, а не роль уставов в успешном ведении войны.

Еще один круг сведений, которым Петр уделяет специальное внимание, — торжества по случаю военных побед. В указе Синоду от 2 октября 1724 года он требует «внести в Гисторию [которая сочиняется о прошедшей Шведской войне,] все поздравления и приветствия, которые чинены были во время триумфальных входов ЕВ в Москву от <...> Стефана митрополита, також от учителей Латинской и Греческой школ, о чем в 1722 году говорено троицкому архимандриту и протектору типографии, отцу Гавриилу, чтоб, приислав,

прислал в Кабинет» [Воскресенский, 149]. К началу 1710-х годов сложилась регулярная практика публикации «Слов», произнесенных по случаю той или иной победы (авторами их выступали Феофан Прокопович, Гавриил Бужинский или — реже — Феофилакт Лопатинский). Они были доступны, и для внесения их в текст «Истории» (если такой план у Петра был) не требовалось специальных разысканий. «Слова» Стефана Яворского относились к предшествующей эпохе и не были в свое время опубликованы. Указ Петра показывает, что он серьезно намеревался со всей подробностью осветить в «Истории» не только основные военные победы, но и торжества по их случаю.

Нарвское поражение, организация регулярного войска, повоевание накануне 1700 года, реформы, вызванные военными нуждами, и празднование военных побед составляют круг тем, к которым Петр обращается лично в процессе работы над «Историей». На основании этих и некоторых других дополнительных материалов попытаемся описать концепцию, определившую темы, над которыми Петр полагал необходимым работать лично.

Концепция войны: Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович, Петр I

Петр задумал «Историю Свейской войны» как сочинение совершенно определенной тематики. Понимание царем роли войны в жизни государства и войны со Швецией в жизни России начала XVIII века немыслимо должно было определить характер повествования и отбор материала. Поэтому следует остановиться на тех произведениях, составление которых совпало по

времени с работой над «Историей», а главной темой стало осмысление войны. В первую очередь нас будут интересовать тексты, которые Петр знал и в создании которых прямо или косвенно участвовал.

26 июля 1720 года, накануне пятой годовщины Гангуты, Гавриил Бужинский произнес похвальное слово, тему которого нельзя назвать традиционной. Гавриил посвящает свое слово войне — «матери всех побед²³ и родительнице всех торжеств» [Панегирическая литература, 220].

Слово состоит из трех частей. В первой части автор излагает аргументы противников войны, которые ссылались на Священное писание и доказывали свою правоту «многими книгами и великими волюминами». Как показывает Гавриил, все они пишут или о «приватных человекахлюблении» (что противоречит идее войны), или о «духовных врагах», против которых предписано бороться только «оружием духовным». Весомых аргументов против войны в Священном писании Гавриил не находит [Панегирическая литература, 223, 224].

Вторая часть посвящена доказательству того, что война представлена в Священном писании как богоугодное дело. Бог, как стремится показать Гавриил, дает победу в войне избранному народу, но требует, чтобы победа не была забыта. Автор вспоминает о «брани» Иисуса Навина против Амалика (Исход, глава 17), когда «Моисей в молитве воздвизаше руки и одолеваше Израиль». Молитва Моисея прямо влияла на ход битвы — как только он опускал руки, воины Амалика начинали теснить израильтян, как только вновь поднимал в молитве, Амалик отступал. Речь здесь идет не только о «помоществовании» Всевышнего, Гавриил подчерки-

вает, что такое «помоществование» дается через Моисея, причем в физическом, а не метафорическом смысле. Моисей своими руками низводит с небес божественное покровительство. Можно не сомневаться, что Гавриил, говоря о Моисее, подразумевает Петра²⁴. По окончании битвы, продолжает свое рассуждение автор «Слова», «рече Господь к Моисею: *впиши се на память в книги*» [Панегирическая литература, 223, 224]. «Книги» должны напоминать «будущим родом» о том, как молитва Моисея определила исход битвы. Рассказ о молитве Моисея и чудесной победе израильтян, помещенный в книгу «Исход», получает в «Слове» Гавриила статус исторического сочинения, которое Моисей составил по прямому указанию Всевышнего.

Вторая тема, лишь косвенно связанная с войной, — получение библейскими народами от Всевышнего военных уставов. «Како могут быть Богу противны брани, — пишет Гавриил, — егда *Сам законно вооружающихся правила, уставы и пункты воинские описует и назнаменует*» [Панегирическая литература, 227]. Этот эпизод отсылает слушателя к деятельности Петра по составлению сухопутного и морского уставов, которая, в контексте рассуждений Гавриила, получает предельно высокий статус. Петр, занимаясь лично составлением уставов, вновь выступает как проводник воли Всевышнего и орудие Промысла. Промысел при этом осуществляется непосредственно в практической деятельности монарха по обучению своих подданных военным наукам.

Наконец, Гавриил, доказывая не только допустимость, но и богоугодность войны, особо подчеркивает роль торжеств в честь военных побед. «Бог отмщений, — пишет он, — России дело приял в свое защище-

ние, приял в свое покровение: явствует сие не тако частые, но да реку всегдашние победы от руки божия подаваемые, *всегдашние торжества* в России действующие» [Панегирическая литература, 230]. О высшем «покровении» и «защитении» свидетельствуют, таким образом, не только постоянные военные удачи, но и «всегдашние торжества».

В другом месте Гавриил возвращается к этой теме. Говорить перед слушателями о победах, пишет он, «акн бы в полдень на солнце перстом показывати»: рассказ о победах в России при Петре равносильно повторению того, что и так хорошо известно: некоторые из слушателей знают о победах по собственному опыту, остальные — по ежегодным торжествам. Всякая победа имеет «свой *собственный день*, учрежденный на благодарение премилосердому Богу, уставленный от благодарного сердца монаршего» [Панегирическая литература, 230—231]. Обратим внимание, что Гавриил подчеркивает роль монарха: монарх низводит свыше Божественное покровительство, от него же должна исходить и благодарность за это покровительство. Именно поэтому Петр лично должен «устанавливать» годовые торжества в честь военных побед и вносить известия о победах «в книги».

Итог своим рассуждениям Гавриил подводит в одной краткой формулировке. Каждый правитель, указывает он, имеет свой «символ сиречь лозунг». В «Слове» приведен длинный список таких «лозунгов» («Октовиан: не скоро поспешай. Тит Веспесиан: властитель благой любовь мира. <...> Константин Великого: неуврачеванная язва мечем да отсечется»). «Лозунг» Петра — «Прославим прославившего нас» [Панегирическая ли-

тература, 232—233]. Россию Бог прославил войной. Петр прославляет Всевышнего, учреждая годовые торжества в честь военных побед и составляя исторические сочинения о войне.

«Слово» Гавриила Бужинского было полностью посвящено роли и смыслу войны как таковой. Уже этим оно выделяется среди современных ему сочинений, где речь идет о войне со Швецией. Но и сама концепция этого «Слова» разительно отличается, например, от «Рассуждения» Шафирова (1717). Шафиров подчеркивал, что роль войны — в возвращении утраченных территорий, в мести шведам за оскорбление, нанесенное царю рижским губернатором, и в разрушении заговора европейских держав, которые стремились препятствовать военному усилению России. Но во всех этих случаях война для Шафирова оставалась необходимостью, а не благом.

Петр, как мы знаем, был не только вдохновителем Шафирова, но и его соавтором. Составлению «Слова» Гавриила Бужинского (а Гавриил, как и царь, во время составления «Слова» находился с флотом при Гангуте), как уже говорилось, когда речь шла о «русском воскресении», предшествовал интенсивный обмен письмами между Петром и Екатериной, где тематика, которая потом перейдет в «Слово», обсуждалась. Как можно полагать, Петр был хорошо осведомлен о тематике готовящегося «Слова», если не сам был автором его концепции. За три года (1717—1720), которые разделяют эти два сочинения, отношение царя к войне принципиально изменилось.

Новая концепция войны, намеченная у Бужинского, была сформулирована Петром в его императорской речи.

Эта речь, как мы помним, выбивалась из контекста всего, что произошло 22 октября 1721 года во время церемонии в Троицкой церкви. Петр не говорит в ней ничего об императорском титуле, мир же является лишь отправной точкой его рассуждений. Каждый из трех небольших разделов, выделенных монархом, возвращает слушателя к общей теме речи — особому участию Всевышнего во всем, что происходит в России («что Господь Бог прошедшею войною и заключением сего мира нам сделал»; «надлежит Бога всею крепостию благодарить»; «Бог Нам пред очьми кладет»).

Одновременно каждый раздел содержит некоторую практическую рекомендацию. В первом царь высказывает пожелание, «чтоб наш весь народ прямо узнал» о роли Всевышнего в успехах русского оружия. Это может быть понято в том числе и как задача по составлению истории войны со Швецией. Во втором пункте Петр говорит о сохранении боеспособности армии. В третьем — призывает своих подданных «трудиться о пользе и прибытке общем <...> как внутри, так и вне» [ПСЗРИ VI, № 3840]. Как мы видели выше, в странном конспекте речи [Воскресенский, 213—214] Петр подробно поясняет именно этот практический смысл своих слов. Тем важнее, что окончательный вариант, составленный царем для «Акта» о поднесении титулов, этих разъяснений не содержит и практический план здесь до предела редуцирован.

Вся речь Петра в окончательном варианте построена на суждениях, которые требуют дополнительного толкования (и мы увидим, что толкования вскоре стали появляться). Петр избегает прямых суждений, как будто не решаясь проговорить то, что может быть выражено только на языке намека: что Бог совершил, что

Бог «перед глазами кладет». Эта система намеков крайне нехарактерна для царя, который требовал точности и однозначности от сочинителей и переводчиков («чтоб дела не проронить» [Воскресенский, 43]). Можно предположить, что стилистика этой речи определена ее особым статусом: Петр, как Моисей, свидетельствует о действии Божественного промысла.

Речь Петра идеологически очень близка «Слову» Гавриила Бужинского. Именно Гавриил, а не Феофан Прокопович первым формулирует соображения, которые в этот момент кажутся Петру особенно важными. Феофан, оказавшись на вторых ролях, спешит восстановить утраченные позиции и предлагает свою разработку тех же идей в «Слове», произнесенном им во время празднования мира в Москве в начале 1722 года. Заметим, что Феофилакт Лопатинский, третий из наиболее влиятельных проповедников последнего десятилетия петровского царствования, не просто остался в стороне — он отстранился от разработки так волновавшей царя темы и произнес слово, где говорил о тяготах войны и о преимуществах «всепольнейшего» мира [Панегирическая литература, 264]. Впрочем, проповедник, возможно, просто не угадал настроения царя и направления его мысли после заключения мира.

Феофан Прокопович строит свое «Слово» как решение первой из задач, поставленных в императорской речи Петра. Слова царя о необходимости понять, что Бог совершил, он трактует как призыв к проповедникам. «Долг великий, — пишет Феофан, — лежит на всех как духовных пастырях, так и мирских начальниках <...> беседами, разговорами, проповедьми, пении и всяким сказания образом толковать и изъяснять в

слух народа, что мы прежде войны сея были и что уже ныне, какова была Россия и какова есть уже, *коликую сотвори с нами измену дестница Вышнего*» [Панегирическая литература, 266]. Прокопович, как мы видим, предлагает свое толкование на «загадку» царя (что Бог войной совершил): Бог войной изменил Россию и «нас» — подданных Петра. Заметим, что мир автор слова уже не упоминает, хотя в речи царя были названы и война, и мир.

К речи царя Прокопович возвращается несколько раз. Так, велел за Петром сохранение военной науки Феофан считает лучшей формой благодарности Всевышнему за данные победы, а оружие называет «великий дар божий». Здесь же он напоминает «преважнейшее и присной памяти достойное слово самодержца нашего», в котором царь «как бы перстом показал горький и всем страшный такового пераждения плод, падение Греко-римской империи» [Панегирическая литература, 276, 277].

Толкует Феофан Прокопович и слова Петра из третьего раздела речи: «Мира плоды *от вне*: беспечалне от нашествия и безопасные к чужим странам купли» (т. е. безопасность торговли); «плод же мира *от внутрь* есть *умаление народных тяжестей*». Умалить тяжести, по мнению Феофана, можно посредством борьбы со взяточниками и тысячами [Панегирическая литература, 277, 278].

Главной темой «Слова» становится уже отмеченное преобразование России в ходе войны. «В войне сей, — пишет Феофан, — стала в славу и пользу возрастать Россия»; и далее указывает на «дарованные нам толикия *чрез войну благодетия*» [Панегирическая литература, 270, 276].

Приведенные выше рассуждения не выходят в целом за рамки идей, высказанных Гавриилом Бужинским и самим царем. Уже к личным построениям Феофана следует отнести противопоставление войны, преобразующей народ, и войны бесплодной. Шведы, как показано в «Слове», владеют в совершенстве «воинским искусством». Кроме того, они и по природе являются воинами. Это народ «природою самый северный (зимних бо климатов народы яко удобнейшие к войне, паче прочих от политиков похваляются)» [Панегирическая литература, 267]. Феофан посвящает шведам целый панегирик. Он нужен автору для того, чтобы противопоставить им россиян, которые побеждают вопреки своей слабости и благодаря Божественному покровительству. В этом панегирике Феофан вводит важную для всей концепции его «Слова» тему: у шведов есть все, необходимое для побед, вплоть до того, «что кажется ничего иного кроме войны и не умеют» [Панегирическая литература, 267]; у них все подчинено военному успеху, но военная организация политического быта, которая является самоцелью, бесплодна. Россияне, напротив, не умеют воевать, и война им дана не как самоцель и даже не просто для обретения в ее процессе военного искусства, а для полного перерождения.

В своем «Слове» Феофан останавливается на тех темах, которые были сопряжены с войной как формой преобразования государства у Гавриила Бужинского. Так, он вслед за Гавриилом пишет о воинских уставах. Но особенно подробно Феофан говорит об учреждении в процессе борьбы с бунтами регулярного войска. «Старочинное стрелецкое воинство, — указывает он, — <...> отставлено, была бо то гангрена некая, свое, а не чуждее тело вредящая». Бунты, как и война,

в освещении Феофана становятся благом для России: они ведут к уничтожению «гангрены» — стрелецкого войска. Кроме приведенного рассуждения о стрелецком бунте, у Феофана в «Слове» находим рассказы еще о пяти бунтах (Софы и царевича Алексея, донском и астраханском, наконец, Мазепы) [Панегирическая литература, 268—269, 272—274].

Феофан, таким образом, апеллирует к концепции, которая была разработана в «Слове» Гавриила Бужинского и императорской речи Петра. Он, во-первых, подробно разрабатывает тему творческой преобразующей роли войны, во-вторых, особо останавливается на роли бунтов, приравнивая их по значению войне.

В заключение этого раздела остановимся на еще одной заметке Петра. Она была опубликована еще С. М. Соловьевым, но почти не привлекала внимания исследователей. Эта заметка была составлена (или, по крайней мере, перебелена с «черных ЕВ пунктов») 16 августа 1724 года. Она представляет собой план панегирического сочинения, которое, как свидетельствует время составления, должно было быть написано к годовщине Ништадтского мира. Приведем ее полностью.

«Надлежит в первом стихе помянуть о победах, а потом *силу писать во всем празднике следующую:*

1. неискусство наше во всех делах;
2. а наипаче в начатии войны, которую, не ведая противных силы и своего состояния, начали как слепые;
3. бывшие неприятели всегда не только в словах, но и историях писали, дабы никогда не протягати войны, дабы не научить нас тем;

4. какие имели внутренние замешания, также и дела сына моего, також и турков подвигли на нас;

5. все прочие народы политику умеют, дабы баланс в силах держать меж соседей, а особливо, чтобы нас не допускать до света разума во всех делах, а наипаче в воинских; но то в дело не произвели, но яко бы закрыто было сие пред их очесами, сие поистине чудо божие; тут возможно видеть, что все умы человеческие ничто есть против воли божия. Сие пространно развесть надлежит, а сему довольно» [Соловьев XVIII, 552—553].

Петр довольно подробно излагает здесь свои представления о ходе и значении войны. Он упоминает исходную слабость России, особую роль бунтов (как и Феофан, он причисляет к бунтам побег царевича Алексея), чудесный характер российских побед. Но особо царь останавливается на том, что только война открывает доступ к «свету разума во всех делах, а наипаче в воинских».

Эта тема «доступа к свету», знанию не была новой для Петра. Но по окончании войны она вновь становится актуальной. В начале 1723 года в Петербурге была отпечатана брошюра «Книги политические, продаются в Гаге». Как было убедительно показано С. А. Рейсер, это издание не является «первым каталогом продажных книг», как называл ее А. Ф. Бычков, а представляет собой политический памфлет. Названия книг, краткое изложение содержания, адресаты «дедикаций» и лица, чьим «изданием» книги изданы,

являются мистификацией. Так, например, под номером 19 помещена книга «Славные действия аглийского флота, на Балтийском море с подробным описанием портов, и берегов оного сочинена и поднесена королю великобританскому, чрез адмирала Нориса». Это заглавие содержит намек на неудачную попытку английского флота в июле 1719 года оказать военное давление на Петра.

В работе над этим изданием царь лично принимал участие. Еще Голиков опубликовал «Реестр книгам политическим, продающимся в Гаге», который был «черчен и со многими приписками ЕВ». Поправки Петра, по наблюдениям Рейсер, усиливают «пропиеческий тон» этого издания [Рейсер, 541 и след.].

Впервые «Реестр книгам» был напечатан 15 февраля 1723 года, затем переиздан 19 августа 1724 года (через три дня после того, как писец «перебелил» записку Петра о составлении панегирического сочинения к празднованию мира). Эти два документа связаны и тематически.

Так, под 21-м номером в «Реестре» помещена книга «Об обучении царя российского, книга Каролуса 12 короля шведского, после смерти его издана, и сочинена на имя Англич и Голландии, кормилиц его». Обратим внимание, что порядковый номер здесь, как и в других случаях, указывает на год, в данном случае речь идет о заключении мира в 1721 году. Война России со Швецией представлена здесь как книга Карла XII, по которой тот обучал Петра I.

Вернемся к плану панегирического сочинения. О существовании своего рода заговора европейских держав против России в целях «не допускать до света разума

войны», точнее, послужил по времени редакцией этого сочинения, работу над которым Петр, без сомнения, планировал продолжить в 1725 году.

ក្រុមហ៊ុន/ឈ្មោះ

карикес 1862, I, 227].⁵ По классификации О. В. Творогова, этот список относится к первой группе первого вида краткой редакции; именно она послужила основой для создания т. н. «печатной» редакции (не сохранилась), но которой «Троцкиская история» была позднее кратких редакций исторического характера переработки опущена. Ее автор «охотно признается (чаще всего от лица персонажей) раскаянием о чести государства и власти»; в ней выделяется «описание пышных придворных церемоний»; в ней

4 [Ср. тредован, например, переводить «точно выражень, уж так инасть, как вытисе» и «за штином их не паться»] [Песни IX—XI].

«...в том, что тот, перенесшая свой перевод ратмашинистам (за [сиречь] ласком и обманщиком именуюся), [сиречь] была ласко не единственно персидом Полн-карова, исполненным по прямому указанию царя [Бравов-ский IX—XI].

то не представляло в России XVIII в. [Савельева].
2. Сочинение Аларга еще ждал своей публикации, т.к. в «Сопоставлении» в работе Аларга не упоминается, что он не представлял в России XVIII в. [Савельева].

Изучение историкографии Петровской эпохи ведется по различным направлениям. Наиболее подробно она представлена в двух направлениях. Наиболее подробно изучена как *эпоха в развитии исторической науки*. Итоговыми исследованиями здесь является труд С. И. Пештова «Русская историкография XVIII века». Исследование историкографии на богатом фактическом материале, и нам придется неоднократно к нему обращаться. Второе направление опирается на то, чтобы с возможной полнотой описать тематический перипетар исторических изданий Петровской эпохи (от сочинений по анти-чinois истории до Пугачевского). Наиболее последовательно оно представлено в работе Е. А. Савельевой «Переводные ис-следования в России XVIII в» [Савельева].

фов (по представлениям Петровской эпохи — древних поселян) и миф о Язоне, предатает в своем рассказе о пребывании в 1716 г. в Москве Бесер. Он пишет: «У древних историков читася много басен и разнычых мнений о златотом руднике, но если б точнее взглянуть на топорство, которую вели древ-

Этот мех являл собой не только предмет роскоши, но и предмет торговли. В XVII в. мех был самым популярным товаром на рынках России. Он служил средством платежа за него большую цену золотом, то они и при-
няли обыкновенные мех, чтобы совершенно справедливо назы-
вать <...> золотым мехом» [Берер, 1376]. Определить, переда-
ет Берер усиленный от кого-то из своих московских знако-
мых расказ или излагает свои собственные соображения,

7 Книга вышла в октябре 1709 г. [Быкова, Гуревич 1955, № 23]; первый книту Квинта Курция Руфа был сдан Иврей Конюшеским, но, видимо, не понравился Петру, и книга была переслана заново.
8 Напечатана только в феврале 1711 г. [Быкова, Гуревич 1955, № 48].

«Василий, как известно, отказался от коронания, современники полагали, что этим жестом он противопоставил себя Дмитрию Ивановичу, вняку Ивана III, который сначала был коронован, а потом лишен права насильствовать престол и заключен».

в "История" Губецова неточным, но и с краткими историческими данными, помещенными в ход в XVII веке; значит, для исторического чтения и справок труд Губецова не годится >>> Нам представляется, что мы будем очень далеки от истины, если скажем, что "История" Губецова составлена была для еврейской школы.

«Собственно, я не знаю, что такое «Сит». Как словесно вашему величеству передать то, что я хочу сказать? Я думаю, что вы лучше всего знаете, что такое «Сит». Я думаю, что вы лучше всего знаете, что такое «Сит». Я думаю, что вы лучше всего знаете, что такое «Сит».

Такой была модель придворного календаря, заявленная в официальном издании. Посмотрим теперь, в какой степени она соответствовала реальным ритмам придворного быта.

Самым серьезным повешеством, которое сразу же противопоставило придворный быт апинской эпохи уже существовавшему опыту, был строгий сезонный ритм переездов императрицы из одной резиденции в другую.

Анна Иоанновна переезжает в Петербург в начале 1732 года. Во время пребывания в Москве императрица проводила лето в Измайлове, резиденции матери, где Анна выросла со своими сестрами, а зиму — в самой старой столице.

В 1730 году Анна переезжает в Измайлово 4 июня. «Вчера пред вечером, — записал де Лирия, — царица переехала в Измайлово, близ которого лагерями стояли два гвардейские полки: Преображенский и Семеновский и батальон Кавалергардов; среди лагерей этих войск стоят палатки фельдмаршалов Голицына и Долгорукаго; поставлены также и *палатки для царицы*» [Лирия, 73]. То, что императрица живет летом в окружении летних лагерей гвардейских полков, конечно же, имело практический смысл и было необходимой мерой предосторожности. Но здесь мы впервые сталкиваемся с одной из особенностей организации придворной культуры при Анне: императрица формально принимает участие в маневрах — в лагере поставлены «палатки для царицы», но реально она лишь зрительница, она наблюдает, в своей «палатке» не живет, а появляется только эпизодически. Быт императрицы двоится: есть символические формы поведения императрицы (участие в военных учениях) и есть ее реальный быт.

В 1730 году возвращение из Измайлова в Москву состоялось 26 октября. «Ее царское величество переехала из Измайлова в свой новый московский дворец — прелестный дом в 70—80 комнат», — записал Рондо [Рондо, 246].

В 1731 году Анна вновь проводит лето в «своей лагерной стоянке под Измайловым», но покидает ее уже в конце июня. «28-го минувшего месяца вечером, — доносит Клавдий Рондо, — государыня <...> возвратилась в Москву, а вчера она со всем двором и с тремя гвардейскими полками расположилась лагерем у самого города, возле хорошенского деревянного дворца, который ЕВ строит в настоящее время. В нем предполагается около 300 комнат, и я вряд ли ошибусь, сказав, что это будет самый красивый из деревянных дворцов всего света» [Рондо, 337]. Ранний переезд, как мы видим, — это переезд в другой летний же дворец. Здесь, как и в Измайлове, Анна ведет условную «лагерную» жизнь со своей гвардией.

В Петербурге переезд из зимней резиденции в летнюю происходит уже в два приема и обставлен целым рядом церемониалов. Сначала Анна переходит из Зимнего дворца в Летний. «Сегодня после полудня, — пишет Клавдий Рондо 19 мая 1733 года, — ЕВ переедет в свой летний дворец, хотя пока вряд ли сады могут доставить ей большое удовольствие» [Рондо, 603]. И только потом уже императрица переезжает в Петергоф [Беснятых 1997, 88]. За императрицей в Петергоф переезжал двор, а иностранные министры спешили снять дачи неподалеку, чтобы быть ближе к императрице.

Пребывание за пределами столицы по-прежнему, как и в Москве, связано для Анны с «участием» в летних маневрах, но теперь уже морских. «Прошлый чет-

верг, — пишет Рондо в июле 1732 года, — поутру я был в Петергофе и имел честь явиться ЕВ, которая находится в вожделенном здравии. После обеда она прогуливалась в саду и около двух часов *глядела как обер-камергер, я, и четверо из ее камергеров играли в шары*. На следующий день государыня выехала на Красную горку, миль за тридцать от Петергофа, где *для ее почле-га разбиты палатки*; там она сегодня намерена с берега *смотреть флот*, командовать которым будет адмирал Гордон» [Рондо, 489]. Екатерина I сама следила (или, по крайней мере, демонстрировала, что следит) за починкой укреплений и давала пояснения, показывая их иностранным посланникам. Анна «смотрит флот» с берега²²: не случайно Корнелий Рондо, донесения которого наполнены почти незаметными пронырскими суждениями в адрес Анны Иоанновны, подсудно проводит параллель между тем, как Анна наблюдает за игрой в шары и «смотрит флот».

Возвращение в зимнюю резиденцию также проходило в два этапа. Так, в 1736 году Анна вернулась в Петербург «с исходом сентября». «Во время ее въезда, — записывал современник, — *слышалась пальба из нескольких сот пушек* — с крепости и стоявших на реке Неве придворных увеселительных судов. Императрица *вошла сначала в Летний дворец*, но спустя несколько дней с большой пышностью *совершила вход в Зимний дворец*, где пребывала всю зиму» [Беспярых 1997, 320]. Как мы видим, переезд в Летний дворец — всего на несколько дней — имеет подчеркнуто ритуальный характер.

Аналогичные планы Анна имела и относительно путешествий между двумя столицами. 7 мая 1730 года Томас Уард доносил: «В разговоре ЕВ выразила намерение

проводить в Петербурге год из каждых трех лет, а потом собирается выехать туда по зимнему пути, вероятно около будущего февраля, и остаться там до другого зимнего пути» [Уард, 190]. Но, переехав в Петербург в 1732 году, Анна уже не захотела возвращаться в Москву²³.

Строгая система смены резиденций при Анне имеет прямое отношение к официальному календарю. В результате регулярных переездов праздники по своей хронологической приуроченности становились петербургскими или петергофскими, столичными или дачными, праздновались в присутствии Анны или без нее.

Современники указывали, что статус публичного торжества при Анне имели только царские праздники. Так, Петер фон Хавен, побывавший в Петербурге в 1736 году, писал: «Праздниками, отмечаемыми при дворе столь пышно, были такие: *приход императрицы к правлению, день ее коронации, ее тезоименитство и день рождения*. <...> Прочие праздники — *именины и дни рождения принцесс, благодарственные праздники по случаю одержанных побед и другие* отмечаются только при дворе, с поздравлениями, балами и иными приятными развлечениями» [Беспярых 1997, 334]. При Петре I мы наблюдали, скорее, противоположную тенденцию: большинство царских дней довольно долго отмечалось только в узком кругу, военные же победы Петр всегда праздновал с доступной по обстоятельствам пышностью.

Важным критерием публичности торжества является фейерверк и иллюминация: даже если они готовятся только для того, чтобы развлечь императрицу, они остаются зрелищем, наблюдать которое может всякий желающий (фейерверки сжигали перед Зимним дворцом, обычно на льду Невы или на плотках). По наблюдениям

Ю. Н. Беспятых, «в 1733 г. иллюминации с фейерверком были 1 января, 28 января (день рождения императрицы) и 28 апреля (день коронации), а иллюминации без фейерверка — 19 января (день избрания ее на престол) и 3 февраля (день ее тезоименитства)» [Беспятых 1997, 107]. Сохранившиеся гравюры с изображением фейерверков свидетельствуют о том, что наблюдения Беспятых можно распространить на 1733—1735 годы, в 1736—1739 годах фейерверком отмечались только Новый год и два царских праздника — день рождения и коронация императрицы. Приведем список известных нам фейерверков (вполне вероятно, что пропуски обусловлены тем, что не все гравированные изображения фейерверков или сведения о них сохранились).

Год	Новый год (1 января)	День рождения (28 января)	Тезоименитство (3 февраля)	Коронация (28 апреля)	Другие
1730				фейерверк [Ровинский, 202—204]	30 августа (годовщина Пятидт- ского ми- ра) фейер- верк [Лип- рия, 113]
1731			фейерверк [Фейервер- ки и иллю- минации, № 73]		
1732				фейерверк [Ровинский, 205—206]	

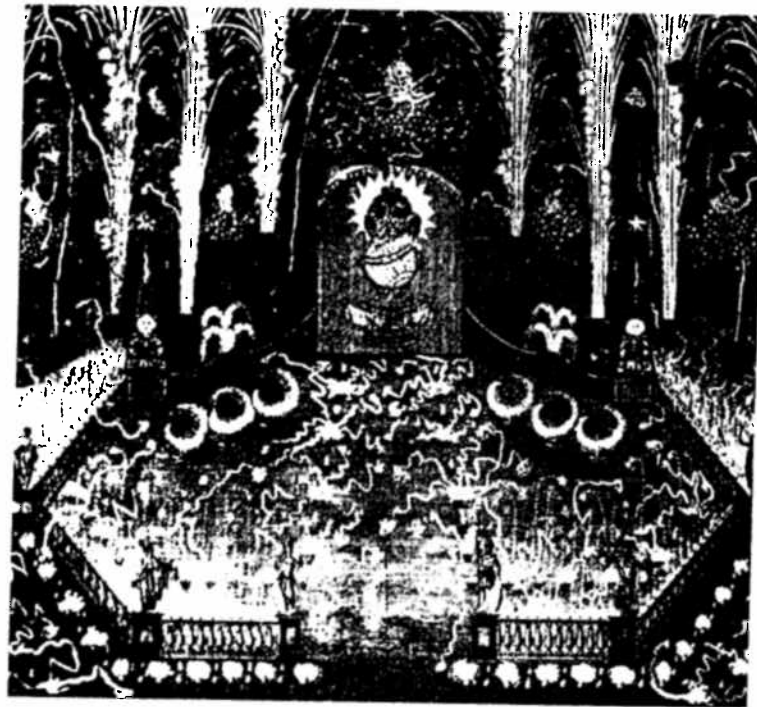
1733		фейерверк [Ровинский, 206—207]		фейерверк [Ровинский, 208]	
1734	фейерверк [Ровинский, 208]	фейерверк [Ровинский, 208—209]	фейерверк [Фейервер- ки и иллю- минации, 87]	фейерверк [Ровинский, 209—210]	
1735	фейерверк [Ровинский, 210—211]	фейерверк [Ровинский, 211]	фейерверк [Ровинский, 211]	фейерверк [Ровинский, 212]	
1736	фейерверк [Ровинский, 212—213]	фейерверк [Ровинский, 213]		фейерверк [Ровинский, 214]	
1737	фейерверк [Ровинский, 213]	фейерверк [Ровинский, 215]		фейерверк [Ровинский, 216]	
1738	фейерверк [Ровинский, 217]	фейерверк [Ровинский, 218]		фейерверк [Ровинский, 219]	
1739	фейерверк [Ровинский, 220]	фейерверк [Ровинский, 221]			9 июля, свадьба Ан- ны Лео- польдовны фейерверк [Церемо- ниальный журнал, 38]
1740	фейерверк [Фейервер- ки и иллю- минации, № 85]	фейерверк [Ровинский, 222]			

Тематика фейерверков при Анне не отличается разнообразием.

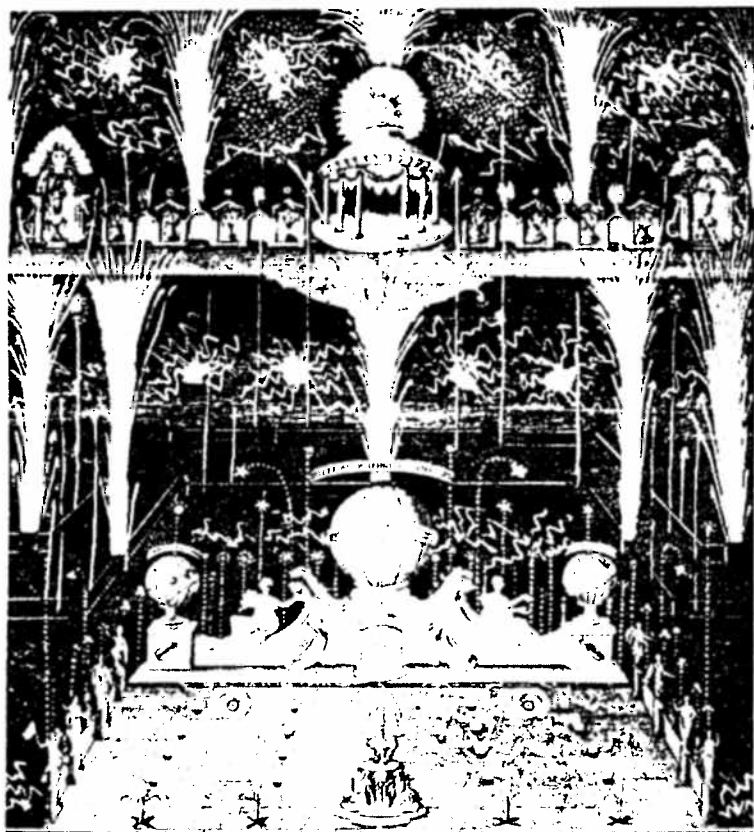
Относительно самостоятельную тематическую группу составляют лишь новогодние фейерверки: в соответствии с традицией петровских фейерверков 1700-х — начала 1710-х годов, они посвящены военным победам или военной тематике в целом. Так, в 1734 году на центральном щите был изображен двуглавый орел, распростерший крылья над земным шаром. На ленте над ним было написано: «Щит другом, страх врагам» (ил. 35). В 1735 году в центре композиции фейерверка была помещена женская фигура на троне, знаменовавшая «Побеждающее великодушие императрицы Анны», надпись гласила: «Новые годы — Новые триумфы». В описании, кроме того, добавлено, что «на четырех прочих по сторонам учрежденных планах видны пальмовые деревья с висящим на них оружием, у которых внизу изображены лежащие пленники» [Ровинский, 211]. Новый год был единственным торжеством, во время которого, как можно судить по «Церемониальному журналу» 1739 года, кроме обычных пожеланий императрице «многолетнего здравия и счастливого владения», провозглашался тост: «Дай Боже доброй мир, или благослави Боже оружие ЕИВ» [Церемониальный журнал, 2—3].

Фейерверки на остальные случаи варьируют три главные темы. Во-первых, Анна изображается в фейерверках как богоизбранная правительница. Наиболее подробно эта тема была разработана в фейерверке на коронацию 1730 года, в центре которого были помещены слова: «Богом данная. Радость Всероссийская». На одном из планов в качестве комментария к словам

«Любящую мя дах вам» помещено целое стихотворение, которое начинается словами: «*Богом избрана императрица Анна*» [Ровинский, 201]. Во-вторых, фейерверки могли быть украшены аллегорическими фигурами или эмблемами, представлявшими добродетели императрицы. Кроме того, время от времени в фейерверках на день рождения императрицы появляются знаки зодиака или звезды с планетами (ил. 36) и гово-

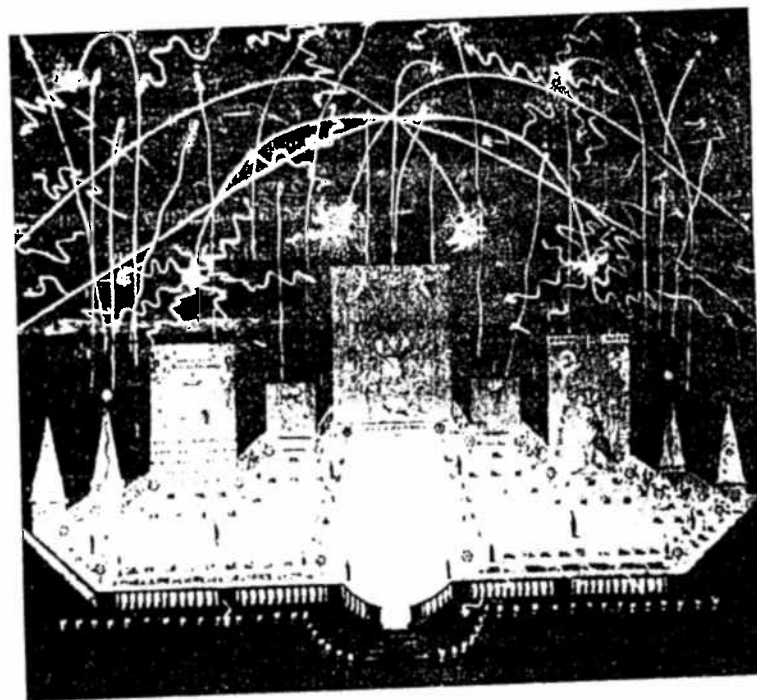
35. Фейерверк 1 января 1734 г. в Петербурге

36. Фейерверк и иллюминация 28 января 1735 г. в Петербурге

рится об умножении лет; в повогодних фейерверках обещается исполнение желаний в результате мудрого правления Анны.

Наконец, довольно регулярно в оформлении фейерверков прямо или косвенно упоминаются предшественники Анны. В 1731 году фейерверк на тезоименитство был украшен лентой с надписью: «Свят корень, свята и ветвь» (ил. 37). В фейерверке на коронацию 1732 года,

37. Фейерверк 3 февраля 1731 г. в Москве. На среднем щите: «Свят корень, свята и ветвь»

как указано в описании, рядом с фигурой «Благополучного случая отечеству» помещены «оба их императорского величества *Петра Великого* и *Анны* грудные портреты» [Ровинский, 206]. В описании фейерверка на день рождения 1733 года указано: «На самой пирамиде изображены <...> портреты ЕИВ государя родителя и государыни родительницы» [Ровинский, 207]. Надпись фейерверка на коронацию 1735 года гласила: «Содержит родом, украшает добродетелями».

Тем не менее фейерверки при Анне выполняют, в первую очередь, декоративную функцию, а вовсе не являются формой построения идеологии и ее пропаганды.

Единообразно тематики соответствовало и единообразие самих торжеств по случаю царских дней. Все торжества, вне зависимости от случая, которому они были посвящены, начинались обедом, за ним шел бал и, в особо торжественных случаях, ужин. Вечером зажигали фейерверк. Именно так праздновали Новый год, восшествие на престол, день рождения императрицы, ее тезоименитство [Рондо, 543, 545, 550, 414]. Описания этих торжеств почти не отличаются одно от другого. В одном случае современники пишут о «прекрасном фейерверке», в другом — о «роскошной иллюминации»; чрезвычайно торжественные приемы при дворе выделяются «великолепными парядами» как дам, так и кавалеров: «Такова, — как замечает англичанин Томас Уард, — высшая степень цивилизованной роскоши, достигнутая в России в непродолжительное время» [Уард, 190].

В качестве примера приведем описание торжеств по случаю тезоименитства, которое сохранилось в за-

писках Петера фон Хавена. «Утром после богослужения, — пишет он, — выналили все пушки вокруг крепости. Гвардейские полки выстроились в каре на льду реки Невы и трижды салютовали беглым огнем. Между тем при дворе принимались поздравления. В полдень был торжественный обед. Несколько позднее была представлена великолепная опера, на которой присутствовал весь двор; каждая такая опера стоила свыше 10 тысяч рублей. Вечером была видна иллюминация <...> В 11 часов вечера на реке Неве был зажжен фейерверк, продолжавшийся около часа» [Беспятых 1997, 333].

Тезоименитства и рождения цесаревны Елизаветы и царевен Прасковьи и Екатерины праздновались также одинаково — в эти дни во дворе с утра принимали поздравления, вечером бывали бал и ужин [Лирия, 114, 117; Рондо 1889, 237, 247].

Орденские дни появляются в календаре, как мы видели, только с 1733 года. Но на практике они праздновались уже в 1730 году. «Вчера, по обычаю, — записывает де Лирия 31 августа 1730 года, — праздновался день св. Александра, и все кавалеры этого ордена имели честь обедать и ужинать с царицею. После ужина был сожжен очень хороший фейерверк. В этот день был пожалован кавалером этого ордена только один сказанный генерал Вейсбах» [Лирия, 113]. 30 августа Анна обедает с кавалерами ордена, подчеркивая тем, что праздник является «кавалерским». Но ужин и фейерверк уже посвящены заключению мира. На это указывают в донесениях и иностранные посланники. Клавдий Рондо, например, доносил, что 30 августа «всегда празднуется очень торжественно не только потому, что орден св. Александра Невского учрежден

Петром I, а еще потому, что в тот же день подписан был славный для России Ништадтский мир со Швецией» [Рондо, 227]. Анна в первый год своего царствования с демонстративной пышностью отмечает центральный праздник «петровского» календаря.

С меньшей помпой, но регулярно Анна отмечает этот день и в последующие годы. Так, 30 августа 1732 года при дворе «был торжественный прием для вельмож и дворян; кавалеры же ордена и все представители иностранных государств удостоились чести быть приглашенными к высочайшему столу». К этому празднику был спущен «80-пушечный корабль „Александр Невский“» [Рондо, 503, 505]. Заметим, что при дворе 30 августа празднуется теперь уже только как кавалерский день.

Показательно и то, что именно при Анне значение праздника 30 августа не только редуцируется до кавалерского дня, но и сам праздник кавалеров ордена Св. Александра Невского лишается публичности, превращается в закрытое придворное торжество. «При Екатерине, — записывает Карл Рейнхольд Берк (видимо, со слов одного из своих петербургских знакомых), — все рыцари ездили в Невский монастырь, присутствовали там на богослужении и были потчеваны в монастырских залах. Теперь память св. Александра празднуется в придворной церкви». Другим новшеством было новое орденское одеяние «очень богато украшенное золотом» [Беспятых 1997, 148].

Уже с начала правления Анны отмечался, разумеется, и праздник ордена Св. Андрея Первозванного. Орденское одеяние для кавалеров было введено уже в 1731 году. В дни орденского праздника Анна также

облачалась в специальный орденский костюм. «ЕВ носит такие же, как у рыцарей, мантию и цепь, на голове свою маленькую камер-корону и над левым ухом султан из перьев <...> На императрице также андриена, или роба из золотой парчи, и юбка из серебряной парчи» [Беспятых 1997, 147]. Сам ход торжеств 30 ноября не отличался от того, как праздновали при Анне день кавалеров ордена Св. Александра Невского: после богослужения в придворной церкви, на котором императрица присутствовала в орденском одеянии в окружении кавалеров, следовал торжественный обед. «Кавалеры сидели за одним столом с государыней, представители же иностранных дворов и знатные особы имели честь обедать в той же комнате, хотя за другим столом» [Рондо, 533—534].

В начале царствования Анна, как мы видим, подчеркивает преемственность организации придворных торжеств именно по отношению к Петровской эпохе и посвящает памяти Петра кавалерские дни обоих орденов (о праздновании тезоименитства Петра как дня кавалеров ордена Св. Андрея Первозванного речь пойдет ниже). Однако со временем все петровские ассоциации исчезают из порядка празднования (параллельно превращению орденских торжеств в чисто придворные и усиленно декоративного элемента). По времени это приблизительно совпадает с внесением кавалерских дней и годовщины Полтавы в список официальных торжеств календаря на 1733 год: по мере вытеснения «петровской» тематики из реального придворного быта (который довольно быстро становится при Анне сферой, изолированной от широкой публики) увеличивается присутствие торжеств, напоминающих о Петре, в офи-

циональной версии придворного календаря, которая была обращена широкой публике, — печатном календаре.

Чтобы представить себе итог развития придворного календаря при Анне, обратимся к «Церемониальному журналу» за 1739 год, где все торжественные события года детально расписаны. Этот год представляет для нас особый интерес не только как итоговый год правления Анны, он был отмечен и рядом значительных разовых торжеств.

Приведем для наглядности параллельно список официальных праздников из календаря на 1739 год и сведения о придворных торжествах «Церемониального журнала» за этот год.

	Календарь на 1739 г.	Церемониальный журнал за 1739 г.
1 января		Новый год
19 января	Восшествие на престол	Восшествие на престол
28 января	Рождение ЕИВ	Рождение ЕИВ
3 февраля	Тезоименитство ЕИВ	Тезоименитство ЕИВ
12 февраля		День торжества объявления ЕИВ лейб-гвардии в Преображенском полку полковником
13 февраля		Свадьба камер-юнкера Барона Менглена с фрейлиною фон Вильман
20 февраля		Свадьба камергера фон Миниха с фрейлиною фон Менглен
25 марта		День торжественного праздника Благовещения («трактованье» все гвардейские штаб и обер-офицеры)

28 апреля	Коронавание ЕИВ	Коронавание ЕИВ
6 мая		ЕИВ перешла из Зимнего в Летний дом
2 июня		День торжества объявления герцога Курляндского в герцогство
11 июня		День праздника святой Троицы (праздник Измайловского полка)
13 июня		Тезоименитство герцога Курляндского
23 июня		Рождение Елисаветы, принцессы Курляндской
27 июня	Торжественное воспоминание победы под Полтавою	
2 июля		Прием послов
3 июля (торжества продолжались до 9 июля)		Бракосочетание принцессы Анны с принцем Антоном Ульрихом
14 июля		Шествие ЕИВ в Петергоф
23 июля		Торжество Польской кавалерии ордена Белого орла
1 августа		День торжественного праздника Происхождения честных древ святого креста
6 августа		В день торжественного праздника Преображения Господня (праздник Преображенского полка)
15 августа		День торжественного праздника Успения пресвятой Богородицы

		лицы, для объявления того числа ЕИВ в Измайловском полку полковником
17 августа		Рождение Антона Ульриха
28 августа		Шествие ЕИВ в Санкт-Петербург
30 августа	Торжество кавалеров ордена св. Александра Невского	Торжество кавалеров ордена св. Александра Невского
3 сентября (торжества продолжались до 10 сентября)		Выход ЕИВ в церковь Рождества пресвятой Богородицы, к благодарственному молебному пению о взятые Турецкого города Хотима
5 сентября	Тезоименитство Елисаветы Петровны	
30 сентября		Выход в придворную церковь к благодарственному молебному пению о пришедшей в подданство ЕИВ Молдавской земле и о принятых в службу пришедших волохов
1 октября		Рождение принца Карла
4 октября		Рождение герцогини Курляндской
18 октября		Шествие ЕИВ в Зимний дом
12 ноября		Рождение герцога Курляндского
21 ноября		Праздник «Ведения Пресвятой Богородицы» (праздник Семёновского полка)
30 ноября	Кавалерский праздник св. Андрея Первозванного	Кавалерский праздник св. Андрея Первозванного

1 декабря	Рождение принцессы Анны	Рождение принцессы Анны
9 декабря	Тезоименитство принцессы Анны	Тезоименитство принцессы Анны
18 декабря	Рождение Елисаветы Петровны	Рождение Елисаветы Петровны

В полном соответствии с календарным списком, как мы видим, в 1739 году празднуются при дворе царские и кавалерские дни. Но есть и целый ряд расхождений.

Во-первых, при дворе не празднуется и в «Церемониальный журнал» не внесена годовщина Полтавы, хотя Анна полагала необходимым отметить ее в календаре.

Во-вторых, в целом ряде случаев при дворе имели место годовые праздники, не зафиксированные в календаре. Большую группу составляют праздники гвардейских полков: их общий праздник (25 марта), полковой праздник каждого в отдельности и день объявления Анны полковником (в случае Преображенского и Измайловского полков). Этот тип торжеств, который сформировался в практике придворного быта 1730-х годов, станет константой построения имперского календаря в последующие эпохи. Далее следует назвать серию праздников, посвященных рождению и именинам герцога Курляндского и членов его семьи. Очевидно, что они составляют такую важную часть придворных торжеств как результат личных привязанностей императрицы. В то же время этот цикл торжеств демонстрирует сферы влияния и политические претензии императрицы.

Несовпадение заявленных в календаре и реально отмечавшихся при дворе праздников достигает в 1739 году, как мы видим, своего апогея.

«Церемониальный журнал» за 1739 год отразил и итог развития еще одной тенденции в организации придворного календаря при Анне: все годовые торжества теперь отмечаются в пределах четко очерченного и закрытого для внешних наблюдателей пространства (даже количество ежегодных фейерверков к концу царствования Анны уменьшилось до трех). В эти дни Анна присутствует на богослужении в придворной церкви, здесь же для узкого круга лиц, допущенных ко двору, произносятся праздничные проповеди [Церемониальный журнал, 1, 4, 7, 10 и след.]. Эти проповеди не были адресованы широкой публике и потому не публиковались.

Два важнейших разовых торжества года — свадьба Анны Леопольдовны и «взятие Хотима» — по торжественности не уступают одно другому. Оба продолжают в течение недели. Свадьба проходит со «столовым» кушаньем «за богато убранным фигурным столом, припущенных фонтанах», в честь этого события в театре был представлен «пастораль», а балы украшали маскированные кадрили. Для народа на площади перед дворцом были выставлены винные фонтаны и «печеные мяса» [Церемониальный журнал, 37—38].

Празднование победы было единственным случаем, когда Анна сочла необходимым присутствовать на богослужении не в придворном, а в городском храме. 3 сентября императрица «из Летнего дома изволила выход иметь <...> в новопостроенную на Адмиралтейском острове церковь Рождества пресвятой Богородицы, к благодарственному молебному пению о получе-

нии виктории генералом-фельдмаршалом и кавалером графом фон Минихом о взятии турецкого города Хотима. В то время была пальба из пушек с обеих крепостей». 6 и 7 сентября последовал смотр полкам, находившимся в Петербурге, 10-го — «бал в богатом платье» [Церемониальный журнал, 45].

При Анне Иоанновне складывается придворный календарь принципиально нового, по сравнению с петровским, типа. Он представляет собой набор заявленных для публики праздничных дней, имеющих особое гражданское значение. В печатном календаре с ведома императрицы оказывается, таким образом, заявлена некоторая условная «официальная позиция». В то же время в календаре не определен статус каждого из включенных в список праздников: не ясно, как и когда они должны отмечаться (предполагается ли придворное или публичное торжество). Уже эта особенность календаря конституирует определенную свободу поведения по отношению к названным праздникам. Причем, как мы видели, эта свобода касается как официальной практики (реального списка праздников, отмечаемых при дворе), так и публичной практики (появляются, например, несанкционированные праздники). Разумеется, все это осуществляется в определенных границах.

Закрепленный в печатном издании список торжеств ориентирован на то, чтобы представлять историю династии в целом (в том числе и историю петровских завоеваний); придворная же практика ориентирована скорее на то, чтобы отражать корпоративную структуру общества (царские праздники, представляющие «императорскую фамилию», кавалерские и полковые дни), чем империю в целом.

Глава 3

«К славе и чести любезного отечества»

«Свят корень, свята и ветвь»

При Екатерине I, как мы видели, практически всякая официальная декларация начиналась с упоминания Петра I, его незаконченных «дел» и замыслов. Анна не пыталась выстроить идеологию своего правления вокруг имени Петра, но в то же время она вовсе не стремилась Петра из нее исключить. Для Анны важно было подчеркнуть свою принадлежность династии в целом, а не пайти одного — главного предшественника (это может быть объяснено и тем, что царь Иоанн Алексеевич в силу объективных обстоятельств только с большими допущениями мог выполнять такую роль).

Именно в рамках такой концепции «предшественники» императрицы были представлены в оформлении фейерверков. Точнее всего эту идею выражали надписи фейерверков 1731 года (тезоименитство) — «Свят корень, свята и ветвь» и 1735 года (коронация) — «Содержит родом, украшает добродетелями». Петр I упоминался в фейерверках наряду с Иоанном. О том же свидетельствует календарь — праздники церковного календаря, отмечавшиеся при Анне в календарях курсивом или кинноварью, подчеркивали значение Ивана. В то же время Полтава, хоть и номинально, присутствовала в анненском календаре с 1733 по 1740 год.

Наряду с царями Иоанном и Петром актуальность при Анне приобретает и фигура Алексея Михайловича. В 1737 году Анна отдает распоряжение об издании «Уложения» Алексея Михайловича.

Это предприятие, несомненно, имело и практическое значение («Уложение» сохраняло свой юридический статус). Еще ранее, в феврале 1727 года, А. И. Остерман писал в Академию наук: «Посылаю <...> уложение наше старое, российское, которое изволите, приняв, отдать от академии профессору юрис, которому пристойно, чтоб он оное высмотрел и, по своему рассуждению и искусству, что к тому добавить и отменить надлежит, то б на то ремарки учинил и написал» [Материалы I, 234]. Обратим внимание, что Остерман (уроженец Вестфалии, поступивший в русскую службу в 1703 г.) пишет «наше старое российское» уложение в Академию, профессора которой прибыли в Россию лишь в 1725 году.

В 1727 году издание не было осуществлено. Оно было напечатано уже при Анне под заглавием «Уложение по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочинено и напечатано при владении ЕИВ государя царя и великого князя Алексея Михайловича <...> в лето от сотворения мира 7156. Издано вторым тиснением» (СПб., 1737). Книга была напечатана «под наблюдением» А. Адодурова. Уже заглавие показательно. Здесь помещены сведения о составлении и первом издании книги («сочинено и напечатано»), при этом дата дана от сотворения мира: календарная реформа Петра обратной силы не имеет, культурные константы XVII века сохраняют, с точки зрения составителей издания, право на существование. В то же время Алексей Михайлович назван здесь «императорское величество»: династия Романовых видится Анне, как виделась и Петру I, династией императорской. Изменения в привычном титуле Алек-

сея Михайловича указывают на то, что Адодуров готовил издание, руководствуясь специальными инструкциями свыше: вряд ли он решился бы самостоятельно переправить титул (вспомним, например, преследования, которым подвергся В. К. Тредиаковский за использование в стихотворении слова «императрикс» вместо положенного «императрица»).

К изданию «Уложения» был приложен портрет Алексея Михайловича. Исходно предполагалось снабдить эту книгу еще и пространном жизнеописанием царя Алексея. В июне 1736 года «главный командир» Академии наук барон фон Корф представил в кабинет императрицы доклад. «К сочинению жития» Алексея Михайловича он просил переслать в Академию «имеющихся в Москве и в Санкт-Петербурге в печатных копиях <...> царя и великаго князя Алексея Михайловича разных годов журналов дневных и походов, разных рисунков и собственных ЕВ руки писем; также <...> Иоанна Васильевича, Михаила Феодоровича журналов же, и походов, и прочих дел» [Материалы III, 89—90]. По затребованным материалам можно судить о том, что повествование предполагалось начать с событий, предшествовавших Смутному времени (материалы об Иване IV), потом, видимо, предполагалось рассказать об избрании Михаила Федоровича и о царствовании Алексея. Круг затребованных источников показывает, что «Уложению» должна была быть предпослана именно история династии (императорской, как мы видели по заглавию).

К лету 1737 года, когда текст «Уложения» уже был отпечатан, жизнеописание еще готово не было. Корф доносил: «Уложение в Академии наук напеча-

но, а жития <...> к тому Уложению не присовокуплено, для того, что еще все не окончено, за подлежащими справками». Между тем в Академию приходят «разных чинов люди, требуют о продаже оного Уложения incessанно. А по мнению-де Академии наук, оно можно продавать без переиздета». В ответ на это донесение поступил указ императрицы: «Объявленное Уложение по представлению Академии наук продавать, а о собрании справок жития государя царя Алексея Михайловича, чтоб оные были собраны немедленно, подтвердить указам» [Материалы III, 416].

Имя Петра I Анна чаще всего упоминает, когда речь заходит о флоте. Уже в конце марта 1730 года. Клавдий Рондо доносил: «Ее величество заявила, что желает поставить флот на ту же ногу, на какой он находился при дяде ее, императоре Петре Первом» [Рондо, 177].

Эта тема становится особенно актуальной после переезда двора в Петербург в начале 1732 года. 25 февраля 1732 года Рондо возвращается в донесении к судьбе флота. «Мне <...> приходилось упоминать о крайнем небрежении, в котором флот и вообще морское дело находятся в России со смерти Петра Великого, — пишет он. — <...> Узнав о таком небрежении к флоту, государыня приказала произвести строгое следствие, дабы найти виновных» [Рондо, 416].

Императрица не остановилась на декларациях. Весной, как только вскрылась Нева, были спущены две яхты, а вслед за ними — большой военный корабль. Анна, видимо, была на самом деле увлечена морскими предприятиями. «ЕИВ, — пишет Рондо, — почти ежедневно тешится, глядя на множество мелких судов и

барок, проходящих перед ее дворцом». В конце апреля в присутствии императрицы в Адмиралтействе был заложен 120-пушечный корабль «Императрица Анна». За ним следует «Надежда России», «Митав», «Принцесса Анна» и др. [Рондо, 446, 458, 599, 611].

1732 год был юбилейным — на него приходилось 60-летие Петра I. Возможно в связи с этим, в начале года от императрицы поступил запрос о судьбе «всяких вещей и книг, инструментов», которые Академия получила «из дому ЕИВ Петра Первого, по представлении его, в библиотеку». Особо Анна интересовалась, где находится «стакан золотой, со вставленными старинными камнями» (как выяснилось, он «в кушет-камору давно принят») [Материалы II, 94, 101]. А 11 июля 1732 года была решена и судьба «восковой персоны». Было приказано «персону ЕИВ восковую, которая стоит в доме государя царевича Алексея Петровича, отдать в кушет-камору» [Материалы II, 151]²⁴. Этот указ, как можно заметить, последовал вскоре после тезоименитства Петра I (29 июня).

Тезоименитство Петра было отпраздновано в 1732 году со всей торжественностью. «29-го июня, — доносит Рондо, — в день св. апостолов Петра и Павла, ЕВ и все кавалеры ордена св. Андрея Первозванного, в орденском одеянии и с цепью на шее, явились в церковь, после чего ЕВ обедала за одним столом с кавалерами, а представители иностранных государств за другим столом в той же комнате» [Рондо, 479]. Как указывал другой современник, 29 июня празднуется так «в память об учредителе» св. Андрея Первозванного [Беснятых 1997, 147]. Интересно, что Анна полагает именно такую форму торжества наиболее уместной: тезоименитство

Петра I празднуется как орденский праздник (т. е. в определенном смысле имеет корпоративный характер). Осенью того же года в календарь на 1733 год были внесены, как мы помним, «петровские» торжества.

Уже 18 июля 1732 года, то есть меньше чем через месяц после официальных торжеств, посвященных памяти Петра I, последовала реакция со стороны Академии наук: профессора Академии выступили с предложением собрать и опубликовать мемуары о Петре Великом [Материалы II, 154].

В следующем 1733 году тезоименитство Петра I было отмечено еще одной знаменательной акцией. На этот раз инициатива исходила из Сената: отсюда 29 июня в Академию был направлен запрос с требованием «подать ведомость немедленно». Члены Сената хотели знать: «Оная Академия на таком ли основании содержится, как по указу <...> Петра Великого повелепо?» Библиотекарь Академии Шумахер отвечал: «Академия наук содержится поныне совершенно по высокому намерению <...> Петра Великого, которое в том состояло, чтоб науки и знания в совершенство приходили и распространялись, и молодые бы люди во оных наставление имели» [Материалы II, 337].

После 1733 года интерес Анны к наследию Петра I исчезает. Тем не менее официальные мероприятия 1732—1733 годов, посвященные памяти Петра Великого, стали своего рода толчком для проявления частной и корпоративной инициативы. В одних случаях правительство поддерживало такие проекты, в других нет: они не являлись реализацией правительственной идеологической программы, но в то же время ей не противоречили.

Названная выше инициатива Академии наук не была единственной. В 1736 году А. К. Нартов выступил с предложением собирать памятные вещи Петра I. «Имеются де в Москве, в Преображенском, — пишет он в своем «доношении», — <...> ЕИВ Петра Великого первейшие токарные машины и инструменты, которые стоят забвению <...> да в том же имеется военная собранная артиллерия <...> Петром Великим, а именно: латы, кольчуги, шашки, палашки и оружие и прочие курьезные вещи, которым весьма погребно быть в собрании в Санктпетербурге, при Академии наук, в кустаморе». Нартов же предлагает «в вечную славу <...> Петра Великого и для пользы государственной» составить подробное описание всех вещей, принадлежавших императору [Материалы III, 90—91, 75—76]. По времени «доношение» Нартова почти совпадает с указаниями императрицы о сборе материалов для составления жизнеописания Алексея Михайловича. Именно это, можно полагать, подтолкнуло Нартова к тому, чтобы выступить с предложением о сборе и петровских материалов.

В 1738 году было напечатано сочинение Г.-З. Байера «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу». Появление труда Байера, без сомнения, было связано с взятием Азова Минихом в 1736 году. Мы, однако, не знаем, было ли это сочинение составлено по специальному указанию императрицы, по инициативе Академии или самого Байера. В любом случае книга Байера представляет интерес уже потому, что в ней нет ни панегирического посвящения императрице или Бирону (такого рода посвяще-

ния были широко распространены), ни специальных рассуждений о возвращении крепости. Показательны, например, заключительные слова этого издания. Байер рассказывает на последних страницах об утрате Азова при Петре I и завершает свой рассказ словами: «И так Азов, по силе вышепомянутого мирного заключения, *возвращен был опять туркам*» [Байер, 284]. На этом повествование обрывается.

Основную часть своего повествования Байер посвящает войнам Петра I с Турцией. Петр является здесь отважным воином и талантливым полководцем уже в раннем возрасте. Так, рассказывая о возвращении полков из Чигиринского похода, Байер описывает недовольство 17-летнего Петра организацией компании. «27 июля, — пишет Байер, — показывал царь Петр Алексеевич свое недовольствие о бывших военных действиях» и о «несогласии, которое военным предприятиям поныне препятствовало» [Байер, 188].

Прямых оценок деятельности Петра Байер старается не давать, но с явным удовольствием приводит характеристики, которые дают Петру турки. Эти «негативные» характеристики должны были видеться читателям Байера именно похвалой. Так, здесь передан разговор Крымского хана с султаном. Хан рассказывает, что «Российский царь переменял древние обычаи и порядки своего народа, также и закон, и намерен все учредить по примеру немцев. Такие ложные известия вымышлял он только для того, чтоб султана *привести в огорчение* против ЕЦВ». Именно в Петре хан видит основную угрозу Порте. Именно поэтому «должен султан, окончивши войну с цесарем, весьма того наблюдать, чтоб новый *Немче гюур* (так называют турки всех

христиан без изъятия) не привел Оттоманской Порты в крайнее опасение» [Байер, 255]. Петр в изображении Байера является предметом ненависти турок и татар не только как христианский государь (гяур), но и как нарушитель традиционных устоев быта в своем государстве (что является нарушением некоторого устойчивого порядка, общего для азиатских держав, а потому общего для России и Турции). Именно как нарушитель традиций Петр назван ханом «Немче гяур».

Такого рода «косвенные» похвалы в адрес Петра I делают книгу Байера своеобразным панегириком именно Петру, потерявшему Азов, а не Анне, при которой эта крепость была возвращена России.

Еще одной инициативой Академии был поиск журналов Петра I. В мае 1740 года в решении Академического совета было записано: «В Академии наук советник Шумахер объявил, что де бывший синодский секретарь, который ныне в оренбургской экспедиции, Гаврила Замятин, в зимнем доме, при господине, действительном камергере бароне фон Корфе и при нем, господине советнике, объявлял, что о всех бывших при <...> государе Петре Великом, о баталиях и всех воинских действиях впредь для всенародной пользы журнал знает и принскать может, а весьма Академия об оных действиях намерена историю сочинить». Для сочинения «истории» было необходимо узнать у Замятина, где же находится «журнал». По докладу Академии императрица указала послать в Оренбург «проемеморию» и требовать известия «где оные журналы имеются» [Материалы IV, 390—391].

Ситуация парадоксальная. Президент Академии Корф и библиотекарь Шумахер случайно узнали от

бывшего синодского секретаря Гаврилы Замятина о существовании «Истории Свейской войны». Чтобы разыскать ее, по указу императрицы от нового начальника Замятина в Оренбурге потребовали, чтобы тот уточнил, где именно искать сочинение о Петре. Насколько можно судить, «журналы» в результате этих разысканий найдены не были. Нужно полагать, что ни сама императрица, ни ее секретари, составлявшие указ, ничего о «Истории» не знали. Между тем все рукописи этого сочинения хранились в Кабинете министров.

После смерти Петра Екатерина I поручила завершение «Истории» возвращенному из ссылки Петру Шафирову. Определением Сената от 5 мая 1725 года было указано: «Сочинять историю от дней рождения <...> ЕИВ до 1700 года или до начала Шведской войны». Именно в этом направлении Шафиров начинал собирать материалы для своей работы. Так, он затребовал известия «об избрании на престол Российского царства <...> царя Михаила Федоровича, и о браках его и о рождении детей ЕВ; потом о наследствовании царского престола <...> царя Алексея Михайловича, и о его браках и о рождении детей его величества; о наследствовании престола <...> царя Феодора Алексеевича и о браках его и впоследствии пред его кончиною стрелецком бунте, и как оный бунт, по избрании <...> Петра Великого умножился и каким образом потом <...> царь Иоанн Алексеевич на престол купно произведен, и всех происшедших делах с рождения ЕИВ по пачатие истории, которая в Кабинете собирается, чего в оной не обретається». В другой записке Шафиров просил переслать ему материалы о том, «как со-

держан царь Петр Алексеевич, яко царевич», «какою болезнью болел царь Федор Алексеевич пред смертью и за долготу был болен до кончины», «каким образом Хованский казнен и с какого случая», «каким образом царское величество охоту к воинскому делу и экзерцициям получил» и кто был при нем «обучителем» [Устрялов I, 325, 322—324]. Задача Шафирова, таким образом, состояла в том, чтобы на основе «Гистории Свейской войны» составить жизнеописание Петра I. Этой задачи Шафиров выполнить не успел: по настоянию Меншикова он был отправлен в Архангельск для наблюдения за китобойным промыслом.

Последним, кто имел доступ к рукописям «Гистории Свейской войны», был кабинет-секретарь Петра I А. В. Макаров, непосредственный участник работы над этим сочинением. В ноябре — декабре 1731 года Макаров составил ряд документов, из которых видно, что он собирался править «Гисторию». Но в 1732 году Макаров был отстранен от должности и до самой смерти в 1740 году находился под стражей [Серов, 239]. С 23 декабря 1731 года до 1742 года к рукописям «Гистории» никто не обращался [Пештич, 202].

О существовании «Гистории Свейской войны» и планах ее публикации было известно за пределами России. Томас Консетт, капеллан английской фактории в России, в 1729 году опубликовал, например, перевод целого ряда оригинальных документов и сочинений, посвященных жизни и смерти Петра I. В предисловии он писал о том, что на основе собственноручных записей царя, дополненных архивными материалами, будет вскорости составлена и опубликована «генеральная история» царствования этого монарха [Consett, iii].

Чем закончились поиски «журнала» в 1740 году, неизвестно (никакого жизнеописания Петра Великого около этого времени опубликовано не было).

За пятнадцать лет, прошедших к 1740 году со смерти Петра I, в ближайшем окружении императрицы не осталось людей, которые бы помнили о существовании генерального исторического проекта царя. Преемственность в организации придворной культуры в России первой половины XVIII века, как мы видим, существовала во многом за счет непосредственного контакта ее носителей. Как только смена правления приводит к резкому изменению состава придворного штата, такая преемственность нарушается.

Остановимся, наконец, еще на одном «проекте», связанном с Петровской эпохой, но уже исходившем не из Академии наук.

В конце декабря 1739 года «монетного правления главный директор» граф М. Г. Головкин (сын бывшего при Петре канцлером Г. И. Головкина) сделал представление императрице и, получив одобрение, сообщал в «де снание академию» (Академию наук): «При жизни <...> государя императора Петра Великого, на российских монетных дворах о славных баталиях нарезаны многие медальные чеканы, которыми тогда напечатаны были, для вечной памяти, медали и в народ розданы. А ныне, во время счастливо царствующей <...> государыни императрицы, для высоких и славных ЕИВ дел, то есть, о войне с разными потенциями, никаких медалей не сочинено». Такие медали («весьма надобная вещь»), по мнению Головкина, должны служить и для того, чтобы дела Анны «известны были» не только в России, но и в Европе. «И дабы, — продолжает Голов-

кин, — *российским подданным* впредь от прочих не могло в слабость причтено быть того, что в прочих государствах о российских славных делах медали для памяти печатаются, а в самом Российском государстве оное пропущено, и требовано <...> печатать на монетном дворе медали».

Головкин предложил и список побед, которым можно было бы посвятить медали: «1) На взятие Даница; 2) на соединение при реке Рене российского с царским войском против Франции; 3) о взятие Азова; 4) о взятие-ж Перекопи; 5) о славных походах в Крыму; 6) о взятие Очакова; 7) об отборе неприятеля при приступлении его к Очакову; 8) о взятие Хотима; 9) о завлaдении Молдавского княжества; 10) по тому-ж и о прочих во время нынешней турецкой войны знаменитых военных делах». От Академии наук требовалось «пристойно сочинять фигуры и над ними подписи» и, при необходимости, дополнить список случаев, на которые следует выбить памятные медали [Материалы IV, 279—281].

Эта инициатива Головкина имела важные последствия: сначала в Академии наук был составлен пространный список побед Анны (он включал не девять, как у Головкина, а двадцать одну «акцию»²⁵). Вслед за тем здесь возникает идея составить историю царствования Анны Иоанновны. В самом начале мая 1740 года, после представления проекта императрице, Академия затребовала необходимые материалы: «Имеющиеся в книжной лавке с начала <...> императрицы Анны Иоанновны польских и турецких и прочих военных действий *реляции и ведомости* собрать и внести в канцелярию, которые сообщить профессору Штрубе ди

Пермонту и приказать оному <...> о том *настоящую историю сочинить*» [Материалы IV, 389]. Смерть императрицы поменяла реализацию этого проекта.

Одним из наиболее последовательных хранителей петровского наследия при Анне Иоанновне был Б.-Х. фон Миних. Миних поступил в русскую службу в 1721 году. Петр, который ценил Миниха именно как инженера, поручил ему строительство Ладожского канала. Канал был достроен только при Анне Иоанновне, и его успешное завершение стало поворотной точкой в карьере будущего фельдмаршала [Curtis, 77 и след.].

Одновременно со строительством канала Миних исполнял должность генерал-губернатора Петербурга. Одним из направлений его деятельности в этой должности было, как можно судить по известным нам документам, стремление сохранить в новой столице тот ритм чередования будничных дней и гражданских праздников, который существовал при Петре I.

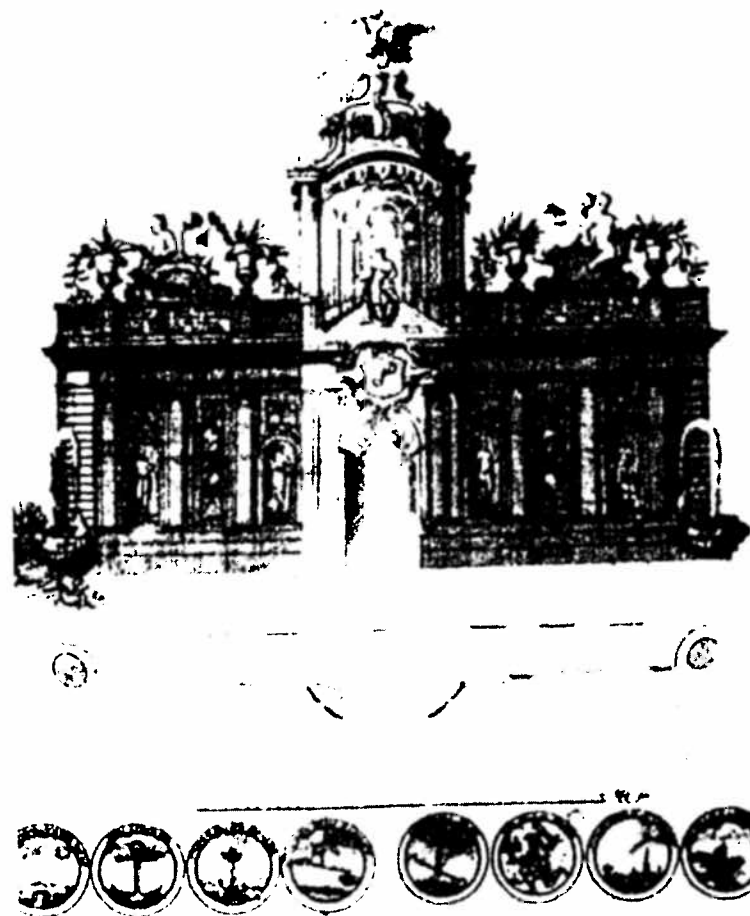
Деятельность Миниха в интересующем нас направлении начинается сразу после отъезда Петра II в Москву для коронации. Несмотря на отсутствие двора в новой столице, здесь была устроена иллюминация в честь коронации. Ее описание, наряду с торжественным въездом Петра II в Москву и самой коронацией²⁶, было напечатано в Петербургской типографии под заголовком: «Реляция об иллюминации, которую его превосходительство генерал-аншеф граф *фон Миних* при торжествовании для коронации ЕИВ <...> пред своими палатами в Санктпетербурге устроить велел». В заглавии издания, как мы видим, специально подчеркнуто, что иллюминация организована именно

Миннихом и имела место перед его домом. Молодой император не видел иллюминации и мог оценить инициативу генерал-губернатора Петербурга только по описанию. Для Минниха организация ее была, видимо, не только способом продемонстрировать свою лояльность и расторопность, но и исполнением должности: в столице Петра I по должности положено было трудиться на пользу государства в будние дни и «торжествовать» в праздничные.

Иллюминация представляла собой «темпель» (храм), украшенный «по театральному манеру»: в нем была помещена фигура Петра II, который «с престола сходит изволят». У ног императора находились аллегорические фигуры, представлявшие «российские государства и провинции». Иллюминация, таким образом, указывала на протяженность и состав империи [Материалы I, 360—362] (ил. 38).

Для Петра I представление о том, что империя объединяет разные царства и провинции, не было актуальным. Но уже в погребальной процессии Петра I после знамен и «кавалерий» императора несли семь щитов с гербами. «На трех из них, — сообщает Феофан Прокопович, — вырезаны были *троих царств* завоеванных: *Сибирского, Астраханского и Казанского* — гербы; на прочих же четырех гербы городов, государственною резиденцією прославленных: Новгорода, Владимира, Киева и Москвы; а до них несли большой и zelo украшенный щит, на котором был *государственный герб большой, а около его меньшие провинциальные*» [Краткая повесть, 240—241].

Организация погребения Петра была поручена, как мы помним, Я. Брюсу, который привлек к работам

38. Оттомар Элигер III. Иллюминация 3 марта 1728 г. перед домом графа Х. Минниха в Петербурге по случаю празднования коронации имп. Петра II. Общий вид и план. Эмблемы иллюминации

графа Ф. Санти, исполнявшего с 1722 года при вновь образованной Герольдмейстерской конторе должность «товарища герольдмейстера»²⁷. Первым большим проектом, над которым пришлось работать Санти в Герольдмейстерской конторе, было составление герба для государственной печати. В соответствии с образцом из «Титулярника» 1672 года на печати помещался двуглавый орел с гербом Москвы на груди; на крыльях у него были расположены гербы Киева, Владимира, Новгорода, Казани, Астрахани и Сибирского царства. С 1724 года Санти начал работу над гербами провинций и городов империи (предполагалось использовать их «для запечатывания судебных дел») [Соболева, 47—51]. Изображения гербов, выполненные Санти для прикладных целей (изготовление печатей) и не ставшие при Петре I важной составляющей придворной культуры, получили в похоронной процессии совсем иной статус: они, как мы видим, представляют здесь территориальную протяженность империи.

Уже при Екатерине I работы Санти были приостановлены, а сам он сослан в Сибирь по делу Антона Девьера. Но тема, которая была представлена при погребении Петра I гербами работы Санти, становится одной из центральных в придворной культуре последующих эпох. Так, мы уже видели фигуры «государств» и провинций в иллюминации перед домом Миниха в Петербурге. В 1728 году И. Ф. Зубов гравировал портрет Петра II. Этот портрет был украшен двуглавым орлом и гербами провинций (ил. 39).

Но еще ранее, в сентябре 1727 года, Академия получила указ о составлении «герольдники» (т. е. работы, начатые Санти, были переданы в Академию после его

39. И. Ф. Зубов. Портрет Петра II. 1728

отстранения от дел). «Понеже ЕИВ указал, — читаем в нем, — сочинить краткое описание герольдики, для которого сочинения потребно иметь всех российских провинций гербы, такожде, ежели возможно, и о знатнейших фамилиях: того ради, герольдмейстерская контора да благоволит оных провинций с гербов копию и описание их прислать в реченную Академию» [Материалы I, 287]. Указ этот был издан уже после болезни и отстранения Минникова от дел. Вполне возможно, что, как и в случае с календарями, здесь следует видеть программу, которую проводил Остерман: география империи должна быть упорядочена и представлена в придворной культуре наряду с историей династии.

Минних, как мы видим, в своей коронационной иллюминации 1728 года точно угадывает, какая именно тематика станет актуальной в официальной культуре нового царствования.

Первым крупным мероприятием, организация которого была возложена на Минниха прямым указанием императора, были похороны старшей дочери Петра I Анны Петровны, герцогини Голштинской. 13 июля Петр II писал в Петербург: «Нашему генералу фон-Минниху. Указали мы для взятия тела тетеньки нашей, блаженной памяти государыни цесаревны Анны Петровны, послать в Голштинию <...> А как фрегаты с телом <...> к Санкт-Петербургу возвратятся, так тебе с прочими, как духовными, так и воинскими и гражданскими чинами, встретить и погостить, по обычаю и по достоинству ее высочества, в соборной церкви Петра и Павла, при гробах фамилии их величеств блаженной памяти деда нашего, государя императора,

и бабки нашей, государыни императрицы» [Материалы I, 390]. Что означало «по обычаю и по достоинству», было оставлено на суд самого Минниха, и Минних выбрал в качестве образца погребение императрицы Екатерины I.

Описание погребения Екатерины I напечатано не было, и по получении императорского указа члены «печальной комиссии» начинают поиски документов, на основании которых можно бы было составить план церемониала для погребения Анны Петровны. «Понеже у церемониального учреждения, — читаем в запросе, посланном в Академию наук, — имеется необходимая нужда в таких книгах, в которых погребальные церемонии учрежденные изображены, того ради извольте <...> из библиотеки прислать такие книги немедленно». Но таких книг в Академии не оказалась, найдена была лишь «ведомость на французском языке о убранстве савны, в которой поставлено было тело» Екатерины I; эту «ведомость» и было поручено перевести секретарю Сверчкову [Материалы I, 259].

Под присмотром Минниха был составлен подробнейший план встречи тела Анны Петровны и ее погребения, при этом сам размах церемониала был явно избыточен для опустевшего после отъезда двора Петербурга. Сохранилась, например, детальная инструкция всем действиям представителей Академии (когда соберется в «зимний дом», что делать по первому, второму и третьему пушечному сигналам, какое место кому занять в процессии). «А во время шествия, — читаем в инструкции, — идти <...> и помешательства в процессии не чинить, понеже оное им в предосуждение будет» [Материалы I, 407—408]. Список мест в процес-

сии («у кистей покрыва», «у вервей балдахина», «у балдахина», «у гроба» и т. д.), а также ролей, которые участники церемониала должны были исполнять (нести знамена, «кавалерию» — знак ордена Св. Екатерины, российский и голштинский гербы и пр.), были напечатаны в качестве «Супплемент» к «Санктпетербургским ведомостям». Погребение прошло в полном порядке и со всей возможной пышностью и торжественностью. Описание встречи тела и погребения Анны Петровны были опубликованы («Реляция о торжественном встрече тела <...> цесаревны Анны Петровны <...> которое чинено в Санктпетербурге 23 дня октября 1728 года» и «Реляция о преславном погребении тела цесаревны Анны Петровны <...> 12 дня ноября 1728 года»). В 1729 году такие же описания были составлены о погребении сестры императора Натальи Алексеевны, хотя само погребение проходило со значительно меньшей помпой.

Разовые события придворного быта, как мы видим, Миних отмечает в Петербурге по наиболее торжественному сценарию, так, как будто Петербург по-прежнему остается императорской резиденцией (и примеры здесь можно было бы умножить).

Годовые царские торжества отмечаются в Петербурге при Минихе если не так пышно, то, без сомнения, значительно более регулярно, чем в Москве при дворе. При этом центром при организации таких торжеств становится Академия наук.

Уже в 1728 году при Академии наук состоялось торжественное собрание, посвященное коронаванию императора. Это становится традицией: 20 февраля 1729 года на публичном собрании «ради торжествен-

ного дня коронавания» профессор Лейтман говорил «о полнедре, которое персону ЕИВ Петра Второго безобразия изображенную весьма ясно показывает» (видимо, речь шла о свойствах многогранника, которые представляли качества молодого императора) [Материалы I, 359, 455].

При Академии отмечалось и тезоименитство императора. В 1728 году публичное собрание Академии в честь этого царского дня было назначено на 28 июня (т. е. в канун самого праздника). На этом собрании вниманию присутствовавших предложено было рассуждение профессора Дювернуа об «анатомии слона, который был разобран в сем городе при окончании прошедшего года» [Материалы I, 387]. Торжественное собрание имело место и в 1729 году.

В 1728—1729 годах в Петербурге были достроены и спущены на воду несколько кораблей, то есть и здесь петровские традиции, несмотря на полное отсутствие интереса к флоту Петра II²⁸, не были заброшены.

О спуске кораблей Адмиралтейская коллегия письменно оповещала другие институты. В начале июля 1729 года она сообщала: «В Санкт-Питербурхе, 6 числа сего июля, из строящихся в адмиралтействе, 54-пушечный корабль, по учиненному из трех пушек сигналу, с Божиею помощию спущен на воду благополучно, и наречено ему имя „Рига“». В октябре того же года на воду был спущен корабль «Выборг», о чем опять же были разосланы письменные известия [Материалы I, 504]. Оба корабля, как мы видим, были названы в честь петровских побед (как это делалось и при Петре, нам приходилось упоминать выше корабли «Ангут» и «Лесное»).

Некоторые указания о продолжении петровских начинаний приходили и из Москвы. Современники, однако, отмечали, что указания такого рода отдавались во многом формально. Как пишет английский посланник (а он прожил довольно долго в Петербурге, ожидая прибытия необходимых для официального представления императору документов), «министры желают только оградить себя на случай, если бы со временем стали бы доискиваться, почему указы покойного государя остались без исполнения во время несовершеннолетия настоящего царя» [Уард, 64].

В начале царствования Анны Иоанновны, пока двор остается в Москве, в Петербурге по-прежнему отмечаются все главные события придворной жизни. На этот период приходится, по крайней мере, два события, прямо связанных именно с культом Петра I. В конце мая 1730 года, видимо, в память о Петре в день его рождения имело место торжественное собрание Академии наук [Материалы I, 629—630]. В 1731 году проходила церемония погребения Петра, когда его тело, как и тело Екатерины I, в связи с тем что строительные работы в Петропавловском соборе были почти закончены, было перенесено к месту постоянного захоронения к южной стене собора. Френсис Дэшвуд, посетивший Петербург несколько позднее, писал, что тела императора и императрицы уже покоятся «в гробницах, покрытых золотой тканью с золотой бахромой» [Беспятых 1997, 76, 57].

Торжественный въезд Анны Иоанновны в новую столицу состоялся в конце января 1732 года. К приезду императрицы в Петербурге были выстроены двое триумфальных ворот, которые были украшены «живопис-

ными изображениями и скульптурами». Триумфальные ворота не были убраны после въезда и еще долго украшали город [Беспятых 1997, 169].

Миних позаботился не только о строительстве самих ворот, но и об издании их гравированного изображения: 2 декабря в Академию с этой целью был направлен чертеж ворот, «также и девизы, против которых будут на тех воротах картины и подписи» [Материалы II, 83]. Здесь же, в Академической типографии, 13 января 1732 года были отпечатаны «Песнь приветственная о вхождении ЕИВ в Санктпетербург» («на атласе — четыре, да на французской бумаге — пятьдесят, да на ординарной бумаге — двести») [Материалы II, 97].

Анне понравилось в Петербурге, и первоначальные планы возвращения в Москву были оставлены. Важную роль в этом играл и тот факт, что Анна нашла Петербург не заброшенным и постепенно приходящим в упадок городом, а столицей, которая жила регулярной жизнью и с радостью встречала свою императрицу. И заслуга здесь во многом принадлежала инициативе и энергии Миниха.

На тезоименитство императрицы 1732 года в Петербурге были устроены фейерверк и иллюминация, и, теперь уже по личному указанию императрицы, они были гравированы. Миних писал в Академию: «ЕИВ изволила указать бывший сего февраля 3 числа, в день тезоименитства ЕИВ, фейерверк и иллюминацию, которая была на Санкт-Петербургской крепости и около Академии наук, нагрыдоровав чистою работою, напечатать» [Материалы II, 102]. Это издание открывает длинную серию гравюр, которые отмечают те-

перь фейерверки, ставшие после переезда двора в Петербург регулярными.

Но Миних продолжает играть в организации торжеств, посвященных царским дням, ключевую роль. Так, 29 января 1732 года, в день рождения императрицы, перед участниками праздничного обеда на льду Невы было разыграно взятие «регрешментов», которым Миних руководил лично [Рондо, 410]. Этот тип забав («потешные» сражения) восходит к началу петровского царствования, но при Анне, как и во многих других случаях, они получают значение именно театрализованного представления, за которым императрица наблюдает со стороны.

После 1733 года Миних теряет свое значение как организатор официального быта в новой столице. Началась война с Турцией, и Анна ставит Миниха во главе русской армии: вместо потешных «регрешментов» Миниху предстояло брать Данциг, Перекоп и Хотин.

Много позднее, уже после ареста Бирона, когда Миних становится самым могущественным лицом в государстве, деятельность его по организации придворного быта, как и в годы губернаторства в Петербурге, во многом посвящена памяти Петра I. Это отчетливо обозначилось уже в календаре на 1741 год. После длительного перерыва здесь, в полном соответствии с «петровским» календарем на 1725 год, был напечатан официальный список торжеств и совершенно точно указан статус праздничных дней: они были выходными, причем специально указывалось, на сколько дней дается освобождение от «публичных работ». Приведем этот список полностью.

Роспись

Оных господских праздников и статских торжественных дней, в которые от публичных работ дается свобода

Генваря	
1 — Новый год	1
6 — Богоявление Господне	1
17 — Тезоименитство его высочества Антона Ульриха Герцога Брауншвейг-Люнебургского	1
Февраля	
2 — Сретение Господне	1
Четверток, пятток и суббота сырной недели	3
Марта	
25 — Благовещение пресвятой Богородицы	1
Пятница и суббота страстной недели	2
Воскресение, понедельник и вторник светлой недели	3
Мая	
9 — День чудотворца Николая	1
23 — Вознесение Господне	1
Для сошествия святого Духа, воскресенье и понедельник	2
Июня	
27 — Воспоминание победы под Полтавою	1
29 — Праздник Святых Апостол Петра и Павла	1
Августа	
6 — Преображение Господне	1
12 — Рождение ЕВ императора Иоанна Третьего	1
15 — Успение пресвятой Богородицы	1
17 — Рождение его высочества Антона Ульриха Герцога Брауншвейг-Люнебургского	1
29 — Тезоименитство ЕВ императора Иоанна Третьего	1
30 — Кавалерский праздник святого Александра Невского, и воспоминание замирения со Шведскою короною	1
Сентября	
5 — Тезоименитство ее высочества государыни цесаревны Елисаветы Петровны	1

- 8 — Рождество пресвятой Богородицы
 14 — Воздвижение честного креста Господня
 Октября
 1 — Покров пресвятой Богородицы
 18 — Вступление на Всероссийский престол ЕВ Императора Иоанна Третьего
 Ноября
 21 — Введение во храм пресвятой Богородицы
 30 — Кавалерский праздник св. апостола Андрея
 Декабря
 6 — День чудотворца Николая
 7 — Рождение ее императорского высочества государыни великой княгини и правительницы Всероссийской Анны
 9 — Тезоименитство ее императорского высочества государыни великой княгини и правительницы Всероссийской Анны
 18 — Рождение ее высочества государыни цесаревны Елисаветы Петровны
 25 — Для праздника Рождества Христова, 24, 25, 26 и 27 число

Наряду с царскими днями (рождение, тезоименитство и вступление на престол императора, рождение и тезоименитство его родителей и цесаревны Елизаветы) мы видим в этом календаре «петровские» праздники — годовщину Полтавы, день тезоименитства Петра и годовщину заключения Ништадтского мира.

Как и в 1732—1733 годах, когда состоялось празднование юбилея Петра I, эти «пропетровские настроения» сразу же получили отклик.

Так, в годовщину Полтавы 27 июня 1741 года Василий Неронов, служитель придворной конюшенной конторы, сообщал в канцелярию Академии наук, что при конюшенном дворе хранится «императора Петра Вели-

кого лошади его Лизетки чучела, со всем к ней прибором, как была под Полтавою». Из Кабинета императрицы было указано «лошади Лизетки чучелу, со всем к ней прибором, отдать в канцелярию Академии наук к куншт-каморе». И хотя «чучела» оказалась «местами ветхая», она была подновлена и помещена в «куншт-камору», где хранится и поныне [Материалы III, 713].

Несколько ранее, в марте 1741 года, донесение о личных вещах Петра составил Андрей Нартов (как мы помним, с подобной инициативой Нартов выступал и ранее). Нартов поднял вопрос о судьбе токарных «машин», на которых работал Петр I. Показательно, что тон донесения заметно меняется по сравнению с более ранними. «Петр Великий, — читаем здесь, — изустно мне сказывал о возыменении той своей охоты к механическому токарному художеству, будучи <...> в 1698-м году в Амстердаме. И в их адмиралтействе и увидел в токарной палате овалистую простую машину без розов, с которой соизволил приказать сделать модель <...> которая и доныне хранится в ведомстве моем, в лаборатории механических дел» [Материалы III, 585—586]. Показательно, что формальное донесение получает характер мемуара («изустно мне сказывал»), а историческую ценность приобретает теперь даже известие о начале интереса Петра к токарному делу. Возможно, Нартов видел в адресате своего донесения заинтересованного слушателя.

Нартов же возобновил и хлопоты об окончании и установке «триумфального столпа» в память Петра I. Над моделью этого столпа Нартов работал уже продолжительное время и теперь предлагал его, наконец, отлить. Он даст в своем донесении перечень готовых

сюжетов: «К литью триумфального столпа <...>: Российский Сампсон шведскаго при Полтавин льва растерза. <...> Меч отца российского пожре у Пруга поганные турки <...> Крепкому под Лесным шведу крепчайший сломил Петр выло <...> Безопасная Рига не убежала от рук Петровых <...> Крепкая Ревельская стена потрясая при Петре <...> Древний Дербент вечному <в> славе Петру склонися <...> Бомба российска нашла место в Кексгольме <...> Страшен Петр при Пелкине явился <...> Сильна ладья российска на Чудском озере <...> В Еренсбурхе орел возгнездился российский <...> У Петра под Добрым не без доброй победы» [Материалы III, 589—590]. Надписи под картинами побед Нартова, как мы видим, стремятся стилизовать под знаменитые петровские характеристики («небывалое бывае», «зело крепок был сей орех» и др.).

Вновь Нартов ставит и вопрос о восковой статуе Петра («Портрет восковой <...> Петра Великого, в креслах сидящий, в парике из собственных его величества волосов, в голубом из шелковой материи платье, везде по борту серебром вышитом, в ленте ордена апостола Андрея Первозванного»); можно полагать, что предложения Нарова при Анне хоть и были одобрены, но не изменили ситуации в целом. Нартов ходатайствует о сохранении и других предметов, принадлежавших императору («прут железный, длиною в 4 фута и в 9 унций весом в 20 фунтов, который с. в. император Петр Первый 1724 году октября 12 дня на Олонецких заводах собственными своими руками выковал», «перочинный ножик собственной работы ЕИВ», «футляр серебряный с зубочисткою», очки и пр.) [Материалы III, 609—610].

И Нартов, и Неронов ждут решения о сохранении памятных вещей императора именно теперь, когда все сферы управления практически подчинены Миниху.

В Публичной библиотеке хранится экземпляр «миниховского» календаря на 1741 год (ГПБ 18. 330. 225), владелец которого на свой вкус исправил список официально установленных праздничных дней. Из своего календаря он вырезал 17 января (тезоименитство Антона Ульриха, отца императора Иоанна); 10—19 августа (12 — рождение Иоанна, 17 — рождение Антона Ульриха), 29 августа (тезоименитство Иоанна); 18 октября (восшествие на престол Иоанна); 7—9 декабря (рождение и тезоименитство Анны Леопольдовны, матери императора). Можно с уверенностью говорить, что эти изменения были внесены в календарь сразу после прихода к власти Елизаветы Петровны. После таких поправок в списке, кроме церковных праздников, остались рождение и тезоименитство новой императрицы, а также дни, напоминавшие об отце императрицы — Петре I. В таком виде календарь вполне отвечал требованиям нового царствования.

Империя славян

О существовании официальных историографических проектов при Анне Иоанновне ничего не известно. Как и в вопросе сохранения традиций Петровской эпохи, здесь центральную роль играла именно инициатива частных лиц и корпораций.

Главным отличием исторических интересов в 1730-е годы по сравнению с Петровской эпохой было то, что они, с одной стороны, относились, как правило, к ранним периодам российской истории, во-вторых,

были тесно переплетены с интересами этнографического характера.

В 1722 году по личному указанию и под наблюдением Петра I была переведена и напечатана «Книга историография початия имени, славы и расширения народа славянского <...> дела всех народов, бывших языка славянского и единого отечества, хотя ныне во многих царствиях розсеялися чрез многие войны, которые имели в Европе, во Азии, и во Африке. Расширения их Империи и древних обычаев». Книга эта являлась сочинением Мавро Орбини (или, как его называл, например, Феофан Прокопович в послесловии — «Мавроурбина»), ее первое издание относится к 1601 году. Рукописный перевод этой книги был исполнен для Петра уже в 1714 году [Пекарский 1862, II, 576—577].

Главная задача, которую ставит перед собой автор этого сочинения, — описать древнейшую историю славян. Как видно уже из заглавия, Мавроурбин полагает, что в древности существовала мощная славянская «Империя» («Imperio»), во владении которой находились значительные части не только Европы и Азии, но и Африки.

Славяне представлены здесь воинами, и в этом отношении «ни один другой народ во вселенной был в пример славянскому». Однако слава их затерялась со временем, поскольку среди славян не было «людей ученых и книжных»: «Прочие народы, которые зело были ниже его, ныне вельми себя прославляют <...> не ради чего иного, токмо чрез бывших в их народе людей ученых» [Книга историография, I].

Но причиной того, что «не многие историографы воспомянули о славянах», было, по Мавроурбину, не

только отсутствие письменной истории, но и озлобление побежденных. Славянский народ «разорил Персиду: владел Азиею, и Африкою, бился с Египтяны, и с Великим Александром; покори себе Грецию, Македонию, Илирическую землю <...> береги моря Балтийского, прошел во Италию <...> На конце покори под себя державство Римское, завладел многие их провинции, разорил Рим, учиня данниками цесарей Римских, чего во всем свете другой народ не чинивал. Владел Франциею, Англиею, и устави державство в Ишпаниии» [Книга историография, 4]. Историки побежденных народов стремились замолчать славу победителей.

Родиной славян Мавроурбин считает Скандинавию, которая в древности была заселена ими и «имела их язык» [Книга историография, 13]. В дальнейшем славяне начинают захватывать все новые и новые земли, «рассеиваясь» по ним. Потому, указывает автор, «Россия языком русским или славянским знаменует рассеяние». Но особенно важным для Петра I могло показаться утверждение Мавроурбина о том, что славянским по происхождению было население Фландрии. «Россияне славяне именно, — читаем мы здесь, — послали своих переселенцев во Фландрию, где за то, люди от них основанные, названы суть рутенами» [Книга историография, 68] (вспомним, что Петр любил наряжаться именно в костюм жителя Фландрии). Не менее актуальными должны были быть для царя детали того, как апостол Андрей крестил славян, а также рассказ об искусстве славян — мореплавателей и открывателей новых земель [Книга историография, 71, 76].

В Петровскую эпоху традиционное летописание продолжало существовать. Наиболее интенсивно рабо-

ты по составлению летописных компиляций велись при Патриаршем дворе (эти работы не прекращались и после смерти патриарха Адриана, в некоторых случаях записи доведены до конца петровского царствования). Именно в летописных сборниках петровского времени не только чувствуется влияние идей Мавроурбина (многое из того, что писал Мавроурбин, было известно составителям русских официальных сводов XVII в.), но встречаются и прямые отсылки к сочинению этого автора [Насонов, 277 и след.]. Тем не менее при Петре I оригинальных разысканий в этом направлении, которые бы делались по инициативе правительства, принято не было.

При Анне Иоанновне документально зафиксировано несколько инициатив составления исторических сочинений именно очерченной выше тематики.

С января 1731 года Ф. Г. Миллер, занимавшийся до этого преимущественно редактированием академических изданий, был назначен профессором истории. Вместе с Байером они обратились к Академическому совету с предложением об издании источников по древней истории России [Black, 21, 29—30]. Эти предложения были в 1732 году напечатаны²⁹. В 1733 году Миллеру пришлось прервать свои исторические занятия: он получил указание участвовать в академической экспедиции, отправлявшейся в Сибирь. Продолжать исторические работы Миллера было поручено А. Б. Крамеру [Материалы II, 313—314]. К этому времени Миллер уже успел опубликовать несколько отрывков из русских летописей на немецком языке.

С отъездом Миллера Академия, однако, не отказалась от планов публикации исторических источников.

23 апреля 1734 года здесь был составлен документ, в котором речь снова зашла о проекте древней истории России. «Академия наук имеет намерение, — читаем в нем, — чтоб по прикладу других народов, которые об исправлении истории отечества свое тщание имеют, обретающихся *российских древних летописцев, не перемня в оных намерения, ни материй*, кроме некоторых мест, которые со историею светскою никакого союза не имеют, но токмо до духовной касаются, и о которых Святейший правительствующий Синод впредь рассмотреть может». Публикация «древних летописцев», по мнению составителей этого документа, должна будет привести к тому, что «российская история будет приведена со временем в лучшую ясность» (документ был подписан академиком Гольдбахом и библиотекарем Шумахером) [Материалы II, 458]. Этот проект не был одобрен, из Синода ответили: «Рассуждаемо было, что в Академии затевают истории печатать, в чем бумагу и прочий кошт терять будут напрасно, понеже во оных писаны лжи явственные» [Пештич, 194]. Эта инициатива, таким образом, не получила при Анне продолжения³⁰. Вместо издания летописей и новых сочинений по древнейшей истории России в 1735 году вновь был перепечатан «Синописис».

Другой инициативой, на которой следует хотя бы кратко остановиться, было «предложение», поданное в Академию 13 октября 1735 года П. Крекшиним. Уже с первых слов видно, что Крекшин недоволен сочинением Мавроурбина. «Во многих печатных исторических книгах прошлых лет, — начинает он, — о народе славянском и о наречении „славяне“ и „россияне“ напечатано, якобы славяне имя славянское

получили от славных дел своих, а россияне паричались от рассеяния, или русских влас. И то все не истина. О начале рода славянского напечатано, якобы неизвестно. И то неправда». Свою ссылку на «печатные исторические книги» Крекшин иллюстрирует прямой цитатой из Мавроурбина [Материалы II, 807; Книга историография, 4]. Поскольку имеющиеся книги неудовлетворительны, Крекшин просит Академию «к высокому рассмотрению принять» начало истории славян. Если этот вопрос будет решен, то «истории будут отверсты и гласны; а без взыскания сего начала не будут истинны».

Вслед за тем Крекшин в качестве «истинного» решения предлагает «краткий экстракт» из «истории настоящей». Он начинает рассказ с основания в 3099 году от Сотворения мира «Великого Славенска»: город был построен князем Славяном и его братом Русом и являлся столицей древнего государства славян (этот город Крекшин располагает «от Ильменя озера вниз по реке Волхову полтора поприща»). «И от того времени, — продолжает он, — новопришельцы скифские начаша именоватися „славяны“. А брат Славянов, Рус, поселился от Великого Славянска пятьдесят стадий, у студенца соленого, и созда град между двух рек, и нарек во имя свое Руса». Сведения, которые приводит Крекшин, включая рассказ о грамоте Александра Великого, основании Новгорода и княжении Гостомысла, как и о приглашении «самодержцев от рода кесаря Августа», были хорошо известны и широко распространены [см. Мыльников]. По всей видимости, со многими из них Байер был знаком именно как с известиями легендарного характера.

Однако Крекшин заявил, что ему известно, где именно можно найти древние источники, подтверждающие эти сведения. «Жители новгородские, — писал он, — истари друг другу об оном сказывают и истории имеют у себя, а именно: у секретаря Дмитрия Екимова я сам видел, а секретарь Сназин мне сказывал же, что имеет у себя, да многие же древние письма складены в Новгороде, в стены над Кукуйскими воротами. И та казарма не покрыта, и от течи воды и от ветхости можно-ль оные письма разобрать и древность видеть — не ведаю; о чем я преждебывшему губернатору новгородскому князь Василью Гагарину доношение подавал, чтоб описать и разобрать, токмо не исполнено» [Материалы II, 807—808].

К сведениям Крекшина в Академии отнеслись со всей серьезностью. Уже в самом начале 1736 года было составлено донесение на имя императрицы, на что последовал указ о доставке рукописей из Новгорода. Разбирать их поручено было Герольдмейстерской конторе «при определенной от Академии наук персоне». От Академии разбирать рукописи был послан Байер, под наблюдением которого в ноябре 1736 года был составлен «Экстракт из новгородских писем». Среди писем оказались сведения о новгородском пороховом и пушечном заводах, «перевод со немецких ведомостей», выполненный, по-видимому, для Алексея Михайловича, дипломатическая переписка XVII века [Материалы III, 3, 255]. Сведения Крекшина, таким образом, не подтвердились³¹.

Усилия Петра Великого по созданию имперского календаря, который должен был стать формой сохранения исторической и династической памяти, также, как

и труды по созданию истории империи, уже при Екатерине I практически сходят на нет: календарь теряет своей исторический характер, а исторические проекты продолжают существовать только как форма частной или корпоративной инициативы. Возрождение официальной историографии и придворного календаря, какими они были задуманы при Петре Великом, начнется только при Екатерине II.

Примечания

¹ Рядом Петр записал: «О гробах дубовых»; запрет на изготовление гробов из дуба царь намеревался ввести с целью сохранения ценного для кораблестроения материала. Речь в «Записной книжке» определенно идет о введении целой системы правил погребения.

² Линден Хаджес относит эти похороны к разряду традиционных [Hughes 1998, 520].

³ В этом случае традиция соблюдена. Так, Б. И. Куракин пишет о смерти Федора Алексеевича в 1682 г.: «По обычаю, когда смерть случается коронованной главе или крови их, ударено было в соборный большой колокол трижды для знаку народного» [Куракин, 57].

⁴ Уже из выпуска «Ведомостей» от 9 февраля было изъято в связи с трауром сообщение «О порядке празднования дня рождения кронпринца Фредерика Прусского». В корректурном экземпляре была сделана помета: «Сие все оставлено по приказу директора» [Быкова, Гуревич, Козинцева, 197].

⁵ В отношении длительности траура традиции европейских дворов значительно варьируются. При дворе Габсбургов, который, как мы видели, во многом служил при Петре образцом для русского, нормы были значительно строже. Так, после смерти супруга Мария Терезия (при том, что правительницей и наследницей Габсбургов была именно она, а не ее супруг) уже никогда не снимала траурного платья и коротко стригла волосы в знак печали; ее покои и кареты всегда были убраны траурным креном; она сама шла саван для своего супруга. Супруг Марии Терезии умер 18 августа, и этот месяц императрица ежегодно проводила в тишине и молитвах [Wheatcroft, 227]. Украшение «печальной залы» также соответствовало традициям Венского двора: тело умершего императора перед погребением выставляли в зале, стены которой, как и стены других комнат во дворце, драпировали черной тканью, тело же императора покрывали золотой парчой [Wheatcroft, 180—181].

⁶ Терминология, описывающая этапы императорского погребения, отразилась, например, в документах, относящихся к похоронам Анны Иоанновны. Я. Штелин, составлявший описание погребения императрицы, делил церемониал следующим образом: «От дня кончины ЕИВ до того времени, когда тело <...> на парадную постель положено было <...> От того времени, когда тело на парадную постель положено было, до тех пор, как оно в печальной зале в гробе поставлено <...> От того времени, как тело положено было в гроб до дня выноса <...> Вынос» [Материалы IV, 566—568].

⁷ Петр и Екатерина были «погребены у южной стены Петропавловского собора в 1731 г., когда он был почти достроен, а прежде гробы с их телами стояли посреди собора в часовне» [Беспятых 1997, 76].

⁸ Показательно, что иностранные посланники не были приглашены принять участие в церемонии погребения («иностранных министров на нее не пригласили» [ДФП 1887, 63]). Иностранные купцы, напротив, получили свое место в похоронной процессии, тщательно расписанной заранее трудами графа Брюса, а корабельный мастер Ной шествовал рядом с гробом [Описание порядка, 13—30]. Т. е. среди участников процессии были только те, кого объединяло общее горе. В то же время порядок шествия в целом был предметом борьбы и интриг при дворе. По словам Лефорта, сторонники герцога Голштинского полагали, что тот «должен иметь высшее место, чем внук, но Брюс и Бон требуют повеления Сената» [Лефорт, 406]. Решено было, что сначала будет идти великая княжна Наталья Алексеевна, за ней герцог Голштинский и только потом великий князь Петр Алексеевич. Аналогичная борьба шла и среди представителей духовенства. Так, ко дню погребения императора был издан указ «О первенстве членов Синода в публичных процессиях и церемониях пред епархиальными архиереями и архимандритами». Он начинался ссылкой на волю Петра: «Понеже всепресветлейший, блаженный и вечнодостойный памяти, державнейший государь Петр Великий, Император и

Самодержец Всероссийский, при жизни своей рассуждал...» [ПСЗРИ VII, № 4675].

⁹ Слова «Понеже <...> Петр Великий <...> при жизни своей рассуждал» становятся при Екатерине I обязательной частью всех важнейших указов. Так, например, указ Екатерины I «Об учреждении Верховного тайного совета» (он был издан 8 февраля 1726 г.) начинался словами «Понеже <...> государь император, наш любезнейший государь супруг, в прошлом 1711 году...» [ПСЗРИ VII, № 4830]. «Екатерина, — пишет Е. Анисимов, — не отменила ни одного из незавершенных Петром начинаний». Кроме уже упомянутого открытия Академии наук и учреждения ордена Св. Александра Невского, о чем речь пойдет ниже, Е. Анисимов указывает на снаряжение экспедиции Беринга [Анисимов 1994, 63]. «Российские ведомости» от 23 октября 1725 г. специально сообщали о том, что Екатерина не оставляет дел, начатых Петром Великим: она посылает «младых господичей Российских» за границу для обучения, заботится об умножении школ в России и в скором времени завершит строительные работы в Петергофе.

¹⁰ От имени императрицы между 11 и 18 июня в Академию наук было передано распоряжение: «Отпустить <...> глаза, для дела статуй ЕИВ». В соответствии с распоряжением было «отдано графу Разстреле глазам семь пар» [Материалы I, 120].

¹¹ Сообщение о панихиде помещено было в «Российских ведомостях» от 7 февраля 1726 г.

¹² О «великой панихиде» 10 марта сообщают «Российские ведомости» от 18 марта 1726 г.

¹³ О том, что свадьба будет отложена, сообщали «Ведомости» от 17 марта 1725 г.

¹⁴ О праздновании тезоименитства императрицы сообщали «Российские ведомости» от 30 ноября 1725 г. Это было первое официальное сообщение о публичном торжестве после смерти императора.

¹⁵ Еще в июне 1725 г. был составлен и напечатан «Канон молитвенный о многолетнем здравии <...> государыни нашей

Екатерины Алексеевны <...> и ЕВ фамилии, неважные во дни рождения, тезоименитства, коронации и прочие».

¹⁶ Одной из причин того, что поездка не состоялась, называли упрямство великого князя Петра Алексеевича, который наотрез отказался ехать [ДФП 1888, 363], а оставить его одного в Петербурге императрица не решалась.

¹⁷ Об угрозе засухи Маньян, «агент» французского правительства в Петербурге, доносил в изысканных выражениях: «Вот уже два месяца, как длится сильная засуха, заставляющая опасаться исурожая. <...> Однако она, по-видимому, не успела еще распространиться до императорского сада, где noch по-прежнему прекрасны. Молодой Синега пользуется в нем особыми привилегиями, ибо ему, кажется, позволено рвать там цветы» [ДФП 1888, 368—369].

¹⁸ Кавалергарды были учреждены к коронации Екатерины I.

¹⁹ Вопрос об отношении этих двух орденов активно обсуждался осенью 1726 г., накануне праздника андреевских кавалеров. «Раньше царица, — пишет Маньян, — обещала Рабутину пожаловать ему голубую ленту. Но потом его предупредили, что в этом отношении намереваются следовать первоначальному постановлению, то есть жаловать впредь андреевскую ленту лишь тем, кто имеет уже александровскую. <...> Это обстоятельство тем более оскорбило императорского министра, что он узнал о намерении поступить и с великим князем также» [ДФП 1888, 470]. Именно осенью 1726 г. Екатерина при пожаловании начинает учитывать (или, по крайней мере, говорит о таком намерении, так как и Рабутин, и великий князь получили сразу голубые ленты) «первоначальное постановление» об иерархии орденов.

²⁰ После освобождения из крепости и переезда в Новодевичий монастырь в Москве царица Евдокия Лопухина с нетерпением ждала встречи с внуками. «Но Петр, — пишет Е. Анисимов, — почему-то не проявил ответных чувств и, даже переехав в Москву, не спешил повидаться с бабушкой. Когда же эта встреча состоялась, император пришел на нее с цесаревной Елизаветой, что Евдокия понравиться не могло. И хотя в на-

чале 1728 года Евдокия получила статус вдовой царицы <...> значение ее оказалось ничтожным — царь уклонился от влияния бабушки» [Анисимов 1994, 164]. К отцу Петр II, как можно судить по сохранившимся известиям, относился со спокойным интересом, но без аффектаций. 4 августа император издал указ «об отобрании» печатных материалов по делу царевича Алексея Петровича [ПСЗРИ VII, № 5131]. В марте 1729 г. были разобраны и переданы Академии наук книги царевича Алексея Петровича [Материалы I, 462]. Возможно, эта акция была предпринята к тезоименитству Алексея Петровича (26 марта, день памяти св. Алексея человека Божия). В том же 1729 г. была гравирована «персона блаженной памяти государя царевича Алексея Петровича» [Материалы I, 550]. Эти и еще несколько акций подобного масштаба были предприняты Петром II для того, чтобы реабилитировать и увековечить память отца.

²¹ Традиционно эта рубрика не имела специального заглавия. В петербургском календаре на 1728 г. она была названа «О знаменитом числе», в календаре на 1729 г. — «Хронология историй достопамятных», наконец, в 1730 г. появляется заглавие, которое надолго закрепится за рубрикой: «Хронология вещей достопамятных».

²² В некоторых случаях Анна точно так же становится лишь зрительницей ритуала, в котором монархи, как правило, принимали личное участие. Так, в 1733 г. Клавдий Рондо записал: «Сегодня, по случаю праздника Богоявления, гвардия и некоторые другие полки (всего около 5000 человек) собраны были на Неве; на льду же выстроено было прелестное помещение, из которого государыня и двор предполагали смотреть на обычное совершение духовенством обряда водосвятия; но так как погода была очень дурна, ЕВ смотрела на торжество из дворцового окна» [Рондо, 543].

²³ На сезонную смену резиденций накладывалось строгое расписание придворного быта. Уже в Москве в 1730 г. дважды в неделю имели место ассамблеи. «Обер-гофмаршал Левенвольд, — сообщает де Лирия, — по приказанию царицы, дал

знать иностранным министрам, что в комнатах ЕВ будут ассамблеи по воскресеньям и четвергам по полудню» [Лирия, 73]. В Петербурге «придворные дни» во дворце также устраиваются дважды в неделю, по-прежнему в воскресенье и четверг, «собираются между тремя и четырьмя часами пополудни и разъезжаются около девяти». «В прочие дни недели, — записывает современник, — российская придворная знать является ко двору в предполуденное время, после выхода императрицы с утренней молитвы и до того, как она примет за дела». Кроме того, дважды в неделю при дворе представляли итальянскую оперу [Беспятых 1997, 91, 155—156].

²⁴ В «куншт-каморе» было оборудовано специальное помещение для статуи Петра, саму «восковую персону» пришлось обновить и «парукмахеру Николасу Роту» были заказаны новый парик, брови и усы для нее [Материалы II, 329, III, 663].

²⁵ «Ведомость о военных знатных делах» включала: «1734 июля 7. Взятие на акорд города Данцига генералом фельдмаршалом господином графом фон Миннихом. 1735 августа 29. Соединение при реке Рене российского с цесарским войском против Франции. 1736 марта 20. Взятие при берегах реки Дона, неподалеку от Азова, двух турецких каланчей, или кастелей, генералом майором фон Сперейтором и атаманом донских казаков Фроловым, во время шествия генерала фельдмаршала господина графа фон Минниха к Азову, для блокады оного <...> Взятие при реке Доне-ж, ниже каланчей, турецкого крепкого кастеля, зовомого Люттик, командор оного-ж генерала фон Сперейтора. Того-ж года, в марте. Взятие штурмом кубанских татар пяти тысяч кибиток сыном главного управителя Дундук Омбы Галдан Нарму. Того-ж года, мая 20. Разбитие у Перекопи стоящего хана крымского с ста тысячною его силами и завладение Перекопской линией генералом фельдмаршалом господином графом фон Миннихом. Того-ж года, мая. Взятие по перекопской линии шести крепких кастелей и крепости, им же господином генералом фельдмаршалом. 1736 мая 31. Покорение кубанских татар десяти тысяч кибиток и султана их с двумя стами мурз под Российский скипетр, о чем они присла-

ли знатных мурз с прошением к калмыцкому главному управителю Дундук Омбе, не допуская от него разорения себе. Того-ж года июня 5. Взятие лежащей у Черного моря и главнейшей в Крыму крепости Козлова и гавани господином генералом фельдмаршалом графом фон Миннихом. <...> Взятие по сию сторону Днепра, насупротив Очакова, крепости Кинбурна генералом Лейтенантом Леонтьевым. <...> Взятие Бахчисараев господином генералом фельдмаршалом графом фон Миннихом. <...> Взятие на акорд города Азова генералом фельдмаршалом господином фон Лестием. <...> Победа над турками и татарами при реке Кодиме, генералом фельдмаршалом господином графом фон Миннихом. Того-ж году июля 8. Акция между российскою, под командою господина генерала фельдмаршала графа фон Минниха, армиею и войском турецким и татарским, при устье речки Савранн. <...> Разорение в Крыму города Базар-Карая генералом фельдмаршалом господином фон Лестием. 1737 июля 2. Взятие штурмом города Очакова генералом фельдмаршалом господином графом фон Миннихом. 1737 октября 30. Отбитие неприятеля от Очакова генералом майором Штофелем да комендантом и бретадиром Алексеем Браткевом. 1738 февраля 15, 24. Отбитие хана крымского с татарами от российских границ генералом лейтенантом графом Дугласом и генерал-майором Философовым. Того-ж году июля 23. Акция при реке Белокине называемой, с белгородским салтаном сераскером Селим Гиреем и великим паншею турецким, которая происходила с генералом фельдмаршалом господином графом фон Миннихом. 1739 августа 18. Разбитие им же, господином генералом фельдмаршалом, бендерского <...> пашы с белгородским сераскером султаном Ислам Гиреем и с турецким Генж Али паншею, с хотимским Палчан паншею, в крепком при деревне Стаучанах, с полторы мили от Хотима, лагере. Того-ж году августа 18. Взятие на акорд города Хотима им же, господином генералом фельдмаршалом. Того-ж году сентября 1. Завладение Молдавского княжества им же, господином генералом фельдмаршалом» [Материалы IV, 282—283].

²⁶ «Реляция о торжественном публичном въезде ЕИВ Петра Второго <...> в Москву»; «Реляция о торжественном шествии ЕВ Петра Второго <...> каким образом ЕВ 25 дня февраля сего 1728 года <...> с обыкновенными церемониями государственною короною коронован».

²⁷ Лефорт, например, сообщает, что «граф Брюс, генерал-лейтенант и граф Санти обязаны будут позаботиться» о погребении императора [Лефорт, 402—403].

²⁸ 7 августа 1728 г. Клавдий Рондо, например, доносил: «Его Величество моря не любит, потому мало вероятно, чтобы он вернулся в Петербург. Если так, великие замыслы его деда вскоре обратятся в ничто» [Рондо, 4].

²⁹ Миллер Г. Ф. Объявление предложения до исправления российской истории касающегося, которое может учиниться частным изданием собрания всяких известий до истории российского государства принадлежащих. СПб., 1732.

³⁰ Следует заметить, что работы Байера, которые впоследствии послужили основанием для исторических трудов Миллера и вокруг которых разгорелась полемика о варягах, были написаны и опубликованы при Анне, но не имели особого резонанса.

³¹ Уже с начала 1730-х гг. древней русской историей занимается В. Н. Татищев: он был определен к «землемерию всего государства» еще Петром I, но довольно быстро столкнулся с необходимостью заняться предварительно историей [Андреев, 6]. Эти труды, несмотря на довольно оживленную переписку с Академией по вопросам истории, имели характер частных занятий. И, хотя лично Анна Иоанновна знала об упражнениях Татищева, никакого реального влияния на придворную культуру в этот период они не оказали, и подробно мы на них не останавливаемся.

Цитированная литература

Многие издания первой половины XVIII века не имеют пагинации — для удобства читателя ссылки на те из них, которые были переизданы, даются по одному из переизданий с указанием страницы. Если переиздание отсутствует, то ссылка дается без указания страницы. В ряде случаев орфография и пунктуация оригинальных документов в цитатах упрощена.

Августин

Блаженный Августин. Исповедь. Пер. С. Сергеев. М., 1992.

Августин Никитин

Архимандрит Августин (Никитин). Православный Петербург в записках иностранцев. СПб., 1995.

Агеева 1991

Агеева О. Г. Северная война и искусство гравюры в России петровского времени // *Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X — начала XX в.* М., 1991. Ч. 2. С. 151—178.

Агеева 1991-а

Агеева О. Г. Общественная и культурная жизнь Петербурга первой четверти XVIII века / Автореф. дисс. М., 1991.

Агеева 1999

Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра. Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999.

Алексеева

Алексеева М. Гравюра петровского времени. Л., 1990.

Андреев

Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России // *Татищев В. Н. История Российская: В 7 т.* М.; Л., 1962. Т. 1. С. 5—38.

- Анисимов 1989 *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л., 1989.
- Анисимов 1994 *Анисимов Е. В.* Россия без Петра. СПб., 1994.
- Байер Краткое описание всех случаев касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1738.
- Бассевич Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого / Русский архив. 1865. Вып. 2. С. 141—204.
- Берков *Берков П. И.* Русская книга гражданской печати первой четверти XVIII в. // Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955. С. 11—39.
- Берхгольц I—IV *Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца.* М., 1902—1903. Ч. 1—4.
- Беснятых 1991 *Петербург Петра I в иностранных описаниях / Сост. Ю. Н. Беснятых.* Л., 1991.
- Беснятых 1997 *Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях / Сост. Ю. Н. Беснятых.* СПб., 1997.
- Боброва *Боброва Е. И.* Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Л., 1978.
- Богословский I—V *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. [М.], 1940—1948. Т. I—V.
- Борзин *Борзин Б. Ф.* Роспись петровского времени. Л., 1986.
- Браиловский IX—XI *Браиловский С. И.* Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор московской типографии / Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Т. IX. С. 1—37; Т. X. С. 242—286; Т. XI. С. 50—91.

- Бруни *Бруни К. де.* Путешествие через Московию Корнелия де Бруни. М., 1873.
- Быкова *Быкова Т. А.* Книга Марсова // Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955. С. 515—523.
- Быкова, Гуревич 1955 *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955.
- Быкова, Гуревич, Козинцева *Быкова Т. А., Гуревич М. М., Козинцева Р. И.* Описание изданий, напечатанных при Петре I / Сводный каталог. Дополнения и приложения. Л., 1972.
- Васильев *Васильев В. И.* Старинные фейерверки в России. Л., 1960.
- Вебер *Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях / Русский архив.* 1872. Вып. 6. С. 1057—1168; Вып. 7. С. 1334—1457; Вып. 9. С. 1613—1704.
- Вилинбахов *Вилинбахов Г. В.* К истории учреждения ордена Андрея Первозванного и эволюция его знака // Культура и искусство петровского времени. Л., 1977.
- Воскресенский *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Изд. АН СССР. 1945.
- ВПВ I—II *Ведомости времени Петра Великого.* М., 1903—1906. Вып. 1—2. 1703—1707.
- Выголов, Ильин *Выголов В. П., Ильин М. А.* Московские триумфальные ворота рубежа XVII—XVIII вв. // Материалы по теории и истории искусства. М., 1956. С. 110—124.
- Гаврилов *Гаврилов А. В.* Очерк истории С. Петербургской Синодальной типографии. СПб., 1911. Вып. 1. 1711—1839.

- Генеральное место-
положение О генеральном местоположении всей цар-
ской фамилии в московском Архангель-
ском соборе // Древняя российская вивли-
офика. М., 1789. Ч. XI. С. 218—235.
- Герберштейн *Герберштейн С. Записки о Московии.* М.,
1988.
- Гизен I Журнал Государя Петра I. С 1695 по
1709. Сочиненный Бароном Гизеном //
Собрание разных записок и сочинений,
служащих к доставлению полного сведе-
ния о жизни и деяниях Государя Импера-
тора Петра Великого. Изданное трудами
и изданием Феодора Туманского. СПб.,
1787. Ч. 3.
- Гизен II Журнал Государя Петра I. С 1709 по
1710. Сочиненный Бароном Гизеном. По-
ловица вторая // Собрание разных запи-
сок и сочинений, служащих к доставле-
нию полного сведения о жизни и деяниях
Государя Императора Петра Великого.
Изданное трудами и изданием Феодо-
ра Туманского. СПб., 1788. Ч. 8.
- Голиков I—XV *Голиков И. И. Деяния Петра Великого.*
М., 1838—1843. Т. I—XV.
- Гребенюк *Гребенюк В. П. Обзор произведений пане-
гирического содержания первой четверти
XVIII в. // Панегирическая литература
петровского времени. Русская старопечат-
ная литература (XVI — первая четверть
XVIII в.) / Сост. В. П. Гребенюк. М.,
1979. С. 5—38.*
- Грибоедов *Грибоедов Ф. История о царях и великих
князях земли русской.* СПб., 1896.
- ГСВ Журнал или поденная записка Петра Ве-
ликого. СПб., 1770. Ч. I.

- Дворцовые разря-
ды ДФП 1881
- Дворцовые разряды. СПб., 1852—1855.
Т. IV.
Донесения французских посланников и
поверенных в делах при русском дворе
и отчеты о пребывании русских послов,
посланников и дипломатических агентов
во Франции, с 1681 по 1718 г. // Сб. РИО.
СПб., 1881. Т. 34.
- ДФП 1884 Донесения французского консула в Пе-
тербурге Лави и полномочного министра
при русском дворе Кампредона с 1719 по
1722 г. // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40.
- ДФП 1885 Донесения французского консула в Пе-
тербурге Лави и полномочного министра
при русском дворе Кампредона с 1722 по
1724 г. // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 49.
- ДФП 1887 Донесения французского полномочного
министра при русском дворе Кампредона
за 1725 г. // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 58.
- ДФП 1888 Донесения французского полномочного
министра при русском дворе, Кампредо-
на, и агента Маньяна, за 1725 и 1727 гг. //
Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 64.
- Желябужинский Записки Желябужинского // Записки рус-
ских людей. События времен Петра Вели-
кого / Сост. Н. Сахаров. СПб., 1841. Отд.
пагин.
- Живов *Живов В. М. Культурные реформы в си-
стеме преобразований Петра I // Из исто-
рии русской культуры. Т. III. (XVII — на-
чало XVIII века). М., 1996. С. 536—583.*
- Журнал 1695—
1725 Походный журнал 1695—1704 гг. СПб.,
1853.
- Походный журнал 1705—1711 гг. СПб.,
1854.

- Походный журнал 1712—1719 гг. СПб., 1854.
 Походный журнал 1720—1725 гг. СПб., 1855.
- Забелин
 Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. 1. М., 1895.
- Зимин
 Зимин А. А. И. С. Пересветов и его сочинения // Сочинения Пересветова. М.; Л., 1956.
- Календарь на 1709—1728 (М.)
 Календарь или месяцеслов христианский, по старому штилю или исчислению, на лето от воплощения Бога слова 1709—1728. [М.], 1708—1727.
- Календарь на 1713—1741 (СПб.)
 Календарь или месяцеслов на лето от рождества Господа нашего Иисуса Христа 1713—1741. [СПб.], 1713—1740.
- Книга историография
 Книга историография початия имени, славы и расширения народа славянского. СПб., 1722.
- Корб
 Корб И.-Г. Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. М., 1997.
- Кротов
 Кротов П. А. Рождение балтийского военно-морского флота / Вопросы истории. 1991. № 11. С. 209—213.
- Краткая повесть
 Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. Париж; М.; Нью-Йорк, 1993. С. 232—241.
- Куракин
 Куракин Б. И. История о царе Петре Алексеевиче // Записки русских людей. События времен Петра Великого / Сост. Н. Сахаров. СПб., 1841. Отд. пятый.

- Лефорть
 Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 317—531.
- Лирия
 Письма о России в Испанию Дука де Лирия // Оснадацатый век. Исторический сборник. М., 1869. Кн. 3.
- Лотман, Успенский
 Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого. (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн. 1993. Т. 3. С. 201—212.
- Луннов
 Луннов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.
- Лурье
 Лурье Я. С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997.
- Майков, Платонов
 Майков В. В., Платонов С. Ф. [Предисловие] // Грибослов Федор. История о царях и великих князьях земли русской. СПб., 1896. С. I—XVI.
- Мардефельд
 Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 15. С. 175—414.
- Материалы I—IV
 Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885—1887. Т. 1—4.
- Мыльников
 Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, прототипотезы XVI — начала XVIII в. СПб., 1996.
- Насонов
 Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. IV. С. 270—286.

- Неплюев *Неплюев И. И.* Записки // Империя после Петра. 1725—1765. М., 1998.
- Описание порядка *Описание порядка, держанного при погребении <...> Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского.* СПб., 1725.
- Памятники русской культуры *Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Каталог.* Л.; М., [1966].
- Панегирическая литература *Панегирическая литература петровского времени. Русская старопечатная литература (XVI — первая четверть XVIII в.) / Сост. В. П. Гребенюк.* М., 1979.
- ПБПВ I—XII *Письма и бумаги императора Петра Великого.* СПб.; М., 1887—1977*.
- ПДС *Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными.* СПб., 1867. Т. 8.
- Пекарский 1862, I—II *Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1—2.
- Пекарский 1870 *Пекарский П. П.* История Императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.
- Переписка Поликарпова *Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом. Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с начальником Монастырского приказа гр. И. А. Мусиным-Пушкиным / Русский архив.* 1868. Вып. 7—8. Ст. 1041—1057.
- Пересветов *Сочинения Пересветова.* М.; Л., 1956.

* В ссылках на основной текст этого издания указывается номер документа, в ссылках на комментарий — страница.

- Пештич *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1.
- Повесть о взятии Царьграда *Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Библиотека литературы Древней Руси.* СПб., 1999. Т. 7. С. 26—71.
- Погосян 1997 *Погосян Е.* Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730—1762 гг. Тарту, 1997.
- Поликарпов *Поликарпов Ф.* История о владении российских великих князей вкратце, о царствовании же десяти российских царей, а наипаче всероссийского монарха Петра Алексеевича (тем именем) Первого / РО БАН. П. 1 Б 78.
- Политиколенная апофеосис *Политиколенная апофеосис достохвальной храбрости всероссийского Геркулеса <...> царя и великого князя Петра Алексеевича.* [М.], 1709.
- Постановления Синода *Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи.* СПб., 1876. Т. IV.
- Поход боярина Шенна *Рубан В.* Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шенна к Азову. СПб., 1773.
- ПРГ *Письма русских государей и других особ царского семейства.* М., 1861. Вып. 1.
- Примечания к ведомостям *Исторические Генеалогические и Географические примечания, в ведомостях издаваемые в Санктпетербурге при Академии Наук с 1729 по 1740 год.* М., 1765.
- ПСЗРИ III—XI *Полное собрание законов Российской империи. Серия I.* СПб., 1830. Т. III—XI.
- Пушкин *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. X.

- Пьесы школьных театров Пьесы школьных театров Москвы. Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). М., 1974.
- Рейсер Рейсер С. А. Книжки политические, которые продаются в Гаге // Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955. С. 541—563.
- Ровинский Ровинский Д. А. Обзорные иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. 1674—1891 гг. СПб., 1903.
- Рондо Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1728 года по 1733 год // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 66.
- Савельева Савельева Е. А. Переводные исторические труды в России в XVIII в. // Рукописная и печатная книга в России. Проблемы создания и распространения. Л., 1988.
- Сводный каталог I—V Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725—1800. М., 1963—1967. Т. I—V.
- Семевский Семевский М. И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. 1692—1724. СПб., 1884.
- Семевский 1884 Семевский М. И. Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. Слово и Дело! 1700—1725. СПб., 1884.
- Серов Серов Д. О. Строители империи. Очерк государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.
- Соболева Соболева Н. А. Старинные гербы Российских городов. М., 1985.

- Собрание писем Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. СПб., 1829. Ч. 1.
- Соловьев XIV—XVIII Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962—1963. Кн. 8—9. Т. XIV—XVIII.
- СРЯ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып. 6 (зипун — январий).
- Творогов 1971 Творогов О. В. Древнерусский перевод Троянской истории Гвидо де Колумна и издание 1709 г. / ТОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVI. С. 64—71.
- Творогов 1972 Творогов О. В. Повести о Троянской войне в русской рукописной традиции // Троянские сказания. Л., 1972. С. 161—187.
- Тредиаковский 1733 [Тредиаковский В. К.] Ода приветственная всемилощивейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоанновне в день отправляющегося торжества то есть 19 января для радостного всем нам восшествия ее величества на всероссийский престол. СПб., 1733.
- Уард Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1728 года по 1733 год // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 66.
- Успенский 1994 Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1.
- Устав московских патриархов Устав Московских святейших Патриархов Российских <...> хранимый и ныне в точности соблюдаемый в первопрестольной Москве большого Успенского Собора // Древняя Российская Вивлиофика. II изд. М., 1789. Т. 10.

- Устрялов I—II *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1—2.
- Фейерверки и иллюминации *Алексеева М. А.* Фейерверки и иллюминации в графике XVIII в. / Каталог выставки. Л., 1978.
- Феофан Прокопович *Феофан Прокопович.* Сочинения. М.; Л., 1961.
- Церемониальный журнал *Церемониальный журнал 1739 г.* Б. г.; б. д.
- Шафиров [*Шафиров П. П.*] Рассуждение какне законные причины его царское величество Петр I <...> к начатию войны против короля Карола XII Шведского 1770 году имел. СПб., 1717.
- Шмурло *Шмурло Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. Вып. 1. (XVIII век).
- Юст Юль I—III *Записки датского посланника при Петре Великом Юста Юля / Русский архив.* 1892. Кн. I. С. 273—304; Кн. II. С. 5—48, 113—150, 241—262; Кн. III. С. 35—74, 319—333, 495—518.
- Black *Black J. L.* G.-F. Müller and the Imperial Russian Academy. Kingston and Montreal, 1986.
- Consett *For God and Peter the Great. The Works of Thomas Consett, 1723—1729.* Ed. by James Cracraft. New York, 1982.
- Curtis *Curtis M.* A Forgotten Empress. Anna Ivanovna and her Era. 1730—1740. New York, 1974.
- Hughes 1998 *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. Yale University Press. New Haven and London, [1998].
- Hughes 2000 *Hughes L.* The Petrine Year: Anniversaries and Festivals in the Reign of Peter I (1682—

- 1725) // *Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century.* Lewiston; Queenston; Lampeter, [2000]. P. 149—168.
- Tanner *Tanner J.* The Last Descendant of Aeneas. Yale, New Haven & London, 1993.
- The Triumph of Maximilian I *The Triumph of Maximilian I.* Woodcuts by Hans Burgkmair and Others (transl. of descriptive text, introduction and notes by Stanley Applebaum). New York, 1964.
- Wheatcroft *Wheatcroft A.* The Habsburgs. Embodying Empire. Viking. [1995].
- Whittaker *Whittaker H.-C.* The Idea of Autocracy among Eighteenth-Century Russian Historians // *Imperial Russia. New Histories for the Empire.* Indiana University Press, 1998. P. 32—53.
- Wortman *Wortman R. S.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. V. 1. Princeton University Press, [1995].

Оглавление

От автора	5
Введение	6
Часть I. Придворный календарь при Петре I	23
Глава 1. Торжество по случаю военной победы: 1696—1708 годы	29
«Сыны адские не одолеют нас»: взятие Азова	29
«Совершить» год «порядком»: годовое гражданское торжество первых лет Северной войны	42
«Улучшить время в государстве своем»: концепция новогоднего торжества	67
Глава 2. Годовое воспоминание военной победы: становление традиции (1708—1724)	76
Празднование Нового года в Москве и Петербурге	77
Годовщина взятия Шлиссельбурга: «начало нашего авантюра»	96
День рождения царя, «устроителя» флота	98
Полтава — торжество «русского воскресенья»	112
Глава 3. Годовой круг официальных торжеств при дворе Петра I	124
Юбилейный 1719 год	124
Официальный календарь в 1720—1721 годах	140
Торжества Ништадтского мира	149
Имперский календарь	163
Часть II. Официальная историография при Петре I	183
Глава 1. Император присно прибавитель	188

Оглавление

	423
«История» Федора Поликарпова	188
Генералиссимус Фридрих Преншурский	207
Императорский титул	220
«Дабы с нами не так стало, как с монархией Греческою»	229
Глава 2. «История Свейской войны»	244
«История Свейской войны» в контексте исторических проектов Петра I	244
Документ и свидетельство «самовидца» в кругу источников «Истории Свейской войны»	251
Заметки Петра I к «Истории Свейской войны»	258
Концепция войны: Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович, Петр I	268
Часть III. Конец Петровской эпохи	287
Глава 1. Екатерина I	288
Траурный 1725 год	288
«Царствовать с блеском»: новые тенденции в организации имперского календаря	308
Глава 2. Имперский календарь в правление Петра II и Анны Иоанновны	328
Имперский календарь при Петре II: московская и петербургская версии	328
Официальное торжество в календарях и при дворе Анны Иоанновны	338
Глава 3. «К славе и чести любезного отечества»	364
«Свят корень, свята и ветвь»	364
Империя славян	393
Цитированная литература	409

Научно-популярное издание

Елена Анатольевна Погосян

ПЕТР I — АРХИТЕКТОР РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Редактор *Н. Г. Николаюк*

Технический редактор *Н. Н. Баранова*

Компьютерная верстка *С. Л. Пилипенко*

Корректор *Т. А. Румянцева*

ISBN 5-210-01556-4

9785210015563

ЛР № 000024 от 9.X 98 г.

Подписано в печать 22.XI 2001 г. Формат 70 X 100 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,23. Усл.кр.-отт. 17,48. Уч.-изд. л. 19,15. Тираж 5000 экз. (1-й завод 2000 экз.). Заказ № 4434

Издательство «Искусство—СПБ». 191014 Санкт-Петербург, Саперный пер., 10, оф. 8

Отпечатано с диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН. 199034 Санкт-Петербург, 9 линия, 12